ЛЕГЕНДЫ.
ПРЕДАНИЯ.
БЫВАЛЬЩИНЫ

ЛЕГЕНДЫ. ПРЕДАНИЯ. БЫВАЛЬЩИНЫ

СОКРОВИЩА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

КЛАССИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА «СОВРЕМЕННИКА»

ЛЕГЕНДЫ. ПРЕДАНИЯ. БЫВАЛЬЩИНЫ

МОСКВА «СОВРЕМЕННИК» 1989

ББК 82.3Р—6
Л38

Составление, подготовка текстов,
вступительная статья и примечания
Н. А. Криничной

Рецензент *С. Н. Азбелев*

Л38 **Легенды. Предания. Бывальщины**/ Сост., подгот. текстов, вступ. статья и примеч. Н. А. Криничной.— М.: Современник, 1989.— 287 с.— (Классическая б-ка «Современника»).

ISBN 5—270—00456—9

Сборник знакомит читателя с народной несказочной прозой, основное место в нем занимают предания, записанные в разное время в разных областях России. Тематика их разнообразна: предания о заселении края, о предках-родоначальниках, об аборигенах, о богатырях и силачах, о разбойниках, о борьбе с внешними врагами, о конкретных исторических лицах. Былички и легенды (о лешем, водяном, домовом, овиннике, ригачнике и т.д.) передают языческие и христианские верования народа, трансформировавшиеся в поэтический вымысел.

Вступительная статья и историко-этнографический комментарий помогут самому широкому читателю составить целостное представление об этих малоизвестных жанрах русского фольклора.

Л $\frac{4702010000\text{-}251}{М106(03)\text{-}89}$ — КБ—46—54—88 ББК82.3Р—6

ISBN 5-270-00456-9

КОГДА ГРАНИТ И ЛЕТОПИСЬ БЕЗМОЛВНЫ...

— Да мы не за песнями. Нет, и не за сказками. Нам бы предания, бывальщины... Откуда ваше село пошло, кто первый поселился. И что про Петра Первого рассказывают.

— Пожалуйте в избу,— откладывает рубанок серебряный дедушко.

Тогда, в конце шестидесятых, самом начале семидесятых годов, в наших рассказчиках еще угадывалась стать былых гвардейцев конных полков, матросов и пехотинцев первой мировой. От их облика веяло романтикой революционных боев. И уж вовсе въяве была выправка солдат-победителей Великой Отечественной. Таковы они, наши деды, извечные воины, пахари, плотники.

Рядом с ними тихо светились трогательно-простодушные старушки. Всю жизнь в неженском труде прожили они в залесной деревне, лишь по рассказам и ранам мужей, сыновей зная о грозной огромности мира. В нашей памяти — одухотворенные лица исполнителей фольклора. Нам слышны интонации живой их речи. Многим из рассказчиков теперь минуло бы сто лет...

Высокая ответственность легла на тех, кому выпало услышать родное заповедное слово, соединявшее поколения.

Мы[1] прошли дорогами Севера, хранителя общерусской традиционной культуры. Позади — Поморье, Заонежье, Пудога, Каргополье, Вытегорский край. Знакомство с северно-русскими преданиями, быличками, легендами дало ключ к раскрытию мира фольклорной прозы иных мест: Средней и Южной России, Поволжья, Урала, Сибири. Записанные в разное время, эти произведения оказались сродни северно-русским и по глубинному смыслу, и по узору сюжета. Собранные в этой книге воедино, они образуют мозаичную картину, где есть место исторической памяти народа, его верованиям, поэтическому видению природы, его надеждам и чаяниям.

Народ всегда ощущал потребность в сохранении и передаче собст-

[1] Вместе с автором этих строк в собирании произведений народной несказочной прозы принимал постоянное участие писатель Виктор Пулькин.

венной истории. Живая память о минувшем в человеческом сообществе — залог его единства, жизнестойкости. У жителей каждого села, города, края — своя история, свои рассказы о событиях, происходивших на их «малой» родине, но глубинно связанных с «большой» историей. Эти рассказы принято называть **преданиями**.

В древности предания осмыслялись как священная история рода. Ее тайны открывал молодому охотнику, воину старейшина. В ранних преданиях содержится ответ на вопросы, поставленные первобытным сознанием: «Откуда мы? Кто первопредок людей, принадлежащих общине?» На вопросы о месте человека в коллективе, в природе, о происхождении промыслов и культурных благ, о способах воздействия на природу был дан ответ в форме мифологических образов, которые мы воспринимаем как художественные.

Содержание древних преданий фантастично лишь с точки зрения современного человека. Согласно им, каждый род ведет начало от предка — животного: медведя, лебедя, щуки... От этого же предка, по представлениям древнего человека, происходят и животные соответствующего вида. Люди и животные — дети одного праотца. Они — кровные братья, способные перевоплощаться друг в друга, и не всегда ясно, где зверь или птица, обернувшиеся человеком, где человек, представший в их облике. Человек видел себя в единстве с природой. Когда первоначальная неделимость людей и природы утратила буквальный смысл, родилось то художественное видение, которое и поныне питает мир народной поэзии, в том числе и мир преданий, быличек, легенд.

Несмотря на фантастичность, эти представления сыграли важную роль в становлении человеческого общества. Люди осознали родственные связи, свое единство, почувствовали весомость своего прошлого. Со временем в предании все отчетливее отражаются конкретные исторические события, проявляются черты конкретных исторических лиц. Однако в этом творческом процессе постоянно присутствует традиция. Через нее осуществляется связь с культурой предшествующих эпох. Она-то и привносит и в образ, и в расстановку персонажей, и в их деяния тот фантастический вымысел, который зародился на заре человеческого бытия.

Совокупность преданий — поэтическая автобиография народа. Торжественно, величаво льются слова летописи, возвестившие о начале Русской земли: «И створиша град во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киев. Бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне». Об основании Киева поведало задолго до автора начальной русской летописи (XII века) устное древнерусское предание, записанное в VII веке армянским историком Зенобом Глаком.

Сродни общерусскому сказанию бытующие поныне предания о начале «малой» родины — об основании соседних деревень братьями («Ос-

нование поздышевских деревень», «Братья-первопоселенцы», «Шихан-гора», «Прошлое деревни»). В разные эпохи воплощают братья-новоселы родовую общину, патронимический коллектив, а то и просто знакомую нам патриархальную семью.

В силу социально-экономических условий деревни на Руси были однодворные, починки, забиравшиеся в глухомань от ордынских наездов. Лишь позднее, к XVII веку, складывается тип деревенского расселения, дошедший до нас. Но на Севере, в Сибири густота заселения была невелика. Это и отразилось в преданиях. В них первопоселенцы двух деревень узнают друг о друге по плывущим по реке свежим щепкам, венику, мусору («Принесло помяло...»), либо по крику петуха («Пенье петухово»), либо по удару топора в лесу («Стук топора»). В этом случае рассказчики передают и радость встречи двух первопоселенцев, долгое время живших вне человеческого общения.

Вслед за деревнями вставали и храмы — деревянные или белокаменные. Без них невозможно представить Русь! И о них, признанных ли всесветно памятниках архитектуры или известных только в ближайшей округе, тоже повествуют тщательно сберегаемые предания. Строительство церквей, часовен, а то и просто крестьянской селитьбы, начиналось с выбора места, при котором, как видно из преданий, дело не обходилось без особого обряда.

Ритуал этот был языческим по своим истокам. Срубленное в лесу строевое дерево отпускали на волю волн либо на произвол молодого неезженого жеребца. Куда попадало таким образом первое бревно, там и строили храм или хоромы. По мере усиления христианизации дерево сочетается с иконой, а нередко и вытесняется ею. Впоследствии доставленная водой или конем икона заменяется чудесно явленной и в этом качестве изображается в фольклоре, а затем и в агиографической литературе. Но соблюдение давнего обряда не исключало творческого поиска зодчих! С какой гениальной естественностью вписаны в раздолье полей, в оправу бора, как единственно верно поставлены над приплеском больших и малых вод не только шатры, купола церквей, но и всякая малая застенчивая деревушка.

В преданиях, повествующих о заселении, освоении края, речь идет и о происхождении названия деревни, села, города. Топоним нередко возникает от имени, прозвища, фамилии первопоселенца или владельца определенной местности — селения, пожни, пашни, промыслового угодья, острова,— связан с родом занятий коренных жителей или новоприходцев, их этническим происхождением. Топонимический мотив предания, часто расцвеченный фантазией, обычно основывается на так называемой народной этимологии, которая, объясняя происхождение названия, подчас не сообразуется ни с какими фактами — историческими, этнографическими, географическими,— равно как и с лингвистическими закономерностями.

С устной летописью, хранящей память о заселении и освое-

нии определенной местности, сливаются предания об аборигенах этого края или иных земель. Неведомый мир, осваиваемый сквозь призму архаических представлений тех времен, казался населенным «дивиими людьми». Есть среди них трехглазые, трехногие и, наоборот, с одним глазом посредине лба, одноногие, ходящие по двое, с песьими головами, с лицами, расположенными на груди, с признаками чудовищных зверей, наделенные способностью к колдовству, перевоплощению. Так и вспоминается русский лубок «Люди дивыя наиденыя царем Александром Македонским». В числе этих «людей» персонаж с тремя головами, одна из которых хоть и антропоморфная, но рогатая и одноглазая, другая — человеческая, третья напоминает змеиную. А вот ксипофаг с тремя головами — двумя человеческими и одной лошадиной, с двумя ногами, четырьмя «руками», одна из которых — лошадиное копыто. И иные чудища...

В качестве аборигенов заселяемых земель в русских преданиях наиболее часто изображается чудь. В образе этого мифического народа воплощены раннеисторические — в значительной степени мифологические — представления о некогда обитавшем на данной территории населении. Чудь в преданиях то белоглазая, то краснокожая («Белоглазово», «Чудин Лист — основатель деревни Лисестров»). Нередко это люди фантастически высокие, сильные. В одних преданиях чудь изображена за мирным занятием: дева-правительница выходит на гору, сучит шелк. В других речь идет о ее воинственности, коварстве.

По мере преодоления остранения, очуждения аборигенов, столь свойственного раннеисторическому мировосприятию, чудь предстает в качестве самых обычных людей. Исчезновение чуди, связанное с переселением ее в иную местность либо с ассимиляцией, находит воплощение в сюжете «чудь в землю ушла», унося свои несметные сокровища. (Мотив этот использован в творчестве Н. К. Рериха.) К преданиям об исчезновении аборигенов можно причислить и древнерусское летописное предание об обрах (аварах).

Уже в образе первопоселенца, основателя деревни, подчас и города обнаруживаются следы различных эпох. В нем могут быть черты предка-родоначальника, вождя, главы патриархальной семьи или самого обычного человека — крестьянина, мастерового, солдата. Более поздний персонаж наследует признаки своего предшественника, нередко такие, которые с современной нам точки зрения могут показаться излишне гиперболизированными. Основатель селения, родоначальник подчас изображается человеком гигантского роста, могучего телосложения, необыкновенной силы. Впоследствии эта традиция закрепилась преимущественно за образом богатыря, силача.

Незаурядная физическая сила требовалась в различных видах трудовой деятельности. Нынешние старики помнят: плохо вооруженный полесовщик брал лося на измор, десятки километров неутомимо преследуя

зверя по насту. А каких трудов стоила пахарю его нивка, особенно новая, отвоеванная топором и огнем у дикого леса! Тысячи и тысячи крестьян уходили в отхожие промыслы. Особые условия труда на лесоразработках, сплаве, у бурлаков, в строительстве требовали силы, упорства, выносливости. Эти же качества были незаменимы и на заводской работе, особенно неквалифицированной, нередко выполняемой сезонными рабочими (например, выкатка круглого леса из запани и погрузка пиловочника на корабли на лесозаводах Поморья).

И сложился в фольклорной прозе своеобразный культ физической силы, направленной на добро и созидание, культ сильных людей с кротким нравом, с остро развитым чувством социальной справедливости. Поныне помнят на Урале силача Василия Балабурду, о котором писал Д. Н. Мамин-Сибиряк в 1894 году в журнале «Вокруг света». На Волге добрым словом вспоминают Никитушку Ломова. Поныне жив на Русском Севере своего рода эпос об Иване Лобанове. Прототипом этого фольклорного героя послужил известный русский борец-самоучка Иван Григорьевич Лобанов (1879—1912), родом из Вологодчины.

Предания об Иване Лобанове впитали в себя едва ли не все мотивы фольклорной прозы, связанной с другими силачами — известными и безымянными. Иван Лобанов выносит на себе бревна из лесу. Поднимает и уносит на большое расстояние многопудовую чугунную бабу. Удерживает отходящий от пристани пароход. Перекидывает огромные тяжести. В этом схожи с ним и Василий Балабурда, и Никитушка Ломов. Но Иван Лобанов еще и борец. И в этом отношении он продолжает ряд героев, вступающих в единоборство с врагами-нахвальщиками, подобно юноше-кожемяке, о котором повествуется в начальной русской летописи под 992 годом, или Рахте (Раху) Рагнозерскому.

Еще более схож архангельский богатырь с теми персонажами, которые участвуют в единоборстве как спортивном состязании («Иван Донской», «Силач Андрюша», «Меньшиковы»). Рядом с Иваном Лобановым в преданиях нередко появляется его сестра, как бы дублируя и дополняя образ героя.

Казалось бы, силачи изображены в преданиях как реальные люди, современники рассказчиков. Но эпическое преувеличение их силы, вера в ее чудесное происхождение роднит силачей, родившихся в русской избе, с героями древних мифов. Простодушные наши добры молодцы встают в один ряд с героями античности, такими, как Геракл или Антей, не уступая им ни в силе, почерпнутой у матери-земли, ни в мудрой целеустремленности подвигов.

Сила нужна не только для мирного труда либо удалого состязания. Она требовалась и для борьбы с теми, кто с мечом приходил на обжитую предками, святую для нас землю. В древнерусских преданиях о подвиге молодого киевлянина и о белгородском киселе, помещенных в начальной летописи под 968 и 997 годами, повествуется о набегах кочев-

инков южных степей — печенегов. Они продолжались вплоть до 1036 года, пока князь Ярослав Мудрый не нанес им решительное поражение под стенами Киева.

Тяжкую память оставило о себе монголо-татарское нашествие. Начало его ознаменовано кровопролитной битвой 1223 года на Калке. Затем — опустошительные походы на Русь в 1237—1240 годах. По словам предания «Батыева дорога», при появлении несметных вражеских полчищ бледнел свод небес. В условиях подъяремной жизни, когда до победоносной Куликовской битвы (1380) было далеко, герой предания, в отличие от былинного, нередко обрекается на гибель («Чалая могила», «Караульная гора»).

В устной летописи народа нашли отражение и многочисленные факты нападений шведов на северные рубежи Руси в течение XII—XVII веков. Набег шведов на Поморье в 1591 году запечатлело предание «Немецкая щелья», а бесславный поход «каяиских немцев» 1611 года к Соловецкому монастырю — предание «Окаменели», которые рассказывают на берегах Белого моря и теперь.

О годах борьбы, которую вел русский народ против польско-шведской интервенции в начале XVII века, в эпоху Смутного времени, поведали потомкам предания «Гришка Отрепьев и паны», «Разорение Кокшеньги», «Панское озеро», «Литовцы на Киваче».

Отголоском Отечественной войны 1812 года стало предание «Как француз приходил». Свое освещение в народной исторической прозе получили эпизоды Крымской войны (1853—1856), в частности, безуспешные подступы английского десанта 29 июня 1854 года и 3 июля 1855-го к поморскому селу Кузомеиь на Терском берегу Белого моря («Про англичанку»), разграбление врагами Кандалакши 6—7 июля 1854 года («Серебряный колокол»).

В архаических преданиях от врагов избавляются посредством чуда. Непроглядный туман заволакивает селение, оно остается неприметным для Батыева воинства. Внезапно образовавшееся озеро поглощает шайку поляков. Разграбившие церковь шведы окаменевают. Для борьбы с врагом используется военная хитрость. Однако не чудеса и случайности определяют исход борьбы. Победу приносит упорство и самоотверженность. Понимание этого нашло отражение в позднейших преданиях.

В различных уголках России повествуется о том, как местные жители используют природные условия для ведения партизанской войны. Повсеместно бытует предание, в котором крестьянин, взятый врагами в проводники по бурной реке, направляет лодку в пучину водопада. Меняются географические названия, этническая, социальная принадлежность врагов (ими могут быть шведы, поляки, разбойники). Неизменным остается героический поступок крестьянина.

Отзвуки ратных дел наших предков, воплотившиеся в предания, сливаясь, образуют героическое сказание, воинскую повесть о борь-

бе русского народа с врагами на протяжении всей истории Родины.

Внешние враги в преданиях во многом схожи с разбойниками, жертвами которых оказываются крестьяне, рыбаки, мастеровые. Образ разбойников, как и внешних врагов, вырастает из знакомого нам по мифам персонажа — антагониста, противостоящего мифическому же предку-родоначальнику. Вот почему разбойник в преданиях, особенно архаических,— обладатель магической вредоносной силы. Эта сила может быть персонифицирована в одном лице («Владыка-воин»), либо в трех братьях («Колга, Жожга и Кончак»), либо во множестве («Ходил разбой шайками...», «Богатырь Пашко и разбойники»). Для поддержания магической силы у разбойников существовали, по преданию, обряды, связанные с принесением в жертву первого встречного («Дед Колышек и разбойники»). В поздних преданиях разбой осмысляется как совершенно реальное действие («Воровское городище»).

Борьба с разбойниками изображается зачастую как единоборство героя (нередко обладателя магического предмета или слова) с антагонистом, а позднее как реальная расправа с теми, кто отступил от нравственных законов человеческого общества.

В позднефеодальный период, в условиях усиления крепостного гнета, формируется иной тип разбойника, известного мировой литературе со времен Фридриха Шиллера под названием «благородного». Сущность его поступков определена сложившимися в фольклоре формулами: «у богатых брал — бедным отдавал», «обижал господ, за народ заступался». Эти формулы разворачиваются в живописные сюжеты, которые в разных местностях и при каждом новом исполнении играют своими красками. Народ любуется удалью раскрепощенного человека, отдает должное его находчивости, смекалке перед лицом социальных противников, преследователей, наделяет героя чудесными способностями: пуля не берет атамана, кандалы спадают с него. Посаженный в острог, герой предания «с водой уходит», с птицами улетает. В час гибели атамана его оплакивает сама природа («Ворожеин Артамон»). В северно-русских преданиях это Фома-воевода, в среднерусских и поволжских — Кудеяр и Кузьма Рощин, на Урале славится Васька Журавлев, в Сибири — Криволуцкий. С этими персонажами связаны утопические представления о том, как избавиться от нужды, добиться справедливости, обрести свободу.

Идея социальной справедливости нашла воплощение и в преданиях о расколе. Сюжетную основу этих преданий составило противоборство верхов и низов в Московской Руси второй половины XVII столетия, выразившееся в ряде народных восстаний, в форму социального протеста вылился и раскол в православной церкви. Историческими прототипами главных персонажей преданий об этой невиданно ожесточенной церковной полемике послужили патриарх Никон (1605—1681) и протопоп Аввакум (1620 или 1621—1682) — крупнейший писатель Древней Руси.

Они, земляки-нижегородцы, выходцы из социальных низов, при рас-

коле русской церкви стали ярыми идеологическими противниками. Символом реформ, проведенных патриархом с целью централизации церкви, укрепления феодального государства, было исправление по греческим образцам богослужебных книг, изменение церковных обрядов, принятие троеперстного — вместо прежнего двуперстного — крестного знамения («Никон»). Двуперстие служило символом сопротивления для тех, кто не согласился с нововведениями и отныне прослыл раскольниками. «Старая вера», несмотря на свою, казалось бы, религиозную оболочку, воплощала приверженность национальным традициям, верность антифеодальным настроениям значительной части населения. Отсюда стремление вождей раскола опереться на силу крестьянских восстаний. Это нашло отражение в предании о встрече Аввакума с Разиным. Факт такой встречи документально не подтвержден.

Дальнейшие события нашли преломление в преданиях «Проклятие Никона», «Сожжение протопопа Аввакума». Проклятый церковным собором (1666—1667), мятежный протопоп сам яростно проклял этот собор. Вместе с ближайшими соратниками, Епифанием, Лазарем и Федором, он оказался в пустозерской тюрьме (до этого Аввакум был в ссылке в Сибири: в Тобольске, Енисейске, Даурии, позднее — на Севере, в Мезени). Непримиримые староверы заживо сожжены в 1682 году.

Наряду с крупными историческими фигурами в преданиях представлены «рядовые» раскольники. Это участники Соловецкого восстания (1668—1676), среди которых и ученики Аввакума, и сподвижники Степана Разина,— факт любопытный и действительно имевший место. Это и жертвы массовых самосожжений — «гарей». В таких актах раскольники видели путь «спасения души» от «печати антихриста» («Гибель староверов»). Это сосланные в далекие, необжитые — чаще сибирские — земли, но и там во многих поколениях не избывшие верности древним обычаям, свободолюбию («Родословная Рыжаковых», «Родословная Чебуниных», «Раскольники при Петре Первом»).

На фоне больших и малых исторических событий, народных движений вырисовываются монументальные фигуры государственных деятелей Древней Руси. Первый из них — Рюрик, родоначальник русской княжеской династии, который княжил в Ладоге, а затем, в 862 году, захватил власть в Новгороде. С ним связаны народные представления о происхождении «даней и податей», об истоках эксплуатации («Юрик-новосел»). Затем перед нами предстает Марфа Посадница, изображенная в момент противоборства с Зосимой — одним из основателей Соловецкого монастыря: незадолго до падения Новгорода (1478) в борьбе за обладание земельными угодьями столкнулись интересы светской и духовной власти.

Цикл преданий посвящен Ивану Грозному (1533—1584). Для изображения его воцарения используется «бродячий» сюжет, связанный в других преданиях с иными именами (с Борисом Годуновым, Петром Первым), основанный на вымысле. На самом деле трехлетний Иван

IV наследовал престол отца, Василия III. В преданиях «Воцарение Ивана Грозного», «Расправа с боярами», «Бычья шкура» выражено сочувственное отношение народа к Ивану Грозному как борцу с реакционным боярством, покорителю Казанского ханства (1552). Вместе с тем он осужден за массовые гонения, особенно во время его похода в Новгород (1570), когда ежедневно гибли 1000—1500 человек («Приехал царь Грозный в Новгород», «Казнь колокола», «Царь Грозный и архимандрит Корнилий»). В изображении Ивана Грозного можно проследить архаическую традицию показа царя (вождя) в качестве жреца, мага («Наказание реки Волги»). Веяние нового времени отражает тема борьбы самого царя с колдовством («Сороки-ведьмы»).

Предание о Борисе Годунове (ок. 1552—1605), в основе которого «бродячий» сюжет о выборах царя, не лишено реалий. Имеется в виду его демократическое происхождение, избрание царем на Земском соборе (1598), антибоярская направленность его правления.

Освоен фольклорной традицией и образ Марфы Романовой (ок. 1570—1631) — матери царя Михаила Федоровича. Исторической основой предания послужило то обстоятельство, что в 1601—1606 годах боярыня жила в заонежском селе Толвуя. Сосланная сюда Борисом Годуновым, подвергшим опале весь род Романовых, изгнанница вызвала сочувствие местных крестьян, которые по воцарении Михаила получили привилегии обельных вотчинников. Толвуйский священник Ермолай Герасимов стал ключарем кремлевского Архангельского собора. От него пошла фамилия Ключаревых, бытующая в близлежащих к Толвуе деревнях поныне.

Сын Марфы Романовой, царь Михаил Федорович (1596—1645), изображаемый в предании с позиций раскольников, предвидит якобы последствия пагубного влияния патриарха Никона на своего наследника, будущего царя Алексея Михайловича («Никон»).

Последующие страницы устной летописи надолго останавливаются на деяниях Петра Первого (1672—1725) — центральной фигуры преданий о государственных деятелях России. Ранние предания этого цикла связаны с походами Петра Первого на Азов. Готовясь ко второму из них, закончившемуся взятием Азовской крепости (1696), царь, принимавший участие в обоих походах под именем бомбардира Петра Михайлова, отдает приказ о строительстве флота в Воронеже, а потом и сам работает на верфи («Петр и плотник», «Царь Петр и солдат»).

Особенно запечатлелся в народной памяти приезд Петра Первого на Север в 1702 году. Через вытегорские, каргопольские деревни путь пролег к Архангельску, затем к Соловкам, от них — к поморскому селу Нюхча. Отсюда с сыном Алексеем, с четырьмя тысячами гвардейцев в сопровождении пяти тысяч местных крестьян он выступает в легендарный поход по дороге, названной впоследствии «осударевой». Через леса, болота они тащат два фрегата. Свершается невозможное: 160-верстный путь от Нюхчи до Повенца преодолен за десять дней. Спущенные в Онего

фрегаты по реке Свирь прошли в Ладожское озеро, к истокам Невы. Впереди крепость Нотебург! Осенним утром шведы обнаружили на траверсе крепости русское войско и флот. Исход сражения был предопределен. За этой победой последовали другие. Главная среди них — Полтавская («Петр Первый в Троице-Сергиевом монастыре»).

На каждом из преданий сказался настрой Петровской эпохи: раскованность в поведении героев, юмор в повествовании, изображение исторических событий на бытовом, а то и будничном фоне.

Там, где прошел Петр, навсегда осталась память о деятельном, нетерпеливом «осударе». Здесь он во главе войска тащит фрегаты по суше, там основывает город. Здесь высек за непослушание синюю Ладогу, там срубил священный лес. Здесь для осударя коня увели, там у самого кафтан украли...

Рядом с Петром встают те, чьими трудами мужала Россия,— землепашцы, рыбаки, мастеровые, солдаты. Они постоянно присутствуют в преданиях о Петре Первом, чаще безымянно, но имена некоторых народ сохранил. Это братья Баженины — Федор и Осип — корабелы, поставившие на Северной Двине первую в России купеческую верфь («Петр Первый и Баженин», «Петр Первый на лесопильном заводе при Вавчугской верфи»). Это Никита Демидович Антуфьев — тульский оружейник, родоначальник династии заводчиков Демидовых, организатор строительства металлургических заводов на Урале. Деятельность Демидовых характеризуется народом неоднозначно («О Демидовых и демидовских заводах», «Демидовские брусья»).

Предания помнят и ближайшего сподвижника Петра Первого — Александра Меншикова, демократическое происхождение которого (сын придворного конюха) позволило сказителям включить его имя в традиционный сюжет, где наряду с Петром обычно изображался безымянный кузнец. Народная память запечатлевает драматический момент в жизни Меншикова: ближайший сподвижник Петра после смерти царя сослан (1727) в Березов, где, вопреки преданию, он и скончался (1729).

Научные устремления Петровской эпохи воплощены в образе другого «птенца гнезда Петрова» — Якове Брюсе. Освоенные фольклорным сознанием, они вылились в сюжеты о создании человека «из цветов», о воскрешении его с помощью живой воды, в основе которых — древнее представление о четырех мировых элементах: земле, воде, огне, воздухе — и о происхождении каждого человека по преимуществу от одного из этих элементов или от определенного их сочетания («Брюс», «Арихметчик»).

При создании сказаний о Петре и его сподвижниках, впрочем как и о многих других исторических лицах, широко используется готовый «строительный материал». Он накоплен традицией, восходящей к изображению вождя доклассового общества (здесь можно увидеть истоки дальнейшей идеализации царя), который учреждает промыслы и ремесла,

вводит обычаи, обряды, празднества, устанавливает порядок в общественной и семейной жизни. Позднейший герой не изживает признаков мага-волшебника, обладателя сверхъестественных способностей, ведущих начало от архаического персонажа. Впитывая особенности определенной эпохи, черты конкретной исторической личности, персонаж предания заключает в себе два начала. Одно из них обусловлено традицией, а другое — действительностью. Вследствие этого в нем сочетаются реальное и фантастическое, подлинное и вымышленное, то, что народ видел, и то, что он хотел бы видеть. В результате в преданиях наблюдаются хронологические смещения, несообразности, отступления от фактов. Однако, с другой стороны, благодаря им и раскрывается сущность исторического лица, определяется суждение о нем народа.

Среди преданий об исторических лицах выделяется цикл, связанный с именами русских полководцев.

Символом воинской доблести защитников Древней Руси стало имя Александра Невского (1220—1263). Предания о нем, к сожалению, до наших дней в живом бытовании не сохранились, зато ими пронизано «Житие Александра Невского», повествующее отнюдь не о христианском смирении канонизированного православной церковью «святого». Это биография воителя, защитника рубежей Родины в одну из самых грозных эпох. В «Житии» слышны отзвуки ожесточенной битвы, в которую вступили воины княжеской дружины, ратники городского ополчения, дав отпор пятитысячному шведскому войску под предводительством ярла Биргера, вошедшему на ста судах в Неву. Шведы намеревались захватить прилегающие земли, взяв под свой контроль северную часть давнего торгового пути «из варяг в греки». В житии благодарно отражена роль пограничной стражи, состоявшей из воинов союзного Великому Новгороду финноязычного племени ижорцев под предводительством Пелгуя. 15 июля 1240 года захватчики были наголову разбиты. Князь Александр Ярославович получил почетное звание Невского, с которым и вошел в историю. Зримо воссоздается в «Житии» и Ледовое побоище, произошедшее 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера. Решительная победа русской рати над немецкими псами-рыцарями обезопасила западные границы Руси, терзаемой в те же годы нашествием с юго-востока.

Новое время дало еще одно славное имя российского воина — А. В. Суворова (1730—1800). Предания, песни, хранящие память о легендарном полководце, человеке истинно русского характера, едва ли не вытеснили фольклорные произведения о других наших военачальниках той поры. Объяснение этому — духовная близость Суворова носителям устно-поэтической традиции, его солдатам, что шли за ним против турок под Тутукаем и Казлуджей, у Фокшан и при Рымнике, штурмом брали Измаил. Впереди были походы против Наполеона — Итальянский, Швейцарский, бросок через альпийские перевалы в 1799-м, предпоследнем году жизни полководца.

В преданиях о Суворове мы не найдем хроники событий: историческая канва его жизни обозначена в них слабо. Вот те немногие эпизоды, что имеют под собой реальную почву: взятие крепости Измаил — 1790 («Суворов и солдаты»); приезд А. В. Суворова на Александровский пушечный завод в мае 1791 года, когда он командовал русскими войсками в Финляндии («Посещение Петрозаводска Суворовым»); опала полководца, имевшая, однако, место не при Екатерине II, а при Павле I — в 1797—1799 годах; преодоление альпийских высей («Переход через горы»).

В преданиях этих сохранена та особая атмосфера, которая объединяла полководца и его «чудо-богатырей», тот особенный настрой, который сам А. В. Суворов так ярко выразил в своем наставлении, обращенном к солдатам и названном им «Наука побеждать» (впервые опубликовано в 1806 году).

Наряду с русскими полководцами в преданиях изображены и вожди народных масс, первопроходцы новых земель. К их числу можно отнести казачьего атамана Ермака Тимофеевича (? — 1585). Двадцать лет, сражаясь с кочевниками, провел он в Диком поле. Затем мы видим его на полях сражений Ливонской войны. Но основная заслуга Ермака, признанная историей, оцененная фольклором,— присоединение Сибири к России. Вопреки утверждению предания «О покорении Сибири Ермаком», поход атамана во главе волжских казаков (1582—1585) против хана Кучума был предпринят не по приказу Ивана Грозного, а вопреки ему, хотя в конечном итоге оказался в русле централизаторской политики царя и его преемников.

Фольклорная традиция чутко улавливает идейное сходство, казалось бы, совершенно различных исторических прототипов. Ермак подчас изображается рядом со Степаном Разиным или ему приписываются поступки вождя крестьянской войны, несмотря на то что имя Разина появится на страницах истории через многие десятилетия после гибели Ермака («Ермак Тимофеевич и Стенька Разин»). Популярность Ермака в фольклоре объясняется тем, что он был выразителем народных устремлений к воле, к освоению новых земель. Поход его в Сибирь послужил как бы толчком к заселению этого края[1].

Предания более позднего времени о вождях народных масс связаны с именем Ивана Болотникова (? — 1608) — предводителя первой крестьянской войны в России (1606—1607). В предании «Гибель Ивана Болотникова», записанном нами в Каргополе, отражен трагический финал восстания. После его подавления Болотников был сослан сюда, в Каргополь, ослеплен и утоплен в реке Онеге.

Самая поэтическая фигура в преданиях этого цикла — Степан Разин (ок. 1630—1671). Этот образ оказывается в фокусе разновременных,

---

[1] Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1986. С. 178—180, 198—203, 278 и др.

многозначных традиций: в нем признаки чародея, колдуна, мага, хранителя «зачарованных» кладов сочетаются с чертами донского казака, удалого атамана, «благородного» разбойника, бунтаря. Лишь в некоторых преданиях намечены штрихи подлинно исторических событий. Это походы Степана Разина с Дона на Волгу, Яик и за Каспий в Персию, предшествующие крестьянской войне (1670—1671). И уже как эпизод этой войны изображается взятие Астрахани, расправа с воеводой князем Прозоровским, сброшенным с крепостной стены. В предании объект расправы — митрополит, сброшенный с колокольни Разиным («Стенька-чернокнижник»). Предания, основанные на анимистических представлениях, пронизаны верой в бессмертие Разина, в его возвращение и в свое время осмыслялись как символ грядущих восстаний и горячий призыв к ним.

Еще позднее в преданиях о вождях народных масс зазвучит имя Кондратия Булавина (ок. 1660—1708) — предводителя антифеодального восстания (1707—1709), его сподвижника Игната Некрасова (ок. 1660—1737). В предании «Смерть Булавина» отражены действительные события на Дону: казаки поднялись против наступления феодального государства на автономию Дона. Конкретно это проявилось в карательной экспедиции Ю. В. Долгорукого, во время которой воевода был убит: в предании — Некрасовым, на самом же деле восставшими во главе с Булавиным. Гибель Булавина осмысляется рассказчиками исторически достоверно — как предательство «домовитых».

После поражения булавинского восстания казаки во главе с Игнатом Некрасовым уходят на Кубань. Позднее (по преданию, вместе с Некрасовым, на самом же деле без него: атаман погиб в 1737 году в бою с царскими войсками) казаки вместе с семьями уходят в Турцию, на озеро Майнос. Во многих поколениях они остаются верными «заветам Игната», хранят язык, веру, обычаи («Уйти от царя да царицы — не измена»). Некрасовцы мечтают о заповедной земле («Корабль из города Игната»), но еще более о своей родной, прадедовской, пока не возвращаются в Россию («Почему плакал царь?»).

И наконец, предания о Емельяне Пугачеве (1740 или 1742 — 1775), донском казаке, земляке-одностаничнике, продолжателе дела Степана Разина, возглавившем крестьянскую войну 1773—1775 годов.

Вождь народного восстания предстает в преданиях (как то было и в реальности) Петром III, спасшимся от злой жены, вернувшим себе царский престол («О Пугачеве»). В преданиях выражена и социальная сущность борьбы. Для обездоленных Пугачев — «кормилец», «благодетель», «батюшка» («Пугачев в станице Татищевской»), в то время как для помещицы Салтыковой, погубившей, по документальным сведениям, более ста своих крепостных, он грозен даже посаженный в клетку («Пугач и Салтычиха»).

В дальнейшем повествование о ярких личностях, оставивших след

в памяти народной, связано с декабристами и революционерами-демократами,— этими заступниками народными, сибирскими узниками, каторжными. Предания о них, хотя и наполненные некоторыми историческими и географическими реалиями, все же выдержаны преимущественно в традиции бытовой сказки, и прежде всего сказки-анекдота.

Независимо от имеющейся в них доли вымысла, предания с художественной достоверностью отражают сущность событий, восприятие их современниками, оценку, данную потомками. Вот почему можно с полным правом утверждать вслед за поэтом древности:

Слово предания — вечное слово,
Основа познания, правды основа.

Таким образом, миф о предке-родоначальнике в предании под воздействием нарастающего исторического сознания народа трансформировался в конкретные сюжеты, которые отражают социально-общественную деятельность человека.

И этот же миф, обращенный другой своей гранью к природе, получил развитие в ином жанре фольклора — в быличке и бывальщине. В этих произведениях запечатлелись языческие верования, некогда присущие древнему человеку. В быличке повествуется о случае, происшедшем с самим рассказчиком. В бывальщине — пересказ того, что было с кем-то другим.

Для нас былички и бывальщины, равно как и псевдобылички, развенчивающие веру в сверхъестественное, не реликт былых заблуждений. Это остросюжетные, высокохудожественные произведения, достигающие совершенства в передаче психологического состояния героев — зачастую через мастерски построенные диалоги, через емкие описания близкой, но остающейся непостижимой природы родного края. Эти краткие повествования о народной жизни подчас воспринимаются как поэмы в миниатюре, как баллады в прозе. Так увидеть жизнь может только народ-художник.

Все стихии природы наделены духами — «хозяевами». Вот леший. Он, хозяин лесных зверей, может даровать охотнику добычу или отнять ее. Леший «водит» человека по лесу, иной раз даже губит его. И он же склоняется доброй нянюшкой над оставленным окрай лесной пожни ребенком («Леший-кум»). Не лишен хозяин лесной стихии и человеческих слабостей: он и картежник, и мимо кабака не пройдет. Расставивши ноги по обоим берегам реки, он пытается «попугать» рыбака — и разражается хохотом от мужицкой шутки, отпущенной нерастерявшимся крестьянином («Леший и рыбак»).

Таковы же по своему характеру и «хозяева» других природных стихий: горной, водной, огненной. Некогда их было больше. По мере утраты веры в этих духов исчезали и связанные с ними былички, бывальщины.

А вот домашние «хозяева»: домовой, баенник, рнгачннк, овинник, гуменник, мельничник... У каждого свои владения, но сходные заботы и печали. Быт крестьянской семьи узнаваем в том таинственном, что происходит в подполе — обиталище домового («Свадьба в подполе»). В домовом, заплетающем лошадям косички, теплится любовь крестьянина к своей «животинке» («Малюхонький старичок»).

По мере развенчания языческих божеств происходит снижение их образов. Некогда почитаемые, но теперь переосмысленные, эти мифологические существа предстают подчас в качестве нечисти, чертей, враждебных человеку («Черти молоденькие»). Рассказ о заонежской крестьянке, что за руку вывела милого мужа из чертова царства, напоминает сюжет классического мифа об Орфее и Эвридике, о его путешествиях в загробный мир.

Наряду с духами-«хозяевами», связанными с природой и домом, в быличках фигурируют перевоплощающиеся персонажи — ведьмы, колдуны, покойники. Навеянные древними, зародившимися в первобытном обществе анимистическими представлениями, согласно которым у каждого живого существа и даже предмета есть душа, способная принимать новую форму или возвращаться в прежнее обличье, эти образы сохранились в быличках до наших дней. Однако не чудеса, а земные человеческие чувства привлекают к ним внимание. Вот быличка «Жена из могилы». Ее с полным правом можно назвать поэмой о любви, побеждающей смерть.

Трепетным девичьим чувством, сродни тому, которое живет в народной лирической песне, пронизаны былички о гадании. И если даже «увиденный» тогда суженый в реальной жизни так и не появится, светлое воспоминание об этом бережно хранится всю жизнь («Букет цветов двенадцати сортов»).

Рядом с демонологическими рассказами, вырастающими, как мы видели, из давних языческих представлений, в фольклорной традиции мирно уживается легенда. Персонажи ее вызваны к жизни христианским вероучением. Это Христос, Богородица, апостолы и пророки, святые и странники. Вместе с тем и в легенде продолжает жизнь все та же быличка, осколок мифологических представлений. Правда, иногда даже в рамках одного произведения традиционный персонаж легенды — обычно Николай-чудотворец — вступает в конфликт с традиционным же персонажем былички (например, лешим), защищая от него жертву проклятия. Но чаще они полностью заменяют друг друга. В быличке «Про Егория Храброго» святой — хозяин зверей, как и леший. А Николай-чудотворец так же хранит порядок на «море-океане», как и водяной на своем заросшем травой лесном озерке. Параскева Пятница в праведном гневе на дремлющую за прялкой бабу не уступит ни «запечельной» Маре, ни домовому.

Правда, легенда в большей степени, чем быличка, касается общественного устройства, социальной справедливости, ее нравственно-этических норм. Суть легенды как фольклорного жанра — в утвержде-

нии законов народной традиционной морали. Причем независимо от того, совпадают они с постулатами христианского учения или расходятся с ними.

Ознакомившись с историей и верованиями своего народа, отраженными в фольклоре, мы глубоко и благодарно ощущаем «свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен». Возможно, что «из чувства этого и вызревает главный гормон общественного бытия — вера в свое национальное бессмертие»[1].

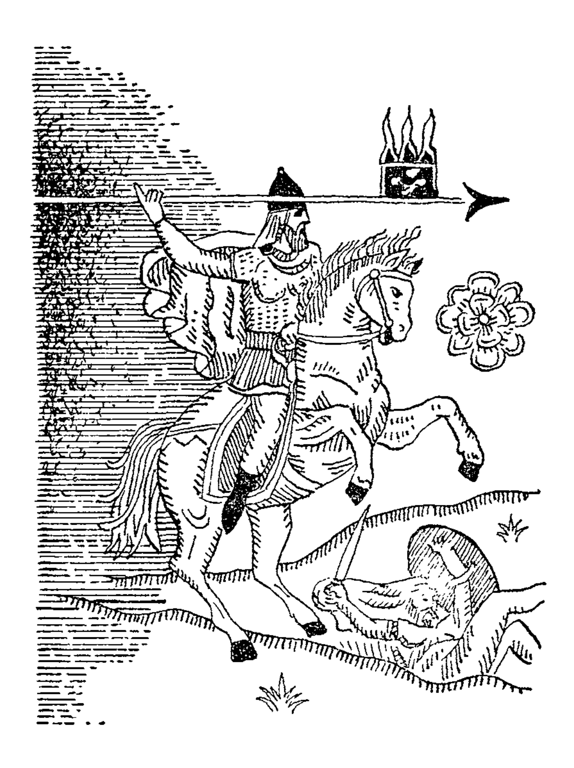
НЕОНИЛА КРИНИЧНАЯ

---

[1] Леонов Л. М. Раздумья у старого камня// Роман-газета. 1987. № 13. С. 3.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПРОЗА

ПРЕДАНИЯ

О ЗАСЕЛЕНИИ И ОСВОЕНИИ КРАЯ

ОСНОВАНИЕ КИЕВА

И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне называется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата, и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и до сего дня в Киеве.

БРАТЬЯ-ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ

Есть Цыганская гора между Гавриловским селом и Федотьевским.

Здесь когда-то давным-давно жил один богатый крестьянин. Было у него четверо сыновей: Гаврила, Михаил, Федот, Петр. А уж сыновья-то были у него настоящие богатыри: силушки хоть отбавляй и на лицо удались — румянец на щеках, улыбка на устах так и играла завсегда. Жили они дружно в отцовском доме, работали, а вечером все собирались за одним столом. Отец на них налюбоваться не мог. Мать померла давно.

Подросли ребята. Пришло время, помер отец. Тесно стало им в отцовском доме, и решили они искать лучшей доли в родном краю. Стали думать, какой путь выбрать. Один из них и предложил бросать топор с Цыганской горы: куда упадет он, там и остановиться.

Первым бросил топор Гаврила. Пошел искать его, нашел и остановился на этом месте. Здесь он построил дом, основал село и назвал его Гавриловским.

Настал черед бросать топор Михаилу. Бросил он топор

в другую сторону, пошел искать его и нашел, тоже начал строиться, и выросло здесь село. Стало оно называться Михайловским.

Бросает топор Федот и ту землю называет Федотьево.

Нашел себе место и Петр — село Петровичи.

И стали они жить в своих селах. Каждое село друг от дружки в семи верстах находится ⟨...⟩.

ШИХАН-ГОРА

Сами-то мы — ромашенски, а допрежь рязанскими были. Прабабушка наша на стороне похоронила прадеда и затосковала. Прадед-то и начни каждую ночь к ней полетывать. Она было от него и так и сяк, да от нечистой силы не скоро отвяжешься. Сошлись к ней на совет добрые люди и присоветовали уйти на вольницу. Она подобрала своих четверых сыновей и пришла в нонешнее Ромашкино, слыхали, может, такое село. Тогда Бузулука-то еще не было.

При жизни прабабушки в восьми верстах от села высилась одинокая гора Шихан. На нее ни въехать, ни взойти, так круты ее бока. В детстве мы хаживали на Шихан и ползком на четвереньках взбирались на ее вершину, и то только с одной, с восточной, стороны. Опричь ни с какой не взберешься.

Слыхали мы от стариков, что Шихан-гора не природная, а сложена руками человеческими из камня-дикаря. Внутри она полая. Если постукать ломом по боку, то Шихан загудит, как пустая бочка или барабан, а внутри зашипит по-змеиному ⟨...⟩.

ПРОШЛОЕ ДЕРЕВНИ

Прадеды и прапрадеды — те из лесу. От Яренги недалеко Островисто озеро — там и жили.

Мне дедушка рассказывал так: было два брата, их в солдаты угнали. А раньше солдатчина — двадцать пять лет, они и удрали из Красного Бора, из-под Архангельска. Они вот поселились в суземке. Они там себе сделали избенку, накопали полей, начистили пожен. Достали себе сестру, откуда бежали. Вот и жили втроем, не знаю, сколько годов.

Крестьяне здешние хлеб им продавали сначала, а потом уж, как стали сеять, снимать и молотить, у крестьян не по-

купали. Там они и рыбу ловили в озерах, охотились, потом две коровы завели, бык был очень большущий.

Вот и вздумали, значит, в деревню выйти. Один вышел в Яренгу брат, а другой с сестрой — в Лопшеньгу. Их стали спрашивать:

— Какая фамилия у вас?

Один говорит:

— Я Ярыгин.

А другой, в Яренге, сказал:

— Не знаю, меня бог дал.

И потому прозвали Богданов. Они поженились, и вот от них и пошел род. Ярыгинские не расселяются, а Богдановых-то, тех много в Яренге.

У нас еще горшочек есть, оттуда, из лесу, принесен. И все живет, бабушка Марья олифу парила.

ПРИНЕСЛО ПОМЯЛО...

⟨...⟩ Деды наши говорили, говорили. Это там выше еще есть деревёнка маленькая, там уже почти не живут, да, не живут никто. Первый житель вот там-то и был, Распутин, да, Распутин.

А здесь второй какой-то поселился край реки. И вот оттуда принесло помяло́, печку которым пахать. Дак вот так сказывали, что тогда только надумали, что надоть идти и искать край реки, где-то что-то есть ⟨...⟩.

Первый дом был в Иломанче. И здесь был дом. Здесь тоже был, только неизвестно, в котором месте, где-то был здесь, в Ладвы, но на котором месте — не знаю.

И вот нашлись, стали два соседа здесь ⟨...⟩.

ПЕНЬЕ ПЕТУХОВО

Раньше было это ничего — лес. Жили две деревни, Бутка да Дудка, друг дружки они не знали. Потом завели куриц, да петухи закукарекали. Они и послушивают:

— Ох, там есть жители, петухи поют. Сходим-ка... Пришел Бутка к Дудке.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй!

— Как поживаешь?

— Да ничего!..

— А ты далеко ли живешь?

— Да я вот тут недалеко, ельником шел-шел да на петуха на твоего пришел.

— Ну, так давай, знать, будем знакомы, будем гоститься.

Прошли, просекли дорогу ельником этим и стали перегащиваться, и стали у них семьи, потом поженилися они тут. У них дочки да сыночки, вот стали разводить.

Теперь у нас на Лядинах семь деревень. Перва — Дьякова, вторая — Купцово, третья — Киселева, четверта — Бутина, пята — Хомин Конец... (А Берег-от?) Ой, еще Берег-от, а в Берегу еще одна изба — все разъехались... (А наша-то деревня?) Павлова вот! Я в Павловой живу шестьдесят второй год...

ОСНОВАНИЕ ПОЗДЫШЕВСКИХ ДЕРЕВЕНЬ

Ну вот, я слыхал от отца. Он жил у меня восемьдесят пять лет, а его отец жил сто два года, Илья Михайлыч 〈...〉.

А вообще-то это поселение получилось так: здесь ничего не было, 〈...〉 пришел тоже человек, поселился; родилось четыре сына. Куда их девать? А раньше, вообще, делиться — ведь в одной семье не жили, нать делиться было. Разделились.

Вот одного звали Поздей. Вот он ушел, где сейчас деревня Поздышево, и пошло это название от Поздея. Ну, Поздей — Поздышево.

Второй — Черепан. Ушел в Черепаху. Тогда не было Черепахи, но в то место ушел. А раз Черепан, так и стало Черепаха.

Третий — Агафон остался — куда? К озеру поселился, вот тут озер много у нас. Он к озеру поселился — и стала деревня Агафоновская.

Четвертый — ну, Воробьем назвали, ну, Воробей — и все. Он тоже обосновался рядом от Агафона, стала Воробьиха по его имени, Воробьевская деревня.

Ну, и вот, пожалуйста, прошло там, может быть, говорят, сотня лет, и уже из отдельных домов выросли четыре деревни, хорошие деревни выросли. Сейчас там много нет уже домов, но в то время было. И получился, пожалуйста, Поздышевский сельсовет в честь этого Поздея 〈...〉. Вот и все.

СТУК ТОПОРА

После Ермака постепенно сюда стал народ переселяться. Вот я помню, как мне дед рассказывал. Лая начала строиться в лесу. Охотники-звероловы первые-то здесь люди были.

У того моста речка Лая идет — там началась стройка, а здесь, у Бандейского моста, через речку Бандею, другие переселенцы остановились. Это я про мост-то тебе сказываю, чтобы тебе понятно было — где. Тогда, конечно, никаких мостов не было, лес глухой.

Вот слышат бандейские, кто-то в той стороне рубится топором. Пил-то тогда не было. Услыхали стук топора — сошлись: оказались те и другие русские. Тропу проложили, стали друг к дружке ходить. Первое время только тропинки и были, а потом все соединилось.

ГДЕ ПОСТАВИТЬ ЦЕРКОВЬ

Крестьяне деревни Владимирской долго бесплодно спорили о месте, где поставить церковь. Не раз сходились они для обсуждения этого вопроса и не раз расходились с враждою в сердце друг против друга. И этому не было бы конца, если бы неожиданно не появился созревший на этот случай в чьей-то крестьянской голове такой план: запрячь молодого неезженого жеребца в сани, направиться в лес, вырубить там строевое дерево, положить дерево на сани и пустить жеребца на свободе: где он остановится — на том месте и быть церкви.

Этот план так всем понравился, что он сразу же был принят к исполнению. Молодой неезженый жеребец сильно взял с места свой груз и направился к Владимирской горке, быстро взобрался на гору и здесь остановился. Остановился со вздохом облегчения и весь владимирский крестьянский сход, в полном своем составе сопровождавший жеребца в лес и обратно.

Вопрос, решение которого так долго тянулось и нарушило обычно мирное и согласное течение жизни владимирцев, был решен; владимирцы разошлись по домам примиренные и успокоенные.

НА САМОТЕК ВЕСЕННЕЙ ВОДОЙ

А церковь эта обоснована, Покровская, была в таком духе. Раньше старики, значит, решили эту церковь построить, видимо, и лес заготовить для этой церкви выборочный.

А была тогда река Тагажма, проходила она туда, поднималась к Сперову, Карову, извилистая была. И вот, значит, они решили там заготовлять лес выборочно. Сделали этот выборочный лес, скатали в реку и пустили его на самотек весенней водой и поклялись:

— Где лес остановится, на том месте и будем строить эту Покровскую церковь.

И так и сделали. Лес остановился как раз против Вытегорского погоста. И здесь обосновалась эта Анхимовская Покровская церковь.

Церковь была, правда, очень хорошо сделана, двадцать три было главы над церковью ⟨...⟩.

КИЖСКИЙ СОБОР

В Кижах ⟨...⟩ есть поговорка, что под каждою ильмою похоронен пан ⟨...⟩.

На том же самом Кижском острове, где теперь погост, церковь стояла в другом месте, гораздо севернее, на холмистом возвышении; там теперь, в память ее, построена часовня Святого Духа. Церковь эта была во имя Спаса.

Однажды, в праздник Покрова богородицы, паны сделали нечаянное нападение на этот остров и употребили военную хитрость: они приплыли к острову из Повенца на плоту, на котором были поставлены вместо парусов березки.

Суеверному народу показалось, что к ним плывет остров; все собрались смотреть на берегу ⟨...⟩.

Между тем паны прилегли за березы и, когда плот примкнул к берегу, бросились на безоружных жителей. Народ укрылся в храме, но паны ворвались сюда, начали резать народ и стрелять в него. Одна стрела вонзилась в образ Спасителя в правую руку; другая пробила образ сзади, насквозь, пониже первой, и сделала с той же стороны оскомину. Оба знака видны на образе до сих пор.

Но в это самое мгновение совершилось чудо — на панов нашла темень, то есть они ослепли: вместо беззащитного

народа стали резать друг друга и легли все на месте... Кровь перерезавшихся панов лилась через порог церкви.

После этого осквернения служение в церкви надолго оставили, и наконец она сгорела от молнии.

Впоследствии, собравшись с силами, кижане решились построить церковь вновь и приплавили леса к тому же самому месту, где она стояла; но в ночь все плоты невидимою силою перенесло ниже, к такому месту, где не было ничего, кроме вересняка.

Строители перегнали плоты опять к месту бывшей церкви; в следующую ночь плоты опять спустились к вересняку...

Тут строители стали догадываться, что это чья-то высшая воля; осмотрели кусты и нашли в них простреленный образ Спасителя. Это уж был явный знак, что церковь надо строить здесь, а не на старом месте, а потому строители так и сделали ⟨...⟩.

ЕЙ НРАВИЛОСЬ В ПОЛЕ

Ну, что вам рассказать? Это было уже, может, и век не один прошел, дак слушала я такое: была икона Владимирская божья матерь. Вот хотели строить церковь на берегу озера. Ей положили тут, что здесь мы окрестимся. Как ночь пройдет — она уйдет в поле: ей нравилось в поле.

Ну, все же в поле-то не построили церковь, там только ей часовню построили, а церковь-то построили все равно на берегу.

Дак не знаю, сколько стояла эта церковь: может, век, а может, два. После сгорела от стрелы, от грозы. Уж и это давно было. Шестьдесят лет, как она сгорела, эта церковь. Ну, икона-то осталась, вынесли. Теперь она в Каргополе живет, не убегат никуда. Раньше только бегала, а сейчас, я не знаю, ничего не делат.

КАК СОЛОВКИ СТРОИЛИ

Как Соловки строили — каменья возили на белом коне. День работают, а ночью уходит все в землю! — Господи, господи...

Дровни вот какие были, как изба. Ну, и конь-то уж, конечно, был не маленький.

Мы на Соловки едем на пароходе, богомольцы. Мы с Попова наволока выплываем. Чайки рычат.

Вот остров показался, стены.

— Кто поднимал? Кто стесывал?

— Конь поднимал. Великан стесывал.

Мы идем, жадобушка, вот, по травке идем. Монах опять говорит:

— Не наступите! У нас чайки в камнях гнезда свили. Не скупитесь! Чайкам хлебца киньте.

Чайки Соловки от англичанки спасли. Они англичанку-ту заср ⟨...⟩.

Чаек в Соловках несосветима сила! Рычат ⟨...⟩.

КАК ПИСЕЦ ПАНИН ДАВАЛ ИМЕНА ЗАОНЕЖСКИМ ДЕРЕВНЯМ

Против Козыревского селения есть остров, длиною в две версты и шириною в сто пятьдесят сажен, коим издавна владели крестьяне Мальковы. В старину, говорят, много было здесь гадов всякого рода. Но вот появился писец Панин на этом острове; увидав из лодки землянику, он вышел на берег и стал было брать ее, но тотчас же был змей против его руки.

— Вон, проклятый, с сего острова,— закричал Панин, и с тех пор будто бы не стало здесь ни одного гада ⟨...⟩.

По слову мирскому избран был писец Панин налагать имена и прозвища на этыи села в Заонежье. На Кижском подголовке был он во время лета.

Приехал в Сенную Губу; увидал человека, мужчину, с женою — сено кучат. «Быть этой волости,— сказал он,— Сенная Губа».

Поехал он к Спасу Белому; подъезжает к деревушке, хотя собрать народ в суём (в сход), вдруг видит — человек в кузнице кует косы. «А не надо, ребята,— говорит он,— беспокоить народу, собирать в один дом, пущай названье деревне — Кузнецы».

Переехал дале, полверсты места — другая деревушка, дворов семь. Как назвать? Вышел на берег писец Панин; видит — ребята балуют, берестяна коробка на воду пихнута. «Пусть же,— сказал он,— эта деревушка по названью — Корба».

Отъехал полверсты вперед, увидал — куёк (гагара) в гу-

бы́: «Пущай же эты домы называются — Куй-губа (Гагарья губа)».

Вперед деревня; идет человек берегом. «Середкою-путем идет человек,— заметил Панин,— пущай же эта деревня — Середка».

Вперед он тронулся; смотрит, идет женщина близ берега. «Как тебя зовут, голубушка?» — спросил Панин. «Таней».— «Пущай же эта деревня,— сказал он,— Потановщина».

Пихнулся дале, полверсты места, до Святого наволока; остановился тут писец Панин. «Что же называют Святым этот наволок, ребята?» — спросил он. «Во времена древности шел святой в этот наволок,— отвечают ему эты люди,— а на другой стороне, за сто сажен от Спасителя, жил человек темный; вдруг святой приходит на берег, и этот темный человек явился на другом берегу. «Смоль,— речет ему святой,— перевези меня».— «Ну, святой, я тебя перевезу: твой сан выше меня»,— ответил этот темный человек... И с тех пор один наволок — Свят-наволок, а другой — Смолев-наволок».

Вперед пихнулись оны три-четыре версты от Свят-наволока, вдруг на ельях сидят воробьи. «А что, ребята,— сказал Панин,— в эту деревню нам идти нечего: пущай этой деревне названье — Воробьи».

Вперед сто сажен от Воробьев, три двора деревушка: смотрит Панин, идет человек полем, и глаза смутивши в нем; призывает он его поблизости к лодке. «Двинься сюда, сей человек,— сказал он,— пущай ваша деревня будет Магары».

Вперед тронулись от этих Магаров в наволоки; вышел на берег, видит, под ногою у него заглебала земля: «Пущай же эты два дома — Глебовы».

Дале тронулся пятьдесят сажен; один дом стоит. «Как его назвать, ребята?» — спросил он. Вдруг видит, ошевни стоят у ворот. «А пущай,— сказал он,— этот дом — Ошевень».

Вперед двинулся с версту; деревня семь дворов; смотрит Панин, идет человек, заскавши волосы. «А нечего этта на берег выходить; пусть будет,— говорит,— Гивес-наволок».

Вперед пихнувши полторы версты около наволока, приехал под деревню, три двора: «Ну что, ребята, как назвать?» Дектярь клюет дрова под окном: «Пущай же это — Дектярево».

Вперед пятьдесят сажен до деревни; видит Панин, человек гонит лошадь с воли, ажно курево идет. «Пущай же,— говорит,— это Курилово».

Оборотя назад, отправились они в путь: стоит деревня на хорошем месте, на мягкой сельге. «А пущай она — Косельга»,— сказал Панин.

Вперед до деревни верста; сходили туды: «Пущай эта деревня — Войнаволок»; стоит она об Онего, и губа протянувши от запада в Онего — воет тут от Онега.

Оборотя назад от Войнаволока, пихнулись к Спасителю, вперед от Спасителя деревня пять дворов; приезжают против этой деревни; видит Панин, что выросли дудки на берегу. «А что, ребята,— говорит,— пусть это — Дудкин-наволок».

Вперед тронулись две версты до деревни, а деревня та была большая, когда литва была; выходит Панин на берег, увидал у крестьянина ольху, лежащую под окошком. «Пущай же, — говорит, — этой деревне название — Ольхино».

Вперед тронулись полторы версты; кряж такой огромный, и три жителя на кряжу: «Как, ребята, назвать эту деревню?» — спросил Панин. Вдруг, смотрит, выходит из ней человек в одеянии солдатском. «Пущай же,— сказал он,— это Солдатово».

Дале чрез губу ворота, стоит деревушка пять домов; увидал Панин на берегу лежащую шляпу. «Пущай же,— сказал он,— эта деревня — Шляпино.»

Вперед от этой деревушки две версты, стоит деревня три двора; видит Панин, человек выходит на улицу, весь белый, сединой изукрашен. «Не нужно,— сказал,— собираться нам вместе; пущай это селение — Морозово».

Двинулись еще сто сажен; идет человек по деревне. «Как тебя зовут?» — спросил Панин. «Софрон»,— отвечал этот. «Пущай же эта деревня — Насоновщина»,— сказал Панин.

Вперед сто сажен до Петра и Павла, до часовни; улица гладкая: «А назвать ю Посад».

Оборотя к востоку полтораста сажен, не доходя до деревни, попадается кость; взял Панин в руки эту кость. «Ребята,— сказал он,— ведь это китовы уста; пущай же эта деревня — Китово».

Оборотя назад версты полторы, вдруг ⟨видит⟩, мужик переяривает на лошадке землю: «Пущай же,— говорит Панин,— это селение — Рогово».

Вперед деревня, за версту места; видит Панин, идет

мужчина и вслед за ним женщина. «Пущай же,— сказал он,— это — Еглово».

Потом назад, до деревни, версты полторы; наискось губы ельник огромный стоит. «А пущай эта деревня — Подъельник»,— сказал Панин.

Вперед за версту места, деревня четыре дома. «А не надо,— говорит Панин,— выбираться нам, ребята, на берег; вот на берегу лежит зуб; пущай же она — Зубово».

Вперед три четверти версты деревня: идет человек берегом этой деревней. «Остановись, человек!» — крикнул писец Панин, но тот не слышит и вперед идет. «Когда так,— сказал Панин,— пущай же это — Пустой Берег».

Вперед деревня семь дворов; стоит человек на берегу. «Откуда ты, братец?» — спросил Панин. «Из Ояти»,— отвечал тот. «Пущай же,— продолжает Панин,— эта деревня Оятовщина».

Вперед через версту деревушка; видит Панин, у крестьянина рыба на стены сохнет, язи. «Пущай же,— говорит,— деревушка эта — Язнево».

Вперед верста, стоит деревня семнадцать дворов. Приказал Панин собрать суем. Собрались крестьяне, смотрит Панин на сход крестьянской, и вот идет один молодец, убравши хорошо, в шапке с козырем. «Пущай эта деревня,— сказал Панин,— Козыревцы».

Вперед три четверти версты; смотрят, идет человек необыкновенный, плечами широк, а задом узок. «Пущай,— говорит Панин,— названье этой деревне — Клиновы».

Вперед тронувши немножко, попадается на берегу колоколка. «Пущай же,— говорит Панин,— это — Мальково».

Дале двинулись сто сажен; деревня десять дворов, новорасселенная; в это время сгрубела погода, и думал Панин, как назвать эту деревню; вдруг раскинуло на небе, солнышком накрыло, и Панин сказал: «Пущай же это — Жаренково».

Вперед пихнулись четверть версты около наволоков, приезжают к берегу и видят, ходят малые телята в стороне. «Пущай же,— говорит Панин,— это — Телятинково».

Вперед тронулись полторы версты, встречают двух человек, оба тонки, убравши хорошо, головы кверху. «Пущай же,— продолжает он,— эта деревня — Сычи».

Дале Панин поехал до Толвуи. В поезде будучи путем-дорогою, он назвал первую деревню от Сычев — Сиговым затем, что тут сиги ловили.

Вперед три версты, до Здвижения часовни, Панин

назвал это селение Березки, потому Березки, что кругом берез стоит.

Вперед три версты, деревня поперек губы, двадцать дворов; вышел Панин на берег и встретил прохожего. «Как зовут тебя, почтенный?» — спросил Панин. «Ихтор»,— отвечал тот. «Пущай же ваша деревня — Вигово»,— рек Панин.

Вперед три версты к северу, ко храму ко Алексею человеку божью, деревня, которую Панин назвал Тарасы, потому что человека, вышедшего к нему навстречу, звали Тарасом.

Вперед ход еще до иной деревни; подъезжая, увидел Панин жеребца в поле. «Пущай же,— сказал,— эта деревня — Жеребцовская».

Далее десять верст к западу, к Миколаю угоднику,— волость, где живут ловцы; приходит Панин в эту деревню и видит: у одного крестьянина много рыбы нажарено. «Не для чего, ребята,— говорит он,— собирать и беспокоить народ, пущай же эта волость — Вегорукса (жареная рыба)».

Вперед три версты, деревушка семь дворов, долгая, сама узкая: «Пущай же это — Устрека».

Вперед три версты, грунт земли низкой, в середине деревни ламба, и потому Панин назвал эту деревню Ламбой.

Затем полторы версты пролив; идет человек из кожевни, как будто опухши. «Нечего, ребята, выходить на берег,— сказал Панин,— пущай это — Чечулино (сердитый, затем что опухшие сердиты)».

Вперед десять верст, видят, на поле козы: «А нечего этта людей собирать, ребята, видно, что зде — Козмозеро».

Отсюда ездил Панин к Палеострову, к Варвары ⟨...⟩. В проезд он увидал на берегу кузов и самую деревню назвал — Кузарандой.

До Толвуи ехал берегом: подъезжая, видит, толкаются люди на улице. «Пущай же,— сказал он,— это будет Толвуя».

Затем он ночью прибыл в деревню за семь верст; слышит, в коноплянике кричит птичка-выткальница («выдь, спящий народ, из деревни»). «Пущай же,— сказал он,— это селение — Вырозеро (затем что из него выдут вон)».

В Толвуе писец Панин пожил несколько времени и потом возвратился в Новгород.

2 Заказ 185

ПОЧЕМУ НАШИ СЕЛА ТАК НАЗЫВАЮТСЯ

Близ села Ермолово расположены села Дмитриево, Побединка, село Городецкое. Раньше на месте этих сел были непроходимые болота и леса. Здесь-то и поселился со своей семьей казак Городец. Жили они на пригорке: сзади был густой лес, а впереди расстилалось широкое озеро.

На Рязанские земли напали татары, надо было бежать казаку, не хотел он оставаться у татар. Тогда Городец переплыл озеро и на том берегу остановился. Старший его сын занялся строительством. На этом месте выросло большое село, которое потом и назвали Городецким. Два меньших сына его ушли еще дальше, на север, и там расселились на большом расстоянии друг от друга.

Названия сел Побединка и Дмитриево связаны с именем Дмитрия Донского. Там, где сейчас Побединка расположена, будто бы Дмитрий Донской одержал победу в битве с татарами. С этого места он двинулся дальше на юг. В одном месте у него произошла сечь с татарами. Много их пересекли, потом на этом месте стали селиться люди, образовалось село, которое и назвали Секирино. По дороге Дмитрий Донской потерял чулок, его долго искали и нашли, а место это в честь найденного чулка назвали Чулково. В битве Дмитрий Донской был ранен и пролежал шесть дней в монастыре, который был построен на горе. Затем там начали селиться. Эта деревня стала называться Дмитриево. Таково преданье.

ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ НАЗВАНИЕ «БАЙКАЛ»

Русские давно слыхали, что где-то посреди Сибири есть огромное озеро. Но как оно называется, никто про то не знал. Когда русские купцы, а потом казаки за Урал перевалили и стали к большим рекам Оби и Енисею подходить, они узнали, что около озера, которое денно и нощно кипит, вокруг него люди живут. Узнали те русские, что то озеро богато рыбой, а по берегам разные звери ходят, да такие дорогие, которых в свете больше нигде нету.

Стали казаки и купцы торопиться к тому морю-озеру. Шли не спали, коней не кормили, не знали, когда день

кончается и когда ночь начинается. Каждому охота была первому к озеру попасть и посмотреть, какое оно есть и почему оно кипит без отдыху. Шли те купцы и казаки к морю долго,— несколько лет, много их дорогой поумерло, но живые все-таки дошли и видят перед собой Шаманский камень. Он им дорогу перегородил, свет закрыл. Ни вправо, ни влево от него отвернуть нельзя, кругом такие горы, что закинешь голову — шапка слетает, а верхушки не видно.

Покрутились казаки с купцами около Шамана-камня и подумали, что не пробраться им к морю, а сами слышат, как оно шумит, вздымается и о скалы бьет. Загоревали купцы, опечалились казаки,— видать, вся их длинная дорога пропала ни за понюшку табаку. Отъехали они назад, шатер разбили и остановились с тяжелой думой думу думать: как же им Шаман-камень перевалить или горы объехать. Горы им не объехать, много лет надо на то потратить. Шаман-камень не перевалить — море проглотит. Так остановились казаки с купцами и стали жить недалеко от моря-озера, а на берег никак не попадут.

Долго ли им тут пришлось жить, может быть, и кости там их сгнили бы, но тут на их счастье подошел к ним неведомый человек и назвался бурятом. Русские начали его просить, чтобы он их провел на берег, обвел вокруг моря и показал им дорогу на землю, где они еще не были. Ничего бурят им не сказал, он сложил свои ладони в трубочку, потом поднес их к лицу и пошел в лес. Русские не стали его задерживать, отпустили с богом.

Снова опечалились купцы и казаки, как же дальше быть, не миновать, видно, смерти им. Так жили они долго ли, мало ли, никто ни дни, ни месяцы не считал. Отощали и осунулись купцы с казаками, хуже прежнего горе их обуяло. Хотели они уж с последними силами собраться и назад идти, но тут снова пришел тот бурят и сына своего привел, сказал:

— Не обойти мне с вами Байгала, стар я стал, не обогнуть мне Шаман-камень — года давно ушли, берите сына, у него глаза светлее, а ноги оленьи.

Ушел старик в тайгу, а сын повел русских новой дорогой, вывел их на берег моря и сказал:

Байгал.

Русские спросили его, что это такое, он им ответил:

— По-нашему значит огненное место, здесь раньше

сплошной огонь был, потом земля провалилась — и стало море. С тех пор мы зовем наше море Байгалом.

Русским это название понравилось и тоже стали называть это море «Байкалом».

СПОДВИЖНИКИ ЕРМАКА — ОСНОВАТЕЛИ ДЕРЕВЕНЬ

Когда Ермак утонул в Иртыше — его дружина рассеялась и расселилась, основала ряд деревень, которые и называются по имени основателей, дружинников Ермака. От Даура — Даурская, Голища — Голещихина, Костаря — Костырева, Завьялова — Вялова, Толмача (переводчик был у Ермака) — Толмачево.

Так эти деревни и называются. Они и теперь вот тут стоят.

ОБ АБОРИГЕНАХ КРАЯ

ЧУДЕСНАЯ СТРАНА

⟨...⟩ Много веков назад новгородцы, плававшие по Студеному морю, видели на берегу чудесную богатую страну, но из-за непогоды не могли приблизиться к ней. Им слышалось, что люди неведомого племени стучат в горы, отделяющие их от мира, но не могут пробить эту преграду и дарят каждому, кто поможет им сделать лишнюю брешь, драгоценные меха, жемчуг и рыбу.

Новгородцы уплыли в глубь веков, скалы остались непробитыми...

ДИВЬИ ЛЮДИ

Дивьи люди живут в Уральских горах, выходы в мир имеют через пещеры. В заводе Каслях, по Луньевской железнодорожной ветке они выходят из гор и ходят между людьми, но люди их не видят. Культура у них величайшая, и свет у них в горах не хуже солнца. Дивьи люди небольшого роста, очень красивы и с приятным голосом, но слышать их могут только избранные. Они предвещают людям разные события. Рассказывают, что в селах Белослудском, Зайковском и Строгановке в полночь слышится звон; слышали его только люди хорошей жизни, с чистой совестью. Такие люди слышат звон и идут на площадь к церкви. Приходит старик из дивьих людей и рассказывает о событиях и предсказывает, что будет. Если приходит на площадь недостойный человек, он ничего не видит и не слышит.

ДИВИИ НАРОДЫ И АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Жил на свете царь; имя его было Александр Македонский. Это было в старину, давно-давно, так что ни

деды, ни прадеды, ни прапрадеды, ни пращуры наши не запомнят. Царь этот был из богатырей богатырь. Никакой силач в свете не мог победить его. Он любил воевать, и войско у него было все начисто богатыри. На кого ни пойдет войною царь Александр Македонский — все победит. И покорил он под свою власть все царства земные. И зашел он на край света и нашел такие народы, что сам, как ни был храбр, ужаснулся их: свирепы пуще лютых зверей и едят живых людей; у иного из них один глаз — и тот во лбу, а у иного три глаза; у иного одна только нога, а у иного три, и бегают они так быстро, как летит из лука стрела. Имя этих народов было: Гоги и Магоги.

Однако ж царь Александр Македонский от этих дивиих народов не струсил; начал он с ними воевать. Долго ли, коротко ли он с ними вел войну — это неведомо; только дивии народы струсили и пустились от него бежать. Он за ними, гнать-гнать, и загнал их в такие трущобы, пропасти и горы, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Там-то они и скрылись от царя Александра Македонского. Что же сделал с ними царь Александр? Он свел над ними одну гору с другою сводом, и поставил на своде трубы, и ушел назад в свою землю. Подуют ветры в трубы, и подымется страшный вой; они, сидя там, кричат: «О, видно, еще жив Александр Македонский!» Эти Гоги и Магоги до сих пор еще живы и трепещут Александра, а выйдут оттудова перед самою кончиною света.

ПЛЕМЯ ОДНОНОГИХ

Легенды такие болтали, что где-то жили люди с одной ногой, одноногое племя 〈...〉, а где жило, не скажу, не знаю; передвигались так, что схватятся за руку двое и пошли. Это даже не дудушка Петр Леонтьевич, а его отец Леонтий знал.

НАРОД БЕЗ БРОВЕЙ

Дедушко рассказывал, что на базаре, будто бы ему люди говорили, народ был без бровей, узды продавал. Нельзя было рядиться. Станешь рядиться, придешь домой, на лошадь узду оденешь, а она лычна или берестяна. А не рядишься — узда как узда.

ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ ХОЛМОГОРСКОЙ МЕСТНОСТИ

Говорят, будто бы одно семейство чудского племени расселилось в окрестностях Холмогор. На Матигорах жила мать, на Курострове — Кур-отец, на Курье — Курья-дочь, в Ухтострове — Ухт-сын, в Чухченеме — Чух — другой сын.

Все они будто бы перекликивались, если что нужно было делать сообща, например, сойтись в баню.

ЧУДИН ЛИСТ — ОСНОВАТЕЛЬ ДЕРЕВНИ ЛИСЕСТРОВ

Название Лисестрова произошло от коренного жителя, чудина Листа. Этот Лист жил на острове вроде наместника или тиуна и собирал хлебные и денежные доходы.

⟨...⟩ Чудь имела красный цвет кожи, ⟨...⟩ она скрылась от новгородцев на Новую Землю и ныне там пребывает в недоступных местах.

ВЛАДЕНИЯ ЧУДСКОГО КНЯЗЯ НА РЕКЕ ВЫЕ

Мыза, что напротив деревни Горы ⟨...⟩ — резиденция князя, против нее — на левом берегу Выи находится Княж-поле. Там на яромине паслись княжьи лебеди и гуси, которых он бил прямо от себя, с мызы, из лука.

Князя этого потеснили новгородцы, он вынужден был отступить и во время отступления был убит. Взвыли без князя оставшиеся, почему и реку будто бы чудаки назвали Выей ⟨...⟩.

И до сего времени обитателей деревни Чудиново, прозываемых Нифагичи, считают потомками чуди, хотя они носят фамилии Зуевых и Сосниных ⟨...⟩.

В ста саженях от реки Выи, около деревни Окуловской, несколько в стороне, находится могильник — чудское кладбище.

ЧУДСКАЯ ДЕВА-ПРАВИТЕЛЬНИЦА

На городище Дивьей горы жила дева, управляющая чудским народом и отличавшаяся умом и миролюбием. В хорошие дни она выходила на вершину горы и сучила шелк. Когда же веретено опрастывалось, то она бросала его на Бобыльский камень, лежащий на противоположном берегу Колвы, прямо против Дивьей горы.

ДЕВИЦА ИЗ ЧУДСКОГО ПЛЕМЕНИ

По течению реки Устьи, впадающей в Вагу, на правой стороне ее, в Благовещенском приходе, напротив устья Кокшеньги, между двумя ручьями, на возвышенной горе, проживавшая чудь оставила по себе признаки: вал кругом сопки (кургана) — как бы род крепости и в некоторых местах ямы, сходные с погребами. При разработке той сопки под хлебопашество крестьяне в недавнее время находили бугры глины. Из этого заключают, что на тех местах были чудские печи.

От тех населенцев чудского племени взята была в деревню Михалевскую девица в супружество за крестьянина Чарепанова. Девица эта была мужественна, имела необыкновенную силу в сравнении с прочими девицами. Потомство же ее уж ничем не отличалось от новых ее земляков.

ЖИТЕЛИ СЕЛА КОЙДОКУРЬЯ

Село Койдокурья, Архангельского уезда ⟨...⟩, получило свое название от первого поселившегося в тамошней местности чудина по прозванию Койда, или Койка ⟨...⟩. Поколение Койды было мужественно, великоросло и чрезвычайно сильно. Члены его поколения могли разговаривать между собой на шестиверстном расстоянии, или иметь перекличку.

Один из тех чудинов был столь силен, что однажды, когда он вышел поутру из ворот и затем чихнул, то своим чохом до того испугал барана, что тот бросился в огород и убился до смерти.

По истечении некоторого времени местность Койдокурская сделалась известна другим, и сюда с разных сторон стали стекаться чудь, новгородцы и поморяне и начали расселяться деревнями, и затем каждая деревня получила свое название от первого поселившегося жителя или по другим причинам.

УХОДЯЩАЯ ЧУДЬ

Ранее Чудиново было метров четыреста вниз по Пинеге, у самой реки. Признаки ее есть и сейчас: вываливаются из берега черные банные камни.

Чудь жила и вниз по реке — в сорока километрах от сельсовета: там видны ныне борозды от пашни, на лугу, под названием Раговоры.

И мы слыхали от дедов: когда чудь отступала, было у них два котла с золотом. Один будто бы спустили у нас под деревней в озеро (оно глубиной метра три), а другой вынесли на слуду против деревни на самый угор, и каждый отступавший клал по горсти песку,— так образовался тут бугор метров десять шириной и столько же высотой. Он хорошо виден из деревни. Может, это и вранье, а может, и в самом деле так было. Если бы срыть бульдозером...

Чудь отступала от того бугра на Вашку, дорога идет точно на восток и называется Ратней. Чтобы была прямой, тянули длинное бревно. У одной рады съели быка — и то место называется Быкова рада, у второй съели коня — ныне называется Конева рада.

По той дороге прошлый год экспедиция ездила на бульдозере до Вашки.

БЕЛОГЛАЗОВО

В Надпорожском приходе, недалеко от церкви, есть ровное небольшое место, которое и теперь называется Белоглазово, потому что здесь жила белоглазая чудь.

Когда она хотела напасть и ограбить церковь и жителей, то сама ослепла и перебила друг друга.

САМОПОГРЕБЕНИЕ ЧУДИ

Слыхал (о чуди.— *Н. К.*), как не слыхать. Еще от покойного дедушки: он долго жил-то, дак знал это как... и родители-те у ёго тоже подолгу жили...

Дак это верно, жила будто бы раньше эта чудь-та... вон на том месте, где у нас Подкуст, слыхал ли ты ли нет ли, деревня такая, Игнатовская пишется-то. Подкустовцев-то и теперь у нас все чудаками зовут ⟨...⟩, да ведь они тоже наши, должно быть, а только, значит, живут-то, где чудь жила; дак вот: «Чудаки да чудаки».

⟨...⟩ Погибла она вся, до едного человека ⟨...⟩. А креститься, вишь, не захотела; наши-те заставляли, видно, креститься-то, дак она уж задумала лучше погинуть, а не креститься. Сробили, значит, эта чудь-то, такую крышу из тесу на четырех столбах, земли наверх-от наносили; собрались все под эту крышу-ту да столбы-те взяли и подсекли, тут всех их и задавило; сорок человек всех-то, говорят, было.

⟨...⟩ Да боялись-то, вишь ли, крещенья, а крещенье-то, им говорили, что это — вот что: отрубят сперва руку, ну хоть правую, а потом — ногу, левую, а тут, значит,— другую руку и другую ногу — вот он крест-от какой выходил! Тут поневоле забоишься!

СОКРОВИЩА ПОГИБШЕЙ ЧУДИ

⟨...⟩ Чудские жители, видя неизбежную гибель от разбойников, собирались в одно место, вырывали громадную четырехугольную яму, куда сносили все свои сокровища, а над ямою устраивали род хаты, на столбах.

В ожидании мучителей собирались на верху хаты и ожидали своей участи. А завидев разбойников, проворно подсекали столбы понизу и, упадая вместе с хатою на свои сокровища, погибали при каких-то приговорах.

После такой их гибели сокровища не отыскивались.

(Валдиевцы ⟨...⟩ указывают места, где находятся сокровища погибшей чуди.)

О БОГАТЫРЯХ И СИЛАЧАХ

ЮНОША-КОЖЕМЯКА

Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту сторону. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему:

— Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года.

И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему:

— Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками.

Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал:

— Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться,— испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?

И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою

за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука.

И сказал ему Владимир:

— Можешь с ним бороться.

На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать:

— Есть ли муж? Вот наш готов!

Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали их. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

РАХ РАГНОЗЕРСКИЙ

Это в старое время было, в Ленинграде. Приехал, значит, из Англии борец, силач в общем. И вызывает, значит, что есть ли у вас такой богатырь, чтобы со мной бороться. Нашему царю предъявляет. Вот царь дал приказ по всему государству, чтобы выписать борца; в общем, на поединок чтобы мог выйти. Ну, и попало это дело сюда, в Рагнозеро.

Вот, сельсовет тогда вызывает в Куганаволок,— тогда в Куганаволоке было правление, а рагнозеры были нашего сельсовета, Куганаволокского. Ну, значит, Рах Рагнозерский изъявил желание съездить в Ленинград, побывать. Вот, тогда сообщают. конечно, царю, что изъявил желание. Царь тогда посылает сюда генерала за ним, чтобы увезти его. Вот, генерал приехал, значит, на подводы в Рагнозеро, на лошади́. Снег уже выпал. Па́рой приехал, чтобы увезти этого Раха в Ленинград (тогда ведь дорог железных не было).

Вот приезжает генерал в деревню Рагнозеро и спрашивает:

— Где здесь,— говорит,— Рах Рагнозерский?

— Да есть,— говорят,— такой, здесь стоит, а самого нет дома.

Ну, деревенская баба увидала генерала, немного острашилася, что приехал в таких погонах золотистых.

— Дак скажите,— говорит,— гражданин, на что он вам нужен? — жена спрашивает.

— Да в общем, приедет сам, я поговорю. Нужно,— говорит,— царю.

— Так его,— говорит,— не знаю, как титло ваше, его,— говорит,— дома нету, ушел в лес. Ну, наверно, скоро будет из лесу.

— А чего он ушел в лес?

— Он,— говорит,— занимается мастерством, дровни вяжет. Есть-то как-то надо. У нас,— говорит,— здесь заготовки, дровни нужны.

Вот жена наливает самовар.

— Уже время-то. Должен,— говорит,— скоро прийти.

Посмотрела в окно и говорит:

— Вот и идет.

Генерал:

— Где,— говорит,— покажите.

— ... А вот, мол, там, видишь?

Лес, как остров, поднялся.

— Так там,— говорит,— не человек.

— Нет,— говорит,— человек катится на лыжах, везет материла на дровни, на сорок штук: полозья, копылья, вязье, нащепы, одним словом, на сорок штук дровен.

Он посидел у окошка и головой пошатал: как остров, столько у него навалено на плечи.

Прикатил к дому, дак ажно дом задрожал! Это с плеч бросил на землю. Лыжи сынок сдернул, захватил за угол хату и сунул туда. Значит, никто не унесет. Заходил Рах Рагнозерский в помещение, поздоровался с этим:

— Здравствуй, гражданин.

(Ну, мужик деревенский, не знает тут ни титула, ничего.)

Жена подняла самовар на стол и принесла три буханки хлеба. Пока Рах пил три стакана чаю, и три буханки хлеба съел. Генерал смотрит. (Вот аппетит был у старика!)

Посматривал генерал, глядит долго на него, любуется, а он еще два выпил, без хлеба хотя, а выпил. Когда вышел из-за чаю, генерал и говорит:

— Ну вот, Рах Рагнозерский, я приехал на пары лошадей за вами. Вам было извещено у царя, и сельсовет известил. Приехал заграничный силач, ищет поединков, померяться силой, выйти на поединок. Ну, как вы изъявили желание, так я и за вами приехал.

— Я,— говорит,— согласен, да только вам меня не увезти. Пары лошадей делать нечего.

— Ну, я могу,— говорит,— нанять и тройку.

— Все равно не уехать; и на тройке не уехать.

(Вот силач-то какой.)

— Ну, вот что,— говорит генералу.— Вы поезжайте, я за сутки буду там, на лыжах приеду.

Он говорит:

— Семь дней ехать!

— О,— говорит,— так я вперед вас попаду.

— Ну, дак вы,— говорит,— торопитесь, я на свое число буду.

Ну, и прожил он пять дней — пусть генерал съедет, семь дней пройдет.

Ну, и вышел Рах Рагнозерский, смазал свои лыжи. Пришел тот день, когда ему нужно отходить, ну и пошел.

Когда он уже прибыл в Ленинград на лыжах, обращается — к дворцу прикатил. Там, значит, часовой стоит.

— Кто вы,— говорит,— такой?

— Я есть Рах Рагнозерский, прибыл по приказу царскому. Какой,— говорит,— здесь иностранный хват приехал, ищет выйти на дуэль, так вот я изъявил желание посмотреть этого иностранца, что он за человек.

Ему, конечно, отвели помещение. Ну, там доложили.

— А вот мне,— говорит,— лыжи надо убрать.

— Так вот лыжи ваши мы уберем куда-нибудь.

— Нет, этого мало.

Пятиэтажный дом стоит рядом. Он подходит, берет за фундамент, взял и сунул лыжи туда, под дом. Этот часовой стоит и думает: «Пятиэтажный дом одной рукой поднял».

Вот на второй день, значит, приехал иностранец. Значит, требует:

— Давайте, я приехал измерить силы. Найдется,— говорит,— в России такой человек, который бы мог со мной справиться.

Вот, когда уже приводят Раха на дуэль, где уже нужно

им бороться-сходиться, то этот молодец-бахвалец стоит, хвастает:

— Ох, мол, знаешь, ха-ха-ха, я ему сейчас покажу. Я,— говорит,— все государство объехал, а тут деревенского какого-то мужика поставили. Ну, не знаю, что русский мужик со мной справится.

Рах Рагнозерский посмотрел на него немножко так:

— Рано,— говорит,— молодой человек, бахвалишь! Попосле,— говорит,— будем рассуждать.

Ну, стали сходиться два молодца. Рах Рагнозерский раздевает себя, а одна рубаха домотканая, крепкая (раньше, знаешь, в деревнях ткали, дак своей работы). Вот, значит, захватил Рах Рагнозерский его в свои руки и говорит:

— Ну что,— говорит,— если подниму да на этой панели тебя хлопну, то один пепел от тебя останется.

А царь уже стоит, вся свита — полно, раз на дуэль выходят.

Обращается Рах Рагнозерский, хоть деревенский мужик, к царю:

— Дак вот,— говорит,— ваше величество, вы дайте мне такую бумажку, что если я, в крайнем случае, его не сдержу и убью, дак мне не отвечать, если что получится, несчастный какой случай, если не выдержит моего, в общем, удара.

Но когда он получил этот документ, тогда подходит. Схватились.

— Как,— говорит,— желаешь бороться, на одну ручку или в обхватку?

— Я,— говорит,— всяко умею.

Обнял его, значит, Рах.

— Ну, бери,— говорит,— а то жди меня. Ну, давай,— говорит,— начинай!

Он было взял Раха Рагнозерского — ни поднять не может, ни пошевелить не может,— брызгун, который хвастал.

— Ну, значит, что, все? Ну,— говорит,— все слушатели и зрители, смотрите, как русский Рах будет поднимать, деревенский мужик Рагнозерский.

Все глаза-то о́пили, смотрят на этого несчастного хвастуна.

Рах его как поднял, как не сдержал, бросил об землю — сразу насмерть. Тут все закричали. Значит, погиб, ну и отвоевался, богу душу отдал. Тут его прибрали и сооб-

щили туда, за границу: на дуэли, значит, ваш боец погиб от сильного удару, потому что рано похвастал, Рах его поднял и не сдержал, так его тряхнул, что у него все легкие отскочили к черту.

Ну, царь его, конечно, поблагодарил и дал ему такое поощрение: Раху Рагнозерскому свободно, значит, земли брать; снял все налоги, наградил еще деньгами за то, что он погубил иностранного хвастуна.

Ну, вот теперь, в настоящее время, распростился Рах Рагнозерский с Ленинградом, стал опять на свои лыжи и за полсуток вернулся домой к жене с деньгами. И вот, в настоящее время живет. Только по просьбе, если государь затребует куда, приезжает. Вот, какую имел Рах Рагнозерский силу.

ИВАН ДОНСКОЙ

У нас Иван был, по отцу-то я его не знаю, а знаю, что Иван человек был порядочный, на крестьянстве все жил. От здумалось ему сходить попробовать силы своей, и пошел в Москву пешком. Пешком парень ходил, так было слышно, что по сто верст в сутки шел. От когда боролись в Москвы, он приходил на эту саму борьбу — и никто с ним справиться не мог. Который главный боец пошел с ним на выскочки, так он так его пихнул, что переломил ему ногу о больер. Ударил так, что у этих борцов взял у всех верх, никто стоять с им не мог.

Пошел он домой обратно и вот слышал, что два брата есть сильных в такой-то деревне, одного звали Василий, а другого — Алексей. Пришел в эту деревню, расспросил, что где-ты два брата сильных, там ему сказали, что в таком-то доме. Он заходит в этот дом и спрашивает:

— Здесь Василий есть?

— Есть.

— Алексей есть?

— Есть.

— Как бы мне их повидать?

Говорят:

— Иди, они в кожевенной, кожи работают.

Он с дороги бросил свою сумку и побежал, не терпелось, что за таки молодцы. Приходит в эту кожанку:

— Здравствуйте, Василий и Алексей!

— Здравствуйте, здравствуйте, как ты нас не видел, а по имени-изотчеству величаешь.

— Та вот, просто так я расспросил.

— Ну вот, садись с нами беседовать.

Он к им поприсел на беседу ихню. Вот старший брат был тоже в Москве, но только не заметил это Донского, никак не мог опознать. И вот разговаривают эти два брата. Вот говорит:

— Васютка, я был в Москве, и приходил с деревни откуль-то мужик, что всех оборол.

Но, а этот Васютка, вот как я, сидел на месте, и была у него воловья кожа в руках, и он вгорячах всю порвал и говорит:

— Вот бы как я его поборол.

А Алексей говорит:

— Ну да, Васютка, тут было такого, что самому старшему борцу ногу сломал.

А этот Иван Донской не вытерпел:

— А давай поборемся!

Васютка говорит:

— Хоть здесь, а то пойдем в деревню, давай здесь.

— Нет, давай пойдем в деревню,— одно говорит Иван.

Когда они вышли в деревню, уже вечер стал, народ весь пособрался домой с работы. Вот они вышли бороться на улицу и так крепко обняли друг друга, что было даже глядеть страшно. Но все-таки Донской поборол Василия.

— Но когда ты меня поборол, Ваня, вот тебе на́ на дорогу хлеба.

И с тем разошлись. 〈...〉

У Донских колодец чистили, под самым окном был и ныне есть у них на месте. Нарывали землю в ушат, он нарывал, а люди волокли. Когда веревка сорвалась над самым верхом, не успели за ушат взять, ушат оборвался обратно. Когда пал, ударил аккурат ему в голову, так что вылетело дно с ушата. Наверху стоявши думали: придавит его, а он кричит:

— Что вы вздумали, дно ушата сломали.

Стоявшие (наверху) и говорят:

— Стальная голова.

СИЛАЧ АНДРЮША

В молодости мне пришлось слышать рассказ от своего соседа, который был в Ленинграде на погрузке кораблей досками, грузили доски.

Ну, они работали втроем, три товарища их было. Значит, долгое время вместе работали. И о товарище, который у них был богатырем, они ничего не знали, потому что он всегда одинаковую ношу с ними брал. Если одна доска, и он одну берет; две — и он две; никогда свою силу не показывал.

Но однажды пошли в цирк они ⟨...⟩. В цирке выступали борцы. Цирки, разумеется, хозяйские были в те времена, значит. Борцы поборолись, и хозяин цирка обращается к публике, что нет ли желающих из публики бороться.

Вот Андрюше (этому: который был богатырем; его звали) мы говорим:

— Андрюша, сборолся бы.

А Андрюша говорит:

— Почему? Можно.

Встает, подымает руку, говорит:

— Я!..

Ну вот, он деревенский мужик; вся публика, сколько там было в цирке, зааплодировали, и этого Андрюшу сразу на сцену. А мы, говорит, сидим: «Чо? С ума сошел, что ли?» (Ничего не знаем.)

А его взяли туда, значит; объявили антракт на сорок минут. Антракт этот прошел. Выходят. Андрюша, говорит, одет так же, как и борец. А борец против него, как лев против мухи, очень крупный.

Вот борец стоит на сцене, смотрит на него и спрашивает:

— Как будем бороться?

А Андрюша его за руки схватил, ну, и как в деревнях обычно борются, вот так его схватил и начал его в воздухе бросать, этого борца.

Тот срок, который был положен на борьбу, прошел. Но борец, конечно, не мог очухаться: он его измял, все руки измял. Но борца сборотъ Андрюша (по правилам.—*Н. К.*) не смог все же: положить как следует на лопатки. Во всяком случае, победа осталась за этим Андрюшей.

Да! Я вот забыл сказать, что это не без денег было, это по двадцать пять рублей заклад был: двадцать пять

рублей хозяин положит, двадцать пять — Андрюша. Раз победа за ним оказалась, Андрюша эти деньги в карман — и пошел.

А публика, там сколько было, аплодировали и аплодировали, а он еще, кроме того, шапку, говорит, с меня снял, пошел к публике, и еще очень много денег клали ему в шапку зрители... Хозяин цирка вышел и объявил, что:

— У меня по нему больше нет ни одного борца! У самого сильного борца изжамкал все руки.

Когда пошли домой, мы, значит, над Андрюшей обычно посмеивались. И тут идем и смеемся, что говорим:

— Взялся, а обороть не мог.

В городе как раз проходил ремонт трубопроводов, и здесь лежала чугунная баба; каким весом? — может, до сорока пудов, может, меньше немного, но факт тот, что Андрюша схватил эту бабу в одну руку, поднял наравне с носом и говорит:

— Вот посмотрите, если хочете!..

Ну, и когда эту бабу бросил, намотал на водопровод и провалил все. Мы, конечно, убежали (боялись полиции) на квартиру.

А на второй день пришли неизвестных двое. Андрюшу от нас увели, и мы его после того не видали. А впоследствии писал, что его взял этот хозяин цирка, выучил на борца, и он работал борцом.

КУРГАНЫ-БОГАТЫРИ

На левой стороне Оби против Колпашево есть курган. Стоит на лугу. Топит его только в самую большую воду. Все утопит, а он стоит. На нем никакой лесинки не растет. От него в полкилометре — другой такой же курган. Рассказывают, будто в этом месте жили богатыри — два брата. А топор у них был один. И вот когда понадобится топор одному — дров нарубить, он крикнет, и другой брат-богатырь бросит ему за полкилометра топор.

В курганах похоронены эти братья-богатыри.

БРАТЬЯ-БОГАТЫРИ

Давным-давно это было. Тогда, когда был царь на Русской земле Петр Великий... Дал царь Петр приказ, чтобы забрать со всей земли нашей богатырей, а этих богаты-

рей засадить в крепости да и держать их там до войны, а как будет война, так и выпускать этих богатырей биться с неприятелем. И стали забирать на нашей земле всех богатырей, и стали сажать их в крепости...

Худое житье было в крепости, главное — воли нет, все взаперти, а где же богатырю сидеть на запоре...

И стали богатыри бежать в леса и далекие места, где бы их найти не могли.

Наше место тогда было еще очень глухое: всего-то десятка два домов, а кругом все лес да лес. Прибежало и к нам два богатыря в те поры. Были те богатыри родные братья. Звали одного Иваном, другого Васильем. Порешили братья укрыться у нас. В деревне жить они побоялись, а задумали жить в лесу. Почему-то вместе жить братья не хотели. И вот один, Иван, поселился здесь, на этом месте. Он-то и устроил тут каменный мост вот этот самый, теперь он в воду просел, а мой отец его помнит еще поверх воды. Другой, Василий, поселился на Шапше-реке, отсюда верст десять напрямик будет. Каждый брат построил избушку, и стали жить. Каждое утро братья проведывали друг друга: выйдет один брат утром из избушки да и крикнет:

— Здорово ли, брате, поживаешь?

Ему на это другой крикнет:

— Всё подобру-поздорову!

И начнут братья так толковать друг с другом. Вестимо, богатыри были, так и могли так далеко говорить. Долго жили тут братья, а потом царь всех беглых простил — они и ушли домой... Так вот что тут было...

МЕНЬШИКОВЫ

В деревне Черной Меньшиковых два брата было, один побольше, другой помене ростом, постарше — повыше, поменьше — пониже, Иван да Антон, еще в Муром ходили бороться. Жили мужики на крестьянстве, два брата, очень хорошо жили, старуху матку содержали. Эти ребята славились так, что с Новгорода приехали борцы к им даже на дом. Эти борцы, когда приехали в деревню, расспросили, где Меньшиковы братья Антон и Иван. Им сказали, что вот в таком-то доме. Приходят в квартиру два борца новгородских, были одни ребятишки в квартире и старушка старая, мать ихняя, сынов.

— Где,— говорят,— Антон и Иван у вас?
А говорят:
— У Долгого озера лен мочат.
Этим молодцам не терпелось:
— А как бы нам туда попасть?
— А полтора километра, ну, может, желаете, ребята сведут?
Они ребятишкам дали на полфунта пряников, десять копеек, ну, а ребята, знаешь, ребята сейчас их.
— Ну, дяденьки, пойдем сведем, сведем.
Вот ребята их повели, привели их к этому озеру Долгому. Они и спрашивают:
— Меньшиковы братья здесь?
— Здесь,— говорят.
— Антон и Иван здесь?
— Мы сами, ну так проходите, проходите. Так в чем дело-то, к ночи пойдемте-то к нам.
— К ночи-то к ночи, а вот приехали побороться с вами.
— Так вот маленько-то умеем бороться, вот мы боремся только на одну руку, один из братьев принимает, а другой подават.
— Которого облюбуем?
Меньшого облюбовали.
— Ну, давай, хотя с тобой сходимся.
— Ну, давай, давай. Ну так, поборемся с нами, а потом пойдемте к ночи к нам.
Ну, когда этот Антон пошел, когда набросил руку на шею своему товарищу новгородскому, так тот сразу почувствовал, что такой руки не слыхал, быть побороту.
Пошли, повели; два раза обвел — ну, держись, товарищ. Так не успел разглядеться, как низу попал, так он его хлыстал.
— А у меня, грит, сердце чувствовало.— И на низ попал.
И не пошли они к ночи, от стыда пошли.

ИВАН ЛОБАНОВ И ЕГО СЕСТРА

Был в Архангельске Ванька Лобанов — его силы сперва не знали. Работал он на заводе — его стали подзадоривать, так он за пятерых доски носил!

⟨...⟩ Сваи били. Артелью подымут на копер да спустят. Он взял и унес бабу чугунную эту, двадцати пудов. Работники утром пришли — нету бабы!

— Буде купите шкалик вина, так я найду.

Волей-неволей пришлось шкалик купить.

Сестра была здоровше его. По ней парня не было. Разрешили им жениться — брату да сестре. Надо домик себе построить? А бревен не дают.

— Дак я кольев наношу.

Наносили они с сестрой кольев... двадцатиметровых. Лесник пришел:

— Ты лес потратил...

— Я только жердочки принес!

Возьмет — в снег вторнет. Частокол ему! Лесник — прочь.

Домишко нехитрый они себе построили.

Это дело было до первой германской войны. Прознали про силу Ваньки Лобанова — в Архангельске он с борцами боролся, потом — в Питере. Он запросто, по-деревенски ломал борцов.

По зависти и отравили его.

ИВАН ЛОБАНОВ НА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ПРИСТАНИ

Вот Ванька Лобанов был в Архангельске. Он к пристани торопится, летит — поспеть не может. Капитан глядит:

— Ничего, какой-то мужик бежит, можно отчаливать, ладно.

Одежа простая у Ивана: он бурлак...

Лобанов за трос ухватился — еще не успели отдать концы, как он ухватился:

— Теперь подождете, не уедете!

Пароход даже трубой по воде ударил — наклонился очень.

— Ох, я Ивана Лобанова не узнал! — говорит капитан.— Оплошал я!

Поди-ка, не узнал он... Все Ваньку Лобанова знали! Загордился тот капитан: на голове — «капуста», а в голове-то пусто! ⟨...⟩

Потом-то Лобанова из артели сманили в цирк. Он бор-

цом стал, по циркам боролся ⟨...⟩. Наедут приезжи силячи — всех поборет. Придет в артель:

— Вот, братцы, поборол! Гуляем!..

ПРО НИКИТУШКУ ЛОМОВА

На Волге, в тридцатых годах, ходил силач-бурлак, Никитушка Ломов. Родился он в Пензенской губернии. Хозяева судов дорожили его страшной силой: работал он за четверых и получал паек тоже за четверых. Про силу его на Волге рассказывают чудеса; памятен он и на Каспийском море.

Плыл он раз по этому морю, и ночью выпало ему быть вахтенным на хозяйском судне. Кругом пошаливали трухменцы и частенько грабили русских: надо было держать ухо востро. Товарищи уснули. Ходит Ломов по палубе и посматривает. Вдруг видит лодку с трухменцами, человек с двадцать. Он подпустил их вплоть. Трухменцы полезли из лодки на борт, а Ломов тем временем, не будя товарищей, распорядился по-своему: взял шест, в руку толщиной, и ждет. Как только показалось с десяток трухменских голов, он размахнулся вдоль борта и смел их в воду. Другие полезли — то же. Те, что в лодке остались, пошли наутек, но и их Ломов в покое не оставил: взял небольшой запасной якорь с кормы да в лодку и кинул. Якорь был пудов пятнадцать; лодка с трухменцами потонула. Утром на судне проснулись, он им все и рассказал.

— Что же ты нас не разбудил?

— Да чего,— говорит,— будить-то? Я сам с ними управился.

В другой раз взъехал он где-то на постоялый двор, а после него обозчики нагрянули. Ему пора выезжать со двора, а те возов перед воротами наставили — ходу нет.

— Пустите, братцы,— говорит Ломов,— я раньше вас приехал, мне пора. Впрягите лошадей и отодвиньте воза!

— Станем мы,— говорят возчики,— для тебя лошадей впрягать! Подождешь!

Никитушка Ломов видит, что словами ничего не поделаешь, подошел к воротам, взял подворотню и давай ей возы раскидывать во все стороны. Раскидал и выехал.

С одним купцом на Волге он хорошую штуку сыграл. Идет как-то берегом, подходит к городу (уездному). Стоит

город на высокой горе, а внизу пристань. Вот идет он и видит: мужики около чего-то возятся.

— Чего вы, братцы, делаете?

— Да вот такой-то купец нанял нас якорь вытащить.

— За много ли нанялись?

— Да всего за три рубля.

— Дайте-ка я вам помогу!

Подошел, раза три качнул (а якорь не меньше как в двадцать пять пудов) и выворотил якорь с землей вместе. Мужики подивились такой силе. Бежит с горы купец, начал на Ломова и на мужиков кричать.

— Ты зачем,— говорит,— им помогал? Я тебя рядил?

Вынул вместо трех рублей один рубль и отдал мужикам. Те чуть не плачут.

— Будет,— говорит,— с вас!

Сам ушел домой. Ломов и говорит:

— Не печальтесь! Я с ним сыграю штуку 〈...〉.

Взял якорь на плечо и попер его в гору. Навстречу баба с ведрами попалась (дело было к вечеру), увидала она Ломова, думала, что сам нечистый идет, вскрикнула и упала замертво. Ломов взошел на гору, подошел к купцову дому и повесил якорь на ворота. Вернулся к мужикам и говорит:

— Ну, братцы, теперь он и тремя рублями не отделается; снимать-то вы же будете! Смотрите, дешево не берите!

Мужики его поблагодарили и после большие деньги взяли с купца.

На Волге, бывало, Ломов шутки с бурлаками шутил.

— Ну, братцы, кто меня перегонит? Я побегу бечевой, под каждую руку по девятипудовому кулю возьму, а вы бегите порожние.

Ударятся бежать, и всегда Ломов выигрывал.

СИЛАЧ ИВАН НОСКОВ

У нас тоже в деревне были силачи, и очень сильные. Вот были два брата, Дмитрий и Илья, Дмитрий Александрыч и Илья Александрыч. Дмитрий тот на войне был ранен, Илья Александрыч дома жил. А потом как стал пахать, а лошаденки те все раньше были худы-ые, худые, худые. Он поедет сохой пахать, а лошадь падает. Он ее нукнет — не встает. А потом возьмет, да станет, да за задни

ноги, да за передни, да ее подвернет себе на плечи, да и понесет домой. Принесет, поставит: она станет, опять стоит.

Вот так мы и жили раньше, а все лучина была...

КОНЯМ НЕ ПОД СИЛУ

Ефим Стрелков был, была у него сила.

Ехал он с дегтем. А у нас солонцы есть, там и ехал. Телега ушла в ил. Два коня было. Он их хоть бы прутиком шевельнул — так нет: сапоги снял, гачи заскал, в ил полез, коней отпряг.

Сам запрягся, телегу на гриву и выпер. А там один сеял на гриве. И говорит ему:

— Ефим, а Ефим! Конишек пожалел?

— Где уж им, батюшкам! Это мне под силу, а им не под силу.

Возки бегали, чаи шли. Один год кормов нету-ка. Ефим Стрелков ребятам и говорит:

— Езжайте-ка вперед, а я помаленьку поеду: кони слабы.

Только они скрылись, пять коней выпряг, за возок привязал, сам запрягся. Другой дорогой бежит, везет.

Дело к вечеру. Они в ночь к Бабкину заезжают — Бабкин был дворник, заезжий двор держал. А он уж там, на этом дворе.

— Дядя Ефим! Ты это как?!

— Да так, помаленьку.

ШИБКО УДАЛЫЙ

Патрушев был могутной, шибко удалый. Моему отцу звался братаном — на рыбалке побратались. Не родня, а все братан да братан.

Поехали на мельницу Кораблевскую во время весны. На Оми мельницы не работали — сносило их. А эта работала.

Мой дед везет воз хлеба, и братан его Патрушев воз везет. Были курки деревянные, колеса не кованы. Весна, промоины везде, ручьи. Кони как дернули — у Патрушева курок сломился.

А мой дед впереди ехал. С полверсты проехал, оглянулся — дружка не видать.

Дед пристяжную выпряг, на ней обратно припустил: беды не случилось ли?

А он, Патрушев, сидит, воз на коленко поставил и курок затесывает.

Мой дед зачал дивиться. Он не видывал такую силу.

— Ты это как?! Наземь воз-то не поставил?!

— А, имай его леший, еще ставить! Не тяжел!

СИЛАЧ КУЗЬМА ФАИНЫЧ

Один человек был, постарше меня, Кузьма Фаиныч звали. В бедноте рос, был хороший мужик, добрый. Он деревни Рагозиной уроженец. С ним заговорили однажды:

— Тебе, Кузьма, не принести с реки камень.

Говорит:

— Принесу.

Принес и положил на дорогу, его объезжать стали, не могли убрать. Человек не мог с ним возиться.

У него была худенькая кобыла, а воз он наложил большой, и лошадь худо тянула. Он отстал. Приехал в заезжалый двор, а там все занято. Он взял воз, поставил его на крышу, а сам лег спать около печки. Утром проснулись, стали искать воз — его нет. Кузьму разбудили и спрашивают:

— Где воз?

А он говорит:

— Его никто не увез. Он на крыше стоит.

У него попросили помощи воз снять, он⟨...⟩ и снял.

У него топоры не стояли: он ломал их. Срубил однажды ель, а верхушку нечем обрубить. Попросил меня, я с топором пошел и обрубил. Он взял бревно, поставил лошадь и поднял бревно на колодку, а оно не меньше трех сажень было. Если кобыла у него не везла, он сам вез вместе с кобылой.

В бедности жил, а сила была.

БЫЛА ДЕВОЧКА

Тринадцатилетняя девочка была. Ребятишки играли. Один мальчик пообидел — она схватила шапку, за бревно плечом подхватила избу и шапку под бревно положила.

Все тут собрались, мальчишка-то ревет. А она:

— У, да уж не могут шапку достать!

Опять плечом подхватила и вытащила шапку.

О БОРЬБЕ С ВНЕШНИМИ ВРАГАМИ

«СГИНУЛИ КАК ОБРЫ»

В те времена существовали и обры, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запречь коня или вола, но приказывал впречь в телегу три, четыре или пять жен и везти его — обрина. И так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и до сего дня: «Сгинули как обры»,— их же нет ни племени, ни потомства.

ПОДВИГ МОЛОДОГО КИЕВЛЯНИНА

Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга́ в городе Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести послать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали тужить люди в городе, и сказали:

— Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу,— сдадимся печенегам.

И сказал один отрок:

— Я проберусь.

И ответили ему:

— Иди.

Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их:

— Не видел ли кто-нибудь коня?

Ибо знал он по-печенежски и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему на ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок:

— Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам.

Воевода же их, по имени Претич, сказал на это:

— Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав.

И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу:

— Кто это пришел?

А тот ответил ему:

— Люди с той стороны (Днепра).

Печенежский князь снова спросил:

— А ты не князь ли уж?

Претич же ответил:

— Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество.

Так сказал он, чтобы пригрозить печенегам. Князь же печенежский сказал Претичу:

— Будь мне другом.

Тот ответил:

— Так и сделаю.

И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, а тот дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города. И нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами:

— Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не за-

щитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?

Услышав эти слова, Святослав с дружиною скоро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

БЕЛГОРОДСКИЙ КИСЕЛЬ

Когда Владимир пошел к Новгороду за северными воинами против печенегов,— так как была в это время беспрерывная великая война,— узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе сильный голод, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе, и сказали:

— Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? — сдадимся печенегам — кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем уже от голода.

И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он:

— Зачем было вече?

И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им:

— Слышал, что хотите сдаться печенегам.

Они же ответили:

— Не стерпят люди голода.

И сказал им:

— Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю.

Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им:

— Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей.

Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец, и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец, и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли

лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам:

— Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем.

Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди:

— Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами.

И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром, и вылили в горшки. И когда сварили кисель, взяли его и пришли с ними к другому колодцу и почерпнули сыты из колодца и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те, и сказали:

— Не поверят нам князи наши, если не отведают сами.

Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские, и подивились. И, взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси.

БАТЫЕВА ДОРОГА

Когда он (Батей) проходил мимо села Долгуши (Землянского уезда Воронежской губернии) ⟨...⟩, то господь послал туман и закрыл церковь и село — оно тогда небольшое было — так, несколько двориков, на горе. Татарин-то шел долом; так и прошел стороною, не тронул у нас никого. Где шел он, так и небо-то матушка побелело от этого. С того и прозывается оно Батеевой дорогой. Так сказывали старики.

ЧАЛАЯ МОГИЛА

За валом на восточной стороне есть овраг, носящий название Чалая Могила. Это название оврагу дано, говорят, после нашествия татар. Объясняют это так. Когда татары подошли к Рязани, рязанцы начали с большим отчаянием отстаивать свой родной город. Здесь-то вот, между прочим, был главный рязанский богатырь (неизвестный по имени) на своей чалой кобыле. Бесчисленное множество он порубил татар, но вдруг налетел на равного себе богатыря. Не успел он на него хорошенько взглянуть, как татарин поразил коня мечом. Богатырь рязанский не пал духом, в это время он мигом соскочил с коня, вступил в открытый бой с татарином и поранил его, но рана была легкая. Татарин скоро оправился и поразил рязанца копьем в живот ⟨...⟩. Но он был настолько силен, что перенес и этот удар, собрал внутренности в полу и побежал к Оке. Здесь он нашел челнок и переправился на левую сторону, где и скончался. На том месте, говорят, стоял памятник. Место же, где упала его кобыла, называли Чалая Могила.

КАРАУЛЬНАЯ ГОРА

Здесь жили семь русских князей-богатырей — семь родных братьев. Они были посланы сюда караулить татар, чтобы они не собирались силой идти на Русскую землю, скот угонять, народ воевать. Желая их выжить с этого места, татары зажгли степь верст на десять кругом горы. У богатырей в один час разбежались их кони. А сами они начали биться с татарами.

Три дня они бились. А на четвертый день их победили татары, так как их была тысяча человек всадников. И все полегли на поле битвы. С тех пор, рассказывают старики, в ночь под пасху гора открывается, и на своих конях выезжают богатыри защищать Русскую землю.

НЕМЕЦКАЯ ЩЕЛЬЯ

Мальчишкой я был — бабушка пугала:

— Вон из скалы торчит камень, будто сапог, немцы там придавлены! Немецкий сапог виден!

Это было давно, лет триста прошло. Ходили в то

время в Поморье шведы, немцами их еще называли. Пришли они как-то летом — Кемский острог сожгли, Вирму взяли, а Сумский посад и не поддайся.

Ну, немцы Вирму разграбили, церковь была (старше нонешней, хорошая тоже церковь, в роще стояла, столбы витые в трапезной!), ее разграбили и сожгли дотла, а роща до сей поры есть.

Ушли шведы по зимней дороге, стали в лесу делить награбленное... Пили, ели, отдыхали. Да вдруг на них щелья и упади с неба — сразу всех и накрыла. Только одна нога в сапоге торчать осталась, да и та закаменела.

ОКАМЕНЕЛИ

Там вон за Кильяками-то, в Кузовах, есть луда такая, варака, а зовут ту вараку Немецкой. Так тут, вишь, немчи кашу варили, и, стало быть, шли они на Соловки, чтобы монастырь ограбить. Варят это, значит, немчи кашу да и похваляются, кто, выходит, больше ограбил, у кого денег больше.

Один этак влез на вараку-то, увидал монастырь вдали, что картину писаную, да и пригрозил (завидно, вишь, стало, что хорош больно монастырь-от, да и казны его счесть нельзя), пригрозил немец:

— Завтра, мол, красоты твоей не видать станет, всю по камушку разнесем.

Да видно вражьим было это попущением — божьим то изволением: немец как сказал слова те свои, так и стал камнем, и товарищи-то все до единого такими же. И знать их теперь всех по той вараке: в сумерек проедешь — так ровно бы люди, вся почесть гора уставлена понизу. Так, выходит, все немчи и стали камнями!..

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВ И ПАНЫ

Был царь Гришка-расстрига; он женился в другой земле и взял жену Марину. Стали возить Маринино приданое и возили три года.

Раз шел конь с приданым, да остановился, устал. А пономарь звонил на колокольне, увидал и спросил:

— Что везете?

— Везем Маринино приданое.

Пономарь взял да и разбил одну бочку с воза. А там, в бочке, два пана. Пономарь и объявил царю:

— Ваше царское величество, вот какое приданое возят с другой земли.

Пришла сила, повернула Маринину палату вверх дном. Марина же волшебница была, обернулась сорокой и улетела в окно. А паны разбежались по русской земле, вот и у нас жили и грабили.

РАЗОРЕНИЕ КОКШЕНЬГИ

...Литва имела пристанище у Кокрякова озера и ручья (почти против Спасского погоста), и они ходили к ночам (во время осады Никольского городища?) всё туда. Над речкой над Кокряковым был на угоре гладкий камень, на нем они хлебовали и в карты играли. Этот камень нынь недавно мужик подкопал и свалил — думал, клад есть. На камне три зарубы. Одна на Преображенье (т. е. в направлении Спасо-Преображенской церкви).

Сколько их там было — неизвестно. Главных их начальников убили. Наши мужики собрались с шести волостей и пришли к Кокрякову. Наперед у наших-то шли большезнающие (т. е. вещуны, знахари, колдуны); это были паны, они ведь наши и правили нашими; их звали Ягон, Пеган, Поляница и Хайдук. Литва-та в это время отдыхала: вот она варит кашу, обедать хотят. Ихний атаман и говорит:

— Ну, ребята, севодни на каше кровь кипит,— не ладно будет, не к добру это.

Все изумились, не знают, что делать. Вот когда тут пришли наши-те со своими атаманами, и стали драться. Первое дело их атаман расстегивает грудь и говорит:

— Стреляйте!

Наш стрелил — и тут же застрелил. Была заряжена-то пуговица серебряная (против серебра-то не заговоришься); пуговица скрозь его пролетела. Он упал. Другого поймали — стали рубить топором. Топор не берет: он заговорился. Наши и говорят:

— Не ладно рубите! Возьмите трою в землю топором ударьте наотмашь, а потом и по шее, тоже наотмашь.

Тому голову отрубили. Третий побежал наубег. Он бе-

жал ни много ни мало, три версты. И кидал серебро горстями, чтоб народ остановился. Достигли (т. е. догнали) его против деревни Костенской. Тут и поймали, и голову отсекли. На том месте была каменьица (груда камней) и донынь. Остальные приметались в озеро Кокряково. И нынь кровавые косы ходят по озеру в непогоду.

Дьякон Боскарев видел кость на берегу озера: приподымется да и сосвищет — значит, хочет похорониться. Я видел тоже такую кость.

ПАНСКОЕ ОЗЕРО

В Смутное время паны, убежав из Москвы, пришли и в нынешний Лодейнопольский уезд.

Однажды один крестьянин пошел на охоту и увидел, что навстречу ему идут больше тысячи вооруженных людей, а за ними тянется обоз. Мужичок, чтобы спасти своих однодеревенцев, решил пожертвовать жизнью и пошел им навстречу. Паны́ схватили его и начали пытать и спрашивать о местных богачах. Мужичок обещал указать богатство своих соседей, паны поверили, и крестьянин повел панов, отводя их от родного села все дальше и дальше.

Настала ночь, и мужичок пришел на какую-то равнину. Панам показалась тут деревня, они и бросились туда. Только что паны́ отбежали от мужика, и вдруг он видит, что на равнине панов нет, а перед ним круглое озеро, которое и теперь называется в народе Панско́е.

Мужик, подивившись, хотел было поживиться с панских повозок, но только приблизился к ним — они и провалились, и образовался теперешний Панско́й ручей.

ЛИТОВЦЫ НА КИВАЧЕ

Во время набегов литовских перебралась однажды шайка неприятелей через реку Суну, выше водопада Кивач. Это случилось весною, когда река была в разливе. Для верной переправы назад они схватили крестьянина с лодкою и силою заставили везти.

Крестьянин направил лодку в быстрину реки, кинул весла — и сам бросился в воду. Умея плавать, он благополучно достиг берега, а шайка литовцев погибла в пучине водопада.

КАК ФРАНЦУЗ ПРИХОДИЛ

У жены моей дедушко умер ста пяти лет. Он был в то время солдатом, как француз приходил. Москву-то у него совсем малой силой взяли — всего только одним полком. Один полк и был, тот самый, в котором ее дедушко служил.

Командир-то что сделал? Он разделил полк на четыре части и расставил их кругом Москвы.

(Сказитель нагибается к земле и прутиком чертит круг.)

Вот тут будто бы Москва. А солдат-то командир расставил вот тут, тут, тут, тут...

(Сказитель ставит на земле точки вне круга, который изображает Москву.)

Когда солдат-то расставили, командир приказал выстрел сделать. Сигнал, значит. Как выстрел сделали, сейчас же солдаты пошли на Москву со всех сторон.

Наполеон на каменных стенах стоял. Услыхал выстрел, а потом дым увидал... А дым-от со всех сторон. Из-за дыма ничего не видать. Ну, он думает:

— Как же так?! У русских вся сила вышла, а тут вдруг со всех сторон на Москву идут.

И давай скорее из Москвы. А стужа была, мороз. Солдаты-то его кто в чем: кто в женское платье нарядился, кто в рогозу закутался. И много, сказывал дедушко, тут погибло их.

Так одним полком и взяли обратно Москву-то. Совсем малой силой взяли.

ПРО АНГЛИЧАНКУ

Лет сотню назад англичане сюды приходили. Деревню Пялицу сожгли, каку-то деревню,— кажется, Стрельну,— а потом и к нам сюды на кораблях пришли. Вышли они на берег, а наш народ-то детей в горы увел, а сами все с вилами да с батогами на берег сошли да на угоре и выстали. Англичане и кричат:

— Подавайте нам коров!

А мужики-то и отвечают:

— А заместо коров не хотите ли комаров?

— Так давайте оленей.

Оленей тоже не дали. Англичане и спрашивают:

— Все ли вы тут?

А они, мужики-то, и отвечают:

— Куды там! В деревне в десять раз больше осталось.

Англичане-то не видали, что у них вилы,— думали, ружья. Ну, что ж им было делать. Испугались, конечно, да и вон пошли. С тех пор не бывали. Всё.

СЕРЕБРЯНЫЙ КОЛОКОЛ

А было это, голубушка, годов восемьдесят назад. О ту пору к нашей Кандалакше англичанка подходила. Слыхала? Ну, так вот. Чего ей тут нать было — лешой знат. А тольки пришла. И уж сыздали про ее слава шла: идет англичанка, ружьям да пушкам палит, деревни жгет, народ погубляет.

А у нас тут монастырь был, окраї самой реки Нивы, в Заречье. Какков монастырь звался. Настоящий монастырь был, с монахами, с настоятелем, все честь честью. И был в монастыре на колокольне колокол серебряной, с узорам. И звонил он звоном таким-то малиновым... Ну, вот.

Как про англичанку монахи прослышали — затревожились. Нать было колокол спасать. А куды спасешь? Ухоронить-то некуды. Думали-думали, однако надумали. Сговорились, ночью колокол с колокольни сняли да с пеньем, со свечами и с крестным ходом к реке его отнесли. Да промежду порогов в воду-то и спустили. Пущай, думают, пока под водой полежит, а пройдет беда — снова его на колокольню вздымем. А река Нива у нас буйна, порожиста, камениста. Над колоколом сейчас же большущий камень сам собой навалился, и вода округ его ровно котел кипящий завилась.

Ну, пришла англичанка, пошишевала, поразбойничала и ушла, однако. Пошли монахи к реке колокол здымать. А колокола-то уж и не достанешь. Как ни пытались — ничо не поделать: вода бурлит, крутится, а колокол все глубже под пороги на дно уходит. Так и отступились. И пошел с той поры у стариков завет — беспременно колокол вытащить. Как его опять на колокольню здынут да звоном своим серебряным он зазвенит — тут все снова постарому и пойдет.

А в старом-то много хорошего было: была у нас тут така гора лесиста, Погана варака прозывалась. Лес на ей был огромадной, и малины в этом лесе и другой всякой ягоды

была сила несусветная. Так вот тыи леса нонь-то все повырубили, и нонь на том месте кипиратив и больница стоят. Где прежь болотца в травах лежали — нонь почта, школа да сельсовет. А как колокол-то зазвонит — так все опять и перевернется: почта и школа скрозь землю провалятся, чугунка лесом зарастет, над больницей камни содвинутся, все дороги мохом-ягелем зарастут и пойдут по прежним лесным варакам девки во снарядных сарафанах собирать княженику-ягоду да малину... Тольки вот беда: нам-то колокола не вытащить, слабы стали, остарели, а молодежь нонь к святыне-то не больно прилежает: знай хохочут. Так скоро и место-то, где колокол спущен был, совсем забудется...

О РАЗБОЙНИКАХ

ВЛАДЫКА-ВОИН

На морях был владыка-воин. Жил у Кильгина-острова, по правую руку как идти с Норвегии. Это место никак не минуешь...

По весне, в марте, бегут поморы на промысел в Баренцево море. Владыка-воин уже по своему берегу ходит:

— Поворачивай!

Весь промысел и отберет: оставит только до становища поесть-попить, в Териберку либо Гаврилово...

Бежали к Норвегии в шняке наши поморы. Четвертым человеком наживщик считался — мальчишка еще вовсе... зуем!

Кормщик ему вачаги кидат:

— Выстирай, заскорузли!

Ладно, выстирал. Выжимать стал — на́полы разорвал!

— Хотел досуха выжать...

Ну, бегут, ладно. Кильгин-остров показался.

— Походи сюда! — владыка-воин кричит.

Поворотили к Кильгину.

Промыслом владыка-воин не попользовался. Мальчишка-зуек взялся с ним бороться смертным боем — сломал воина! Награбленное добро забрал — на шняку погрузили. Шняка — морское судно, сто пуд поднимет!

КОЛГА, ЖОГЖА И КОНЧАК

— Знаешь про Колгу да Жогжу?

— Слыхал, что есть острова в море — Колгуев да Жогжин.

— Супротив последнего острова есть мысок экой небольшой — Кончаковым наволоком зовется — неподаль от деревни Дуракова. Вот на всех местах этих жили три брата,

меньшого-то Кончаком звали, так по именам-то их и острова теперь слывут. Вот, стало быть, и живут эти три брата родные, одного, выходит, отца-матери дети, живут в дружбе-согласии; у всех топор один: одному надо — швырнул один через море к брату, тот подхватил, справил свое дело, третьему передал. Так и швырялись они — это верно! С котлом опять, чтоб уху варить,— самое то же: и котел у всех один был. И живут-то они этак год-другой, третий, да живут недобрым делом: что сорвут с кого, тем и сыты. Ни стиглому, ни сбеглому проходу нет, ни удалому молодцу проезду нет, как в старинах-то поется. Шалят ребята кажинной день, словно по сту голов в плечи-то каждому ввинчено. Стало проходящее христианство поопасываться. В Соловецкой которые богомольцы идут, так и тех уж стали грабить, чтобы, кажись, баловства пуще.

А вот пришел раз старичок с клюкой: седенькой экой, дрябленькой, да и поехал в Соловки с богомольцами-то, и пристали они к Жогжину-то острову, где середний братан жил, и вышел Жогжа, и подавай ему все деньги, что было, и все, что везли с собой. Старичок-то клюкой и ударь его — и убил, наповал убил. А по весне приговорился на сальный промысел — да и Колгу убил, и в землю его зарыли, да, сказывали бабы, из земли-то выходить-де стал и мертвый бы,— а лежит, мол, что живой, только что навзничь, и пугает... Долго ли, много ли думали да гадали и стали на том, что вбить, мол, колдуну, по заплечью-то, промеж двух лопаток, осиновый кол... Перестал вставать: ушел на самое дно, где три большущих кита на своих матерых плечах землю держат. ⟨...⟩

Слушай! Кончак-от такой силы был, что коли сух да не бывал в бане, что ли, или не купывался — в силе̄ стоит, с живого вола сдерет одним духом кожу, а коли попарился этак или искупался, так знай — малой ребенок одолит. Вот и полюби он попову жену и украдь ее у попа-то. Та на первых порах и смекни, что богатырь-от после бани что лыко моченое, она и погонись за ним вдоль берега по морю до Кончакова наволока. Тут он изошел духом, умаялся — помер. Там тебе и могильцу его укажут, коли хочешь.

ВОРОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

На берегу Волги, немного повыше села Севрюкова, есть место — «Воровское Городище» называемое, которым тут

руководил атаман из казаков ⟨...⟩. По Волге вверх шли посуды с хлебом, их тащили бурлаки лямкой на своих плечах, там, где нельзя было тянуть лямкой, шли подачей (якорь сначала завозили вперед посуды, а потом бросали его в воду и подтягивали на канатах к нему посуду).

На берегу Волги, где всегда проходили бурлаки, стоял столб, а на нем прибитая доска. На этой доске были буквы: «Чтобы получить с каждой посуды денежную пошлину, а кто из хозяев и лоцманов посуды не отдаст пошлины атаману-казаку, тот получит неудовольствие».

У атамана на берегу всегда стояла заряженная пушка. Если кто не уплатит по своей воле пошлину, то атаман приказывал стрелять из своей пушки в эту расшиву. И вот один раз шла посуда с грузом — хлебом и пошлину не платила. Казак-дозорный закричал с берега лоцману:

— Почему не платите пошлину? Сопротивляетесь!

Ну, лоцман этой расшивы не обратил на это внимания и закричал команду своим бурлакам пуще прежнего:

— Иди, навались, вперед! Какая ему тут пошлина!

Тогда атаман закричал своему подданному казаку в рупор:

— Уплатили ли они пошлину?

Казак отвечает в рупор:

— Нет, не заплатили!

И приказал тогда атаман ударить из пушки прямо в расшиву, в бок, и расшива тут же потонула на этом месте, против «Воровских Городищ».

ХОДИЛ РАЗБОЙ ШАЙКАМИ...

⟨...⟩ После этой поры жили много времени, и наступил разбой. Ходил он шайками, по сорок человек. Разбой богатых мужиков грабил и резал. У нас был в Мадовицах богатый мужик, Бирюк звали. Его захватили в Преображенской церкви. Из церкви утащили на реку и замучили. У их фатера была на Коленьге по речке Пестову (приток Коленьги). Тут была земляная изба. Они много кое-чего нагрудили около той избушки. У этой местности ничего теперь наверху нет. Только один мужик, Устин с Ростова, из деревни Починка, нашел полтора пуда свинцу, а больше ничего не могли добраться. А добирались всё сабли Алек-

сандра Невского. Она есть тут на самом деле, да не многие знают про это,— кто слыхал от прежних людей.

Разбой стал много проказу делать. Он грозится на Гусиху (деревню.—*Н. К.*):

— Надо,— говорит,— ограбить.

Гусишана узнали об этом и собрали народ с шести волостей. Народ был в гумнах и домах спрятан. Разбой пришел. Был Проня на Гусихе, который знал заговор, и заговорился, что его не брала пуля. У разбойников был тоже заговорщик. Он заговорился, и его тоже не брала пуля. У Прокопья была середка разломана до перевод. Был еще дымник. Проня улез в этот дымник.

У их был уговор: пока Проня не стукнет из оружья — народу не выкрываться, а как учуют стук, дак народу вдруг хлынуть на разбойников. Как приходит этот разбой до Гусихи, атаман и говорит:

— Теперь Гусиха сгоготала и Проня пропал!

Идет этот атаман по переводам у Прони. Проня — ничего другого — из дымника выстрелил из оружья серебряной пуговицей; атаман с переводов упал. А народ услыхал этот стук и со всех сторон содвинулись. Разбой испугался — и сейчас к озеру, и приметались в озеро. Там и решился, всего сорок человек.

БОГАТЫРЬ ПАШКО И РАЗБОЙНИКИ

⟨...⟩ Церковь (в селе Юрома на реке Мезени.—*Н. К.*) строил богатырь ⟨...⟩, именем Пашко. Будто бы своими руками, на собственных плечах, валил эти громады одна на другую один, без посторонней помощи. Силы он был необъятной, а чтобы судить об ней наглядно, он оставил народу на память модель руки своей ⟨...⟩ (громадный кусок дерева, длиною в высокий рост человека, обточенный с одной стороны в подобие руки человеческой; рука сжата в кулак, и кулак этот шириной своею равняется четырем, если не пяти головам взрослого человека ⟨...⟩).

Пашко, уроженец соседней с юромской деревни, до сих пор называющейся именем богатыря — Пашкиной, раз пахал землю на берегу реки, в то время, когда по реке плыли сверху семь человек разбойников. У разбойников было крепкое, темное слово. Сказывали они это слово на ветер. Нес это темное слово ветер на заказанное место — и стала

у богатыря лошадь, как вкопанная, и не шла по полосе дальше вперед.

Не стерпел силач Пашко обиды такой, а замка от заговору, темный человек, не знает. Надо донять злых людей хитростью и мощью своей. Посылает он своего работника по берегу наследить за разбойниками, куда они придут, где остановятся, и только бы на одно место сели: на воде они сильны, не одолишь. Разбойники свернули на реку Пёзу — так работник и сказывает.

Рассказывают также и другое, что Пашко не сробел, когда встала его лошадь. Он послал и свое запретное слово — и лодка разбойничья стала и с места не тронулась. Да атаман был толков, знал замок и сказывал:

— Братцы! Есть кто-то сильнее меня, побежим!

И побежали. Зашел Пашко по пути за товарищем Тропой, таким же, как и он, силачом, и с его деревни, и с ним вместе повернул на лес. Нагнал Пашко разбойников на реке Пёзе. Разбойники наладились кашу варить, да видит атаман кровь в каше, пугается крепко и товарищам сказывает:

— Беда-де на вороту, скоро тот, кто сильнее нас, сюда будет!

И не успел слов этих всех вымолвить, явился и сам Пашко: одного разбойника убил, и другого, и всех до седьмого. Остался один атаман. Бегает он кругом дерева, и исстреливает Пашко все дерево в щепы и не может попасть в атамана. Накладывает на лук последнюю стрелу и крестит ее крестом святым. Валится от этой честной стрелы враг его и супостат на веки вечные.

И до сих еще пор старожилы показывают на пёзском волоку между Мезенью и Печорой то дерево, которое исщепал своими стрелами богатырь Пашко. И до сих еще пор всякий проезжий и прохожий человек считает неизменным и безотлагательным долгом бросить охапку хворосту на проклятое, окаянное место могилы убитого атамана. Там уже образовался огромный курган. А за Пашко осталось на веки вечные от этого дела прозванье Туголукого.

ДЕД КОЛЬШЕК И РАЗБОЙНИКИ

Аханщиков (дед рассказчика, П. С. Полуэктова) жил в лесу, около Василя́, лет около ста назад, сеял пшеницу

и этим кормился. Овец еще держал. И жила с ним одна дочь, такая рослая да здоровая. Она до тридцати лет в мужичьем платье ходила. Время разбойничье было, кругом леса, поневоле за мужика и на работу шла и везде. В тридцать лет она замуж вышла и плакалась, что робенком к венцу ведут.

Вот раз вышел дед в поле, а ходил он всегда без шапки. Все его в округе знали и прозвали Колышком, так Колышком и кликали. Попадаются навстречу разбойники.

— Кто идет? Стой!

А дело утром было, на заре.

— Ах, да это ты, Колышек, нам перва встреча! Разве не знаешь, что первой встрече, кто бы ни был, голову долой!

— Как, батюшка, не знать? Что ж делать-то, рубите! Вот она!

Ну, вот они возьмут (не раз это с ним было) долгий шест, смеряют в его рост, лишнюю-то вершинку отрубят и искрошат шест на мелки части, а его пустят.

— Ну, ступай да вдругорядь не попадайся, а то убьем!

А почему они его не били? Больно он добр был и не корыстен. Бывало, придут, овцу у него зарежут и уйдут — он и не взыскивает. Денег давали ему — не брал.

— Нет, куды мне? Не надо.

Раз и говорят разбойники:

— Эй, Колышек, поди-ка — мы лодку на Суре в песке оставили, с медными деньгами... Поди возьми!

— Куды мне, батюшка? Не надо!

Так и не взял, а после целую лодку водой вымыло, и кому-то вся казна досталась.

ФОМА-ВОЕВОДА

Слыхал я одну историйку. Вот был (звали воеводой) Фома-воевода, находился, значит, в нашем Пудожском уезде, не знаю, в какой волости. Под ним было сорок разбойников. Куды где узнает деньги, так съездит и ограбит. Узнал, что купец один богато жил. А жил-то ен в большой деревне, напахнуться так что не смел. Узнал это он и пишет купцу письмо: «Слушай, купец, отдай мужикам рабочим по три рубля денег. Я тебе приказываю. Такой-то Фома-воевода». А он (купец) записку получил да и не отдал денег.

Потом зима пришла, Фома пишет: «Отдай по канькам (валенкам) да по шубам мужикам, которые у тебя работают». Прочитает письмо купец и никому не объявит.

Год целый воевода предлагал ему. Потом собрал свою дружину, оборужил ю, надел ю шинелями, человек шестьдесят, и отправился к этому купцу. Приехал к купцу ко вечеру, заехал на двор и требует купца на двор. Зовет его по имени, по изотчины и говорит ему:

— Слушай, купец, нас послал царь, на тебя будет нападение в эты сутки или на этой неделе. Приедет Фома-воевода, он тебя убьет да разорит, твое место сожгет.

Обрадовался купец.

— Спасибо вам и царю-батюшку.

Заказал пищу что ни лучшую, приготовку очень хорошую для приезда солдат русськиих для защиты купца богатого. Как поужинали ены и сели за столы за дубовые, и говорит воевода таково слово:

— Ну, садись-ка ты с нами, хозяин наш. Как что тебе было написано?

— У того ли воеводы со своей армией было писано мне, что дари деньгами своих работников, а как на зиму — обчем обнадежь их и не обижай их, пожалуйста.

— Дак давал ли ты им деньги?

— Нет,— говорит.

— Давал ли ты им обувь?

— На кой черт! Наживут и самы.

— Ну, дак неси-ка сейчас на стол две тысячи.

— Да куда? — говорит.— Да у меня и нету тут.

— Да не доводи-ка ты до греха до большинского. Не хотел мужикам дать частиночки, дак мы всё возьмем.

Как заежился купец.

— Да что вы,— говорит,— да я не отдам никому, неужели вы тут деньги возьмете?

— Возьмем мы с тебя да две тысячи, а искать пойдем, дак и всё возьмем. А я ведь теперь Фома-воевода. Как я тебе писал свою грамоту, как не послушал ты меня, не отдал сотнямы, дак давай сюды две тысячи.

Заежился купец да пошел запокрякивал, как принес да все денежки, да не хватило, дак добавил и товарами. А потом ены тихонько и поехали ⟨...⟩.

Досель было. Втымеж ведь разбойства было много.

РАЗБОЙНИК ВАСЬКА ЖУРАВЛЕВ

Был еще один разбойник, Васька Журавлев. Неуловимый был. Поймают его, а он обязательно уйдет из тюрьмы дня через два. Или стоскуется по жене, придет домой. Побудет немножко и говорит ей:

— Иди в полицию и скажи, что я дома. Награду возьмешь за мою голову.

Ну, она не идет. А он все же ее уговорит. Пойдет она с доносом. К ней сразу и нагрянут. У бабы сердце в пятки: поймают ее мужика, казнят. Обыщут весь дом, никого не найдут. Во дворе попадется им какой-нибудь нищий или дворник старый да глухой. Вот и спрашивают раз дворника:

— Дедушка, не видал Ваську?

— Нет. Спит еще на печи.

— Да нет его на печи.

— Ну, нет — тогда не знаю.

А сам еле двигается. Уйдет только полиция, а следом записку приносят к приставу: «Все вы дурни набитые. Отдайте моей бабе выкуп за мою голову. Был я дома. С вами имел счастье разговаривать в образе дворника». Нечего делать, выдадут бабе деньги. Боялись его очень. Хитрый он был. Часто проводил он полицию переодеванием, и никогда его узнать не могли. А ему от этого двойная выгода: дома побудет и деньги баба получит.

АТАМАН КУДЕЯР

Теперь здесь поля да села, а когда-то, сказывали старые люди, были непроходимые леса, а в лесах тех жил знаменитый атаман Кудеяр. Бары пуще огня боялись Кудеяра. Когда они ехали лесом, то переодевались в крестьянскую одежу. Но Кудеяра трудно было провести, он по рукам узнавал, посмотрит на руки, а у барина руки гладкие да белые.

А ну,— скажет,— слазь! Хоть ты и в другой коже, а сердце у тебя все то же.

Сколько раз хотели поймать Кудеяра, да где там, ищи ветра в поле. Как-то идет царская стража Кудеяра ловить, а навстречу им мужичок.

— Ей, старина,— говорят,— а не знаешь ли, где тут Кудеяр?

— Как не знать,— отвечает тот,— сам видел, как он по сосне взбирался, до неба хотел добраться, а добрался или нет — про то не знаю.

Задрали те головы и смотрят, а мужичок смеется

— Дурак — как мешок, что в него сунут, то и несет

Сказал так-то и пропал А это и был сам Кудеяр.

КУДЕЯР НА БАРСКОМ ПИРУ

А вот еще такой случай был. Собрал богатый барин пир. Созвал он гостей, почитай, со всей округи. Лакеи снуют, музыка играет, вино рекой льется, одним словом, господам — и то такой пир в диковинку Ну, ладно, сели это за столы, а барину докладывают, что какой-то большой начальник приехал.

Подкатила эта тройка к барскому крыльцу, выходит начальник с виду молодой, но такой строгий. Провели его к столу, поднялись все и стали вино пить. А барин выпил стакан и стал бахвалиться:

— Все боятся Кудеяра, а вот я нет, только попадись он мне на глаза, так я его на первой осине повешу

Встал тогда начальник, что приехал, и смеется:

А может, этот самый Кудеяр с вами за одним столом сидит?

Перепугались господишки, стали друг друга оглядывать, а начальник, что приехал, снял с головы парик и крикнул:

— А ну, кому хотелось увидеть Кудеяра?!

Наставил он на них пистолет, а бары от испугу в кучу сбились, стоят трясутся.

Засвистел Кудеяр, и тут же его люди сбежались. С барами тогда круто расправились, а добро барское крестьянам роздали.

КЛАДЫ, КУДЕЯР И РАЗБОЙНИКИ

⟨...⟩ Около Хренниковой мельницы, по Ксизовской дороге, зарыто сорок бочек золота под плошавым корнем,

в дурном верху. Кудеяр тогда давным-давно, при царе Иване Грозном, почту ограбил да и спрятал туда.

То же и на Лысой горе, Ендовиной называется, у Козьмином лесу — три кадки золота... Тут жили силачи-богатыри. У них была застава, городище. Еще на моей памяти был тут огромный строевой лес, глухой-глухой, что и войти в него страшно; при шоссе было городище. Это, как бы сказать, курганок такой, небольшой; там и теперь еще видны вороты и проезд.

Такое же городище было и в селе Козачьем (в семи верстах от первой заставы).

Никому они ни проходу, ни проезду не давали. Если одному из них не под силу справиться с кем, то один разбойник бросает другому топор, а тот уж понимает, что идти надо. Вот какая силища-то! Да что до сказу, мой дядя родной выкопал кости богатырские — одна кость до колена, нижняя, больше трех аршин.

ПРО КАТЕРИНОВЫ СУДА

Катерины Второй суда по реке ходили, и на суда эти Кузьма Рощин нападал. Тут недалеко Лысая гора есть. Так вот все больше около этой горы нападал он. Пойдет царское судно, Рощину кричат:

— Едут, мол, Катериновы слуги!

Протянут веревку через реку, остановят судно, команду перебьют, денежки заберут, а судно в пруд уведут.

СТАРУШКА ПО ЛЕСУ БЕЖАЛА

Вот одна старушка по лесу бежала. На коровку пошла в деревню занять три рубля. Не хватало у ней на покупку, а скотина была тогда дешева. Сколь-то она набрала, а трех рублей нету. Бежит она в деревню, а уже темнеет, она боится, скоро бежит. Видит — навстречу ей идет мужик здоровый, высокий, красивый.

Говорит он ей:

— Бабушка, куда бежишь, куда торопишься?

— Рощина боюсь,— чай, сумерки.

— А чего боишься — у тебя денег много?

— Где много — заняла в деревне у родных три рублика.

— А зачем три рублика?
— Да на коровку не хватает.
— А сколько корова стоит?
— Да рублей восемь аль десять.
Он вынимает ей деньги, дает десять рублей:
— Вот тебе, бабушка, на корову. Рощин я самый и есть. Да ты не бойся меня, я купцов граблю, бедных людей не трогаю.
Старушка схватила десять рублей, зажала в кулак да бежать!

РОЩИН И ЗОЛОТО

Рощин, бывало, платок расстелет и плывет по реке. А то насыплет золото, и без его разрешения никто не берет.
Он все ровно сквозь землю видел. Бывало, спросит отца:
— Макаров, где ты был?
— На Колодливом озере.
— А золото, насыпленное в рогожах, видал?
— Видал.
— А взял?
— Нет, не взял.
— А мог бы взять горсточку или две!
— Да я побоялся.
— Ну и дурак, взял бы. Твое же золото, не купецкое.

ПЛАВУЧИЙ ОСТРОВ

Есть озеро, на нем плавучий остров из деревьев. Ветер подует — плавучий остров перейдет к другому берегу. А под теми деревьями к корням лодка цепями привязана, а в той лодке рощинские клады лежат.

ВОРОЖЕИН АРТАМОН

Рассказывают, будто Ворожеину письмо от царицы пришло. Царица пишет: «Уничтожь Рощина, озолочу тебя!» И пошел Ворожеин на темное дело.
Вот как Рощина поймали. Он все к одной девушке хо-

дил. Ворожеин задумал Рощина извести и обратился к этой девушке:

— Ты мне Рощина с головой выдай.

Она не хотела, да Ворожеин ее настращал. Вот поехал Рощин на Колодливо озеро гулять, а девушка побежала на Ворожейку и говорит:

— Рощин гулять едет.

Ворожеин за Рощиным, солдат собрал, солдаты пришли. Раскинул Рощин кафтан, хотел по воде уйти, не может. Окружили его и убили.

Как убили его,— вдруг кругом все в кустах заплакало, застонало. Из озера огненный столб метнулся, птицы из озера повылетели, звери повыбежали, гром ударил. И все озеро закричало:

— Убит! Убит!

АРХИРЕЙСКИЕ ТЫЩИ

Беглец Криволуцкий был на славе. Он на жителей не нападал, он брал с казны для всего миру.

А в Белоусовском руднике Банщиков был вор. От худой жизни был вор, такая им жизнь была, бергалам: у крестьянина в гумнешке соломки возьмет, свою скотину покормит. Говорили: вор.

С Криволуцким бегал Мосеев. Говорит раз Криволуцкому:

— Вот в Белоусовке вор Банщиков.

— Какой вор: он соломку берет. Разве это вор! Вот мы с тобой сделаем воровство: вся Томская губерния с голодухи пропадает, а мы спасем.

Побегали они. Криволуцкий ночью к руднишному приставу забрался, пистолет наставил, одежду его взял, оделся — будто пристав.

Побежал в село, к становому.

— Собирай народ. Буду деньги раздавать. Которые голодные — тем деньги: казна дала, царь велел.

Народ собирается, он дает. По тридцать рублев, по сорок, по пятьдесят на душу дает.

И в другом селе дает. Народ говорит: это да! А начальство уже смекнуло и давай его преследовать.

Под Змеевым поймали. И давай его судить:

— Ты, Криволуцкий, где деньги взял?

— А в городу, в соборе. Там сорок тысяч было, в

ящике лежали. Сколько людей голодует, а деньги лежат, архирей спит на ящике. Мосеев его за рясу стащил, архирея-то.

Судья судит:

— Куда ты деньги девал?

— Половину народу раздал, а половину себе на разгул оставил.

Засудить его засудили, да кандалы не держали. Потом опять бегал.

Старик у нас был, Бычков Николай Николаич, пять лет, как помер. Мальчишкой он коней пас, так его Криволуцкий взял с собой бегать. Сказывал Николай Николаич:

— Бежал он на одной лошади, я — на другой. Ежели речка саженей пять — он сразу перемахивал. Вот заедем в укромно место, в яр. Криволуцкий говорит:

— Ну, я лягу, ты охраняй.

Как захрапит — под ним земля ходит. Вес в нем был с одной рубахой — семь пудов семнадцать фунтов.

А в Белоусовку погулять ездил. Наши его не выдавали.

С ВОДОЙ УШЕЛ

В воду уходил Криволуцкий. Подадут попить — он и уходил.

Сидел здесь, в волости, начал трубу разбирать (в трубу хотел податься). Отняли.

Хворь на себя напустил, кричит:

— Дайте водицы ковшик!

Подали ковшик. Он в ковшик — мырк! — и уплыл. Он все земли прошел. Один был такой по Алтайскому округу.

Не захочет в каморе сидеть — воду напустит. Все ревут:

— Тонем!

Их вода моет, а он стоит, смеется. И уйдет.

И воду хорошо знал, он на морях плавал.

То сидит в каморе, в окошко чувыркат, чувыркат... Птиц налетит много, заревут, закаркают. Он орет:

— Откройте окошко, от этих птиц тошно!

Откроют — а он с птицами и улетит.

С шестнадцати лет пошел он страдать.

Стал навыкать всяку всячину. Учился, учился и научился.

Он в волости сидел. Я полы мыть ходила туда. Он и говорит:

— Истопи мне баню.

А я:

— Нет, убежишь, пожалуй, с водой-то.

А он пятишку вынимает, дает:

— На! Истопи!

Я ему баню истопила, он с водой и ушел.

О РАСКОЛЕ И РАСКОЛЬНИКАХ

НИКОН

⟨...⟩ Никон предложил царю справить духовная «церковная архила», но тот сначала не решался. И тогда Никон прибег к следующему средству: он приказал мастеру сделать ящик, в который бы вошла «архила церковная», книжная; убрать ее в этот ящик и запереть, а ящик положить в другой — побольше, а тот в третий, еще побольше; за Москвою в поле выкопать яму и этот ящик с «архилою» ухоронить в землю, над ямой поставить свечку с огнем, чтобы горела она по три ночи и чтобы многие народы могли видеть этот свет в темноте ночной.

Устроив это, приходит патриарх к царю Алексею Михайловичу, отворяет дверь на пяту, крест кладет по-писаному, поклон ведет по-ученому, на две, на три, на четыре сторонки покланяется, а царю Алексею Михайловичу в особину и сам объясняет таково слово:

— Позволь мне сказать, государь, слово великое. Видел ли ты в темноте ночной горящий огонь в поле? Разрыто это место вчерашний день,— и найден тут ящик, в нем другой, а в этом третий — и тут положена «архила церковная». В архиле этой пишет и повторяет, что троеперстный крест надо делать, а двуперстной в грех поставлен: скорее надо подписать и наладить троеперстное сложение.

Так склонил патриарх царя к благочестивому нарушению и церковному колебанию.

АВВАКУМ — ПРОПОВЕДНИК ПРАВДЫ

Про Аввакума каждый из нас знает. Да как же про то не знать, ковды он за нашу старую веру больше всех

наших дедов пострадал. Он-то ведь наш брат по крови — сын крестьянский. Отец его, как и наши отцы, хлеборобством занимался, говорят, недалеко от Москвы батька его жил. Отец ему церковну грамоту сызмалетства дал. Когда отец помер, то Аввакум сам дошел до всех книг и писаний. В деревне наш Аввакум вырос, в ней он и духу мужицкого набрался. Дух-то мужицкий крепок, его обухом не перешибешь и колотушкой не выбьешь. Набрался разной грамоты Аввакум и сказал мужикам:

— Вернее нашей старой мужицкой веры нет. Ей наши деды верили, и мы должны почитать ее.

Вот наши деды и блюли ту веру, верой и правдой ее несли, за праведную веру можно хоть что сделать. Царь Алексей бытто бы Михайлович злой был, с нехристями связался, с заморскими ярыжками познался и давай от них разную непотребность на русской земле заводить. Узнал об этом Аввакум и, как верный крестьянский поп, начал против непотребства царя мужикам с амвона говорить. Дескать, кошке смех, а мышкам слезки; царю забава, а мужикам горе. Царю этой давай, другого подай, а где все это мужику взять. Заартачились мужики, не стали царя слушать. Царь о том узнал, вызвал к себе Аввакума и сказал патриарху:

— Ты, мой патриарх, пригрей коло моего двора протопопа Аввакума, корми его со своего стола, облачение давай доброе, он и перестанет народ мутить. А то от него беда большая идет.

Все сполнил проклятущий Никон, токмо Аввакум на своем стоял.

— Ты неугодник божий, Никон, пошто царю на меня хулу кладешь? — заговорил Аввакум.— Деды наши раньше поборов не платили, а теперь откуда их царь выдумал. Наущаешь ты царя против меня, а про то царь знает ли, что пращуры наши в добре жили и ничего царям не платили?

Тут Никон совсем озлобился, и вместе с царем стали рушить старую веру. А опосля раскола все поругание за стару веру на голову Аввакума легло.

ВСТРЕЧА АВВАКУМА С РАЗИНЫМ

Протопоп Аввакум мучеником родился, мучеником и умер. Про его жисть так рассказывали: родители протопопа

умерли, ковда Аввакум только ходить учился, значит, ползунком еще был. Приютил его к себе дьяк бездетный и начал его растить. Видит дьяк, что из парнишки толк выйдет, стал к церковному делу учить. Парнишка видит, что дьяк добрый и ласковый, тоже к нему крепко пристал. Долго ли жил Аввакум у дьяка, неведомо, но только ковда он подрос, то услыхал, что на Москве смута зачалась. Аввакум подался к Москве и там с объявленным атаманом Разиным встретился. Вот Разин и говорит ему:

— Слыхал я про тебя, Аввакум, что ты умный поп есть, горе наше тебе ведомо, пойдем на бояр, товда ты службу мне верную сослужишь.

— То можно,— ответствовал Аввакум,— только я на бояр с крестом пойду, а ты с ружьем.

Стукнулся Разин с Аввакумом по рукам — и пошли на бояр вместе. Как узнал про это Никон, сразу анафеме Аввакума предал, а всю стару веру порушить захотел, чтобы от нее поминок не было. Аввакум анафемы не убоялся, он начал весь народ поднимать, чтобы бояр изничтожить и их патриарха Никона, которые никому житья не давали.

Так всю жисть Аввакум и прожил, все с боярами дрался да за бедных людей страдал.

ПРОКЛЯТИЕ НИКОНУ

В прежнее время старики много о расколе сказок вели. Котора из них более правдива — не знаю. Вот мой отец еще от прадеда такое про раскол рассказывал. При царе Алексее Михайловиче был патриарх нехристь, чтоб ему провалиться в тартарары — три аршина глубины, чтоб ему светлого дня не видать, как свинье неба, звали его Никон. Вот тот нехристь-идол забрал у царя доверие и давай все книги править, обряды изменять. То дико казалось. Всю жизнь наши деды по старым книгам молились и никому от того зла не было, все в полном здравии жили и хлеб-соль ели. Узнал о том самый умный в то время русский поп Аввакум и сказал народу:

— Вся справа старых книг от дьявола идет, сам Никон сатаной на землю послан.

Вот Никон захотел проклясть Аввакума. Созвал он со-

бор и начал проклинать протопопа верного. Прихожан было много. Никто за Никоном не повторял проклятущих слов. Тогда Аввакум подошел к алтарю и давай проклинать Никона. За Аввакумом весь собор повторял. Так и прокляли Никона. С тех пор его анафеме предали. Никон друг был царю. Вот царь и захотел выручить Никона. Собрал царь свою челядь и второй собор устроил. Прокляли там Аввакума и отослали его подальше от царских глаз.

СОЖЖЕНИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

— А вон туда, влеве-то! ⟨...⟩ За леском площадочка есть такая, крест стоит, народ ходит молиться: Аввакумов-де.

А самого его сожгли в Городке, на площади. Сделали сруб такой из дров, протопопа поставили в сруб и троих еще с ним товарищей. А протопоп-то предсказал это раньше, что быть-де мне во огни, и распорядок такой сделал: свои книги роздал. Народ собрался, стал молитвы творить, шапки снял... дрова подожгли — замолчали все: протопоп говорить начал и крест сложил старинный — истинный значит:

— Вот-де будете этим крестом молиться — вовек не погибнете, а оставите его — городок ваш погибнет, песком занесет, а погибнет городок — настанет и свету кончина.

Один тут — как огонь охватил уж их — крикнул, так Аввакум-от наклонился да и сказал ему что-то такое, хорошее же, надо быть; старики, вишь, наши не помнят. Так и сгорели. Стали пепел собирать, чтоб в реку бросить, так только и нашли от одного кости, и, надо быть, того, который крикнул. Старухи видели, что как-де сруб-от рухнул, три голубя, снега белее, взвились оттуда и улетели в небо... душеньки-то это, стало быть, ихние. И на том теперь месте, по летам, песочек такой знать, как стоял сруб, белой-пребелой песочек знать и все год от году больше да больше. Запрежь на этом месте крест стоял, в мезенских скитах делан, и решеточкой, сказывают, был огорожен. Так начальство сожгло решетку, а крест велели за город вынести, вон туда, влево-то...

ОСАДА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ ПРИ АЛЕКСЕЕ МИХАЙЛОВИЧЕ

Соловецкий монастырь при Алексее Михайловиче... Там монахи восстали против новых книг, за царя не молились. Алексей Михайлович послал туда воеводу Мещерского. Они простояли семь лет. Какой-то монах послал стрелу и написал, что в седьмом найдете ход. Они вошли и перекололи всех.

Царь послал гонца: отступить от монастыря, а Мещерский уже взял его.

Царь Алексей Михайлович как узнал, так и разорвался.

ГИБЕЛЬ СТАРОВЕРОВ

Около речки Тёгры и озера Тёгринского есть место, известное и доныне под названием Стайнино, где староверы сами себя лишили жизни. Это было в досельное время, когда преследовали старообрядцев за их религиозные убеждения. Они же, не желая сносить гонений, выкопали глубокий ров, поставили среди него столб, на который навалили жердей, расположив последние от краев рва до столба радиусами. Поперек жердей наклали хвои и на нее набросали земли. Затем они сами залезли в эту яму, подрубили столб и таким образом были заживо погребены обвалившейся землей. Это было зимою.

А так как среди них был трехлетний мальчик Николай Шевелев, которого, с одной стороны, им было жаль губить, а с другой, желательно, очевидно, было дать знать соседям, жившим в Мехреньге, о своей гибели, то они перед самопогребением запрягли лошадь в сани, положили туда перину, а на нее мальчика, обложили сверху подушками, чтобы он не замерз, крепко привязали все это веревками к саням, направили лошадь по дороге и охлестнули ее. Лошадь пришла в деревню и благополучно привезла мальчика, уже полузамерзшего; соседи увидали и отогрели ребенка.

Это событие было так давно, что теперь фамилию Шевелевых имеют чуть ли не сотня домохозяев в местности.

РОДОСЛОВНАЯ РЫЖАКОВЫХ

Первыми из семейских за Байкал попали Феломей и Аристарх Рыжаковы. Они были двумя родными братьями. Их прадед жил когда-то в Москве, занимался торговлей и был знатным человеком. Во время раскола веры прадед Феломея и Аристарха попал в смуту против царя и новшества Никона. Когда всю смуту разбили, прадеда заковали в цепи и сослали в монастырь, а его двух сыновей с матерью сначала отправили на выселок к Архангельску, а потом в Керженец. Там сыновья немного пожили, их кто-то уговорил, и они убежали за Урал, где теперь то место алтайской землей зовется. Пожили они немного, сыновей этих заковали, долго смертным боем били, голодом морили, но от старой веры они не отказались. Там в то время один богатый раскольник оказался, он их и спас от смерти, значит, за большие деньги выкупил.

Поселились братья недалеко от завода, семьями обзавелись и стали поживать. А вера своя старая, от отца которая им перешла, ими не забывалась. Узрели тут уже на Алтае, что они ко всему старому с добром относятся и старые законы чтут, их опять в цепи да хозяину на завод в работники отдали. Богатый раскольник их снова выкупил. Когда он ослобонил, то они с Алтая подались к Тюмени. Тут осели, семьи свои привезли и стали жить.

К тому времени уже братья стариками стали, внуки народились — Феломей и Аристарх. Задумали два правнука купца Рыжакова старую веру в полном порядке блюсти и попались на глаза чиновникам. У чиновников большая власть была, а у Феломея с Аристархом только одни широкие плечи были. Не ровень им бороться-то с богатыми да с начальством. Тут на грех через Тюмень гнали партию колодников. Чиновники пристроили к той колонне Феломея и Аристарха и отправили их длинной дорогой в степи, в тайгу за Байкал.

Остановили их только около Уды, тут их передали с рук на руки другим конвойным и поселили в местах, где одни тарбаганы жили. Потому то место Тарбагатаем зовут. Ну раз поселили тут, значит, жить они стали.

Когда другие семейские сюда пришли, Рыжаковы Куналей основали, и там от них свой род пошел. Значит, предками-то нонешних Рыжаковых были Феломей и Аристарх. Мой отец шибко хорошо знал, откуда его род идет. А вот нонешнее поколение все по книгам свой род хочет

найти, да только не находит. Про это у стариков надо спрашивать.

РОДОСЛОВНАЯ ЧЕБУНИНЫХ

Раскол веры был лет триста тому назад при злодее Никоне. Этот антихрист взял да и поправил все старые божественные книги. А как наши предки издревле привышны были к старым книгам, то новая вера по исправным книгам не по душе им пришлась. Вот и пошла карусель, весь народ русский на две части разбился. Одни за Никоном пошли, по-новому молиться стали, а те, кто старой вере верным остался, тех и к расколу причислили, и началось их мытарство по белому свету.

Верных людей к старой вере старообрядцами прозвали, Никон и царь давай их канать, чтобы они новую веру приняли. А деды ни в какую на то согласия не давали, они готовы были умереть за старый обряд, пойти на каторгу, но в руки Никона не давались. Видят царь Алексей Михайлович и Никон, что со старообрядцами ничего сделать нельзя, и начали их канать и мытарить. Кто в лес в скиты перешел, кого в глухие места загнали, а нашего верного протопопа Аввакума вместе с ребятами и с бабой в Сибирь отправил под надзор к казакам.

В то время за нашу праведную веру пострадал наш пращур, Федор Чебунин. Сначала он от Никона на Волгу убежал, потом в Польше побывал, там немного пожил и умер. Осталось от него в польской земле пять сыновей: Мефодий, Амплей, Вавила, Ефим и Ферапонт. Эти сыновья Федора в Польше поженились, и там целая деревня Чебуниных потом появилась. В Польше наши пращуры много лет жили, пока русская царица Катерина Вторая на престол не взошла. Баба она была хитрая, кого хочешь обманет, и порешила изначала польский кусок земли себе взять, а на этой земле наши старообрядцы жили. Когда Катерина все это сделала, то давай всех Чебуниных переселять в Сибирь, мол, там вам жизнь куда лучше будет, чем в Польше.

С царицей да с царем раньше какой спор мог быть, хочешь не хочешь, а давай наши переселяться за Байкал. От пращура Федора Чебунина в наш край пришло семей пять. Все они остановились в Тарбагатае, стали жить кучно, потому что с другими семейскими им жить нельзя было, те

были поповцы, а наши Чебунины — беспоповцы, а в Шаралдае поселились темноверцы. Вот так за двести лет тут, в Тарбагатае, Чебуниных расплодилось несколько сот семей. Все они идут от пращура Федора Чебунина, который за праведную веру пострадал.

РАСКОЛЬНИКИ ПРИ ПЕТРЕ ПЕРВОМ

Прослыша о проходе чрез их места Петра, выгорецкие раскольники выслали на выгорецкий ям своих старшин с хлебом-солью.

Зная, что они будут являться тому, кого они считали антихристом, кто был для них зверем апокалипсиса и чей титул представлял собой апокалипсическое число звериное, старшины выгорецкие порядком струсили. Они ждали увидеть грозного судью своего отщепенства и знали наперед, что Петру наговорили про них невесть что.

— Что за люди? — спросил царь.

— Это раскольники,— поторопился объяснить какой-то боярин, а может быть, и генерал,— властей не признают духовных, за здравие вашего царского величества не молятся.

— Ну, а подати платят исправно? — справился прежде всего практический Петр.

— Народ трудолюбивый,— не мог не сказать правды тот же ближний человек,— и недоимки за ними никогда не бывает.

— Живите же, братцы, на доброе здоровье. О царе Петре, пожалуй, хоть не молитесь, а раба божия Петра во святых молитвах иногда поминайте — тут греха нет.

ПЕТР И ЗЛЫДНИ

⟨...⟩ Когда Петр возвращался к себе после Полтавской битвы, то ему пришлось проезжать и через этот раскольничий скит. Лето шло к концу, и на дворе стояла невыносимая жара. Петр Первый вышел из своей кибитки, чтобы напиться воды и поговорить с жителями, но нигде не нашел людей. Заливались лаем в конурах цепные псы, да безмолвно смотрели на царя ветхие полуслепые старухи.

Все раскольники, боясь преследований царя, бежали в лес.

Петр Первый походил по пустым дворам, осерчал не на шутку и молвил:

— Здесь одни злыдни живут.

Так и закрепилось впоследствии это слово за селом.

Еще говорят, что сами жители — раскольники, требуя от Петра грамоту на торговлю, жаловались ему:

— Посмотри, батюшка, на какой скудной земле живем мы. Не земля, а злыдни.

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯХ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ЮРИК-НОВОСЕЛ

В старину князьки местами жили. Кто где расширился и овладел местом, тут и жил. И приехал Юрик-новосел из северной стороны, из дальней украины, и распоселился жить в Ладоге. Но тут ему место не по люби, и приезжает он в Новгород Великий, и не с голыми рукама, и в союз вступает. И живет он день ко дню, и неделя ко неделе, и год ко году — и залюбили его новгородцы, что человек он веселого нраву и хорошего разуму и повышает себя житьем-богатством, а тут и побаиваться стали. Вот зазвонили на суём — в колокол — и выступает этот Юрик-новосел:

— Что,— говорит,— честное обчество, возьмите меня в совет к себе, и будь я над вами как домовой хозяин. Только можете ли вы за наряд платить мне половину белочьего хвоста?

Сметили и погадали граждане новгородцы и сказали:

— Можем, и платить будем половину белочьего хвоста.

И мало-помалу уплатили они, и им не в обиду это. Вот опять зазвенел колокол, и на сходе собрались, и говорит Юрик:

— А что, честное обчество новгородцы, можете ли вы платить мне и весь белочий хвост?

Подумали-погадали и опять сказали: «Можем» — и платить стали.

Прошло немного, опять в совет собрались:

— А что, честное обчество, можете ли половину белочьей шкуры платить?

И ответ держат: «Можем».

Еще немного прошло — и в совете опять спрашивает Юрик:

— А что, честное обчество, можете ли вы платить мне и всю белочью шкуру?

Порешили платить и всю белочью шкуру, и платили долго. Видит Юрик, что платят, собрал всех на сходку и говорит:

— За белочью шкуру хочу я наложить на вас малые деньги, можете ли вы поднять мне?

И малые деньги они подняли — и поныне помнят этого домового хозяина и в Северной украине, и в Олонецком крае, и в Новгороде. И после этого Юрика пуще и пуще повышали дань с алтына на четвертину, а с четвертины на полтину, а с полтины на рубль, и так до Петра Первого, а после Петра платили и с живой души, и с мертвой, и рубль, и два, и три, и четыре, и пять.

МАРФА ПОСАДНИЦА

Марфа Посадница славна была пирами да пирогами; хлеб-соль на столе, вино и брага на подносе; пей, ешь, веселися, только ее слушайся, а бога она не знала, а святые ей нипочем. Во великую Софию ходила, а гордую поступь держала и выше всех себя почитала. Соловецкая Сума под рукой ее была, и держала она крестьян у себя и правила ими, как своей рукавицей.

Жил на этой Суме угодник божий Изосима, но людно ему было. Переехал он на Соловецкий остров — и вот первое было чудо. Стал он там проситься у ловцов честно и хорошо:

— Рыболовы, дайте мне сей остров на житье.

Рыбари не соглашаются:

— Не можем дать,— говорят,— нам место это пристойно для рыбной ловли.

Бога просит неотступно Изосима, и вот бог глас гласит с неба слугам своим, по его молению: накажите вы жены этих рыболовов — и сдадут рыбное место Изосиму. И били два мужа светлообразны до кровавых ран эты жены. И рыбари согласились сдать место Изосиму. И начал он тут житье расширять. ⟨...⟩

И вот сей святой старец ⟨...⟩ приходит к Марфе Посаднице в Новгород. Бояра и князи собраны у ней по ея хотению. Марфа Посадница елико обрадовалась гостю с подсеверной стороны:

— Откуда,— говорит,— мне счастье великое? Кто послал тебя, богобоязненный старец? Откуда,— говорит,— дал господь ангела хлеба покушать?

Старец Изосима поясняет и благословляет ю в своем доме:

— Бог тебя благословит, божья на тебе благодать да будет.

Марфа Посадница зовет его на обед:

— Пища у меня на столе набраная, и князи, и бояре вкупе собраны, благослови, отче, пищу есть и пить.

И благословил Изосима Соловецкий пищу есть и пить. Сидят на пиру все князья и бояра, едят они — наедаются, пьют они — напиваются, разговорами забавляются. Сидит Изосима, притаился в переднем углу; он поднял голову свою честную, воззрел он оком ясным на этих гостей напитущих: все-то они без голов сидят, не вином-то они напиваются,— они кровью все обливаются.

Воскорбел старец и от туги прослезился: жаль ему стало князей и бояр, жаль ему стало великого Новгорода.

Отобедали и начали благодарить Марфу Посадницу за благо ее — за добро.

Тут подходит к ней старец Изосима и умильно ей возговорит:

— Ай же ты, раба божья, Марфа Посадница, благослови ты мне Соловецкую Суму к Соловецкому острову на странных прибежище, убогих пропитанье и братии на спасенье.

Тут ответ держала Марфа Посадница:

— Не могу дать Сумы Соловецкой, и Сума мне самой надоб.

И жаль ей стало Сумы Соловецкой, не рада была она великому гостю и поскупилась ⟨...⟩.

И видит Изосима, что кривда сидит в Новгороде, а правда в небо взята. И скажет он последнее слово:

— От моего здесь бытования сей дом Марфы Посадницы будь пуст и в жилище этом живой человек не живи.

Так и стало по слову его.

ВОЦАРЕНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Прежде ка́к на Руси царей выбирали: умрет царь — сейчас весь народ на реку идет и свечи в руках держит. Опустят эти свечи в воду, потом вынут, у кого загорится — тот и царь.

У одного барина был крепостной человек — Иван. Подходит время царя выбирать, барин и говорит ему:

— Иван, пойдем на реку. Когда я царем стану, так тебе вольную дам, куда хочешь, туда и иди!

А Иван ему на это:

— Коли я, барин, в цари угожу, так тебе беспременно голову срублю!

Пошли через реку, опустили свечи — у Ивана свеча и загорись. Стал Иван царем, вспомнил свое обещанье: барину голову срубил. Вот с той поры за это его Грозным и прозвали.

СОРОКИ-ВЕДЬМЫ

Когда царем в Москве был Иван Васильевич Грозный, то на Русской земле расплодилось всякой нечисти и безбожия многое множество. Долго горевал благочестивый царь о погибели народа христианского и задумал наконец извести нечистых людей на этом свете, чтобы меньше было зла, уничтожить колдуний и ведьм. Разослал он гонцов по царству с грамотами, чтобы не таили православные и высылали спешно к Москве, где есть ведьмы и переметчицы. По этому царскому наказу навезли со всех сторон старых баб и рассадили их по крепостям, с строгим караулом, чтобы не ушли. Тогда царь отдал приказ, чтобы всех привели на площадь. Собрались они в большом числе, стали в кучку, друг на дружку переглядываются и улыбаются. Вышел сам царь на площадь и велел обложить всех ведьм соломой. Когда навезли соломы и обложили кругом, он приказал запалить со всех сторон, чтобы уничтожить всякое колдовство на Руси, на своих глазах.

Охватило полымя ведьм — и они подняли визг, крик и мяуканье. Поднялся густой черный столб дыма, и полетели из него сороки, одна за другою — видимо-невидимо... Значит, все ведьмы-переметчицы обернулись в сорок и улетели и обманули царя в глаза.

Разгневался тогда Грозный-царь и послал им вслед проклятие:

— Чтобы вам,— говорит,— отныне и довеку оставаться сороками!

Так все они и теперь летают сороками, питаются мясом и сырыми яйцами. До сих пор боятся они царского проклятия пуще острого ножа. Поэтому ни одна сорока никогда не долетает до Москвы ближе шестидесяти верст в округе.

НАКАЗАНИЕ ВОЛГИ

Стала одолевать неверная сила народ христианский, и собрался войной на врагов сам царь Иван Грозный. Повел он за собой рать-силу большую. Надо было переправлять ополчение за реку Волгу. Сперва переехал на тот берег царь с вельможами и стал поджидать переправы воинства. Посажались солдаты на струги и лодки и отхлынули от берега. Вдруг Волга начала бурлить, и пошли по ней валы за валами страшные — лодки мечутся из стороны в сторону, летают, как пух...

Видит Грозный-царь с берега, того и гляди, что перетопит все его воинство,— и крикнул он громким голосом:

— Не дури, река, присмирей, а то худо будет!

Не унималась Волга и заволновалась пуще прежнего.

— Палача сюда подать! — крикнул царь.— Вот я тебя проучу.

Пришел палач, мужчина здоровенный,— и велел ему царь сечь реку кнутом, чтобы она не бунтовала против царской рати. Взял кнут палач, засучил рукава красной рубахи, разбежался да как свистнет по Волге — вдруг кровь из воды на аршин вверх брызнула и лег на воде кровяной рубец в палец толщиной. Потише пошли волны на реке, а царь кричит:

— Не жалей, валяй крепче!

Разбежался палач дальше прежнего и хватил сильнее — кровь брызнула еще выше и рубец лег толще. Волга утишилась больше прежнего. После третьего удара, который палач отвесил изо всей мочи, кровь махнула на три аршина и рубец оказался пальца на три толщины — совсем присмирела тогда Волга.

— Довольно,— сказал Грозный-царь,— вот как вас надо проучивать!

После того благополучно переправилось через реку все войско, и ни один солдатик не утонул, хотя много приняли страху. И теперь, говорят, на том месте, где была переправа, видают на Волге три кровяных рубца, особливо летним вечером, если взглянешь против солнца, когда оно закатывается за горы.

4 Заказ 185

БЫЧЬЯ ШКУРА

Неприступной твердынью татарского царства считалась Казань. Она находилась по соседству с русским государством и вызывала у русских царей тревогу. Но вот стал царем Руси Иван Грозный. Задумал он взять Казань с самых ближних к ней подступов и пошел на хитрость. Стал торговаться с татарским ханом из-за клочка земли на реке Свияге. Наконец выторговал у него этот клочок земли «с бычью шкуру» под самой Казанью. Тут же велел зарезать самого крупного быка. Из шкуры его сделал ремни и охватил ими такую большую площадь, на которой уместилось все войско,— ведь это была уже теперь земля русского государства. Ее окружили стеной и назвали крепостью Свияжской. Отсюда Иван Грозный двинул войско на Казань и сразу взял ее.

РАСПРАВА С БОЯРАМИ

Когда на Москве был царем Иван Грозный, он хотел делать все дела по закону христианскому, а бояре гнули все по-своему, перечили ему и лгали. И стала народу тягота великая, и начал он клясть царя за неправды боярские, а царь совсем и не знал о всех их утеснениях. Насмелились тогда разные ходоки, пришли в Москву и рассказали царю, как ослушаются его князи-бояре, как разоряют людей православных, а сами грабят казну многую и похваляются самого царя известь. Разозлился тогда царь на бояр и велел виноватых казнить и вешать. Тогда бояре совсем перестали его слушаться и начали его ссылать из царства вон неволею. Как ни грозен был царь, а убоялся бояр и выехал с горем из дворца своего, попрощался с народом и отправился куда глаза глядят. Все его покинули, только один любимый его боярин поехал с ним вместе. Долго ли, коротко ли ехали они по лесу — и истосковался царь по своему царству, и молвил своему боярину:

— Вот бог избрал меня на Московское царство, а я стал хуже последнего раба. Нигде нет мне пристанища, никто меня не пожалеет, и куска хлеба взять негде.

Только смотрят на лес, а березка кудрявая стоит впереди них и кланяется царю. Поклонилась низко раз, другой и третий...

Не утерпел тогда царь, заплакал и сказал своему боярину, указывая на березку:

— Смотри, вот бесчувственная тварь и та мне поклоняется как царю, от бога поставленному, а бояре считают себя разумными — и не хотят знать моей власти... Стой! Поедем назад. Проучу же я их и заставлю мне повиноваться.

И велел царь той березке повесить золотую медаль на сук за ее почтение. А когда вернулся в Москву, то перекрушил бояр, словно мух.

ПРИЕХАЛ ЦАРЬ ГРОЗНЫЙ В НОВГОРОД...

Еще за наших дедов, еще Питер был не под нашим владением, был царь Грозный, Иван Васильевич. Приехал царь Грозный в Новгород, пошел к Софии к обедне. Стоит Иван-царь, богу молится; только глядит — за иконой бумага видится. Он взял ту бумагу — и распалился гневом! А ту бумагу положили по насердкам духовники, а какая та была бумага, никто не знает. Как распалился Грозный-царь — и велел народ рыть в Волхов. Царь Иван стал на башню, что на берегу налево, как от сада идешь на ту сторону. Стал Грозный на башню, стали народ в Волхов рыть: возьмут двух, сложат спина с спиной, руки свяжут да так в воду и бросят. Как в воду, так и на дно. Нарыли народу на двенадцать верст. Там народ остановился, нейдет дальше, нельзя Грозному народу больше рыть! Послал он посмотреть за двенадцать верст вершников — отчего мертвый народ вниз нейдет. Прибежали вершники назад, говорят царю:

— Мертвый народ стеной стал.

— Как тому быть? — закричал царь.— Давай коня!

Подали царю коня. Царь сел на́ конь и поскакал за двенадцать верст. Смотрит — мертвый народ стоит стеной, дальше нейдет.

В то самое времечко стало царя огнем палить: стал огонь из земли кругом Грозного выступать. Поскакал царь Иван Васильевич прочь — огонь за ним. Он скачет дальше — огонь все кругом! ⟨...⟩

С тех пор Волхов и не мерзнет на том месте, где Грозный-царь народ рыл: со дна Волхова тот народ пышет... А где народ становился за двенадцать верст, там Хутынский монастырь царь поставил.

КАЗНЬ КОЛОКОЛА

Услышал Грозный-царь во своем царении в Москве, что в Великом Новгороде бунт. И поехал он с каменной Москвы великой, и ехал путем-дорогой все больше верхом. Говорится скоро, деется тихо. Въехал он на Волховский мост. Ударили в колокол у святой Софии — и пал конь его на колени от колокольного звону. И тут Грозный-царь воспроговорил коню своему:

— Ай же ты мой конь, пеловой мешок (мякина), волчья ты сыть. Не можешь ты царя держать — Грозного-царя Ивана Васильевича.

Доехал он до Софийского храма, и в гневе велел он отрубить снасти у этого колокола, и чтобы пал на земь, и казнить его уши.

— Не могут,— говорит,— скоты звону его слышать.

И казнили этот колокол в Новгороде — нонь этот колокол перелитой.

ЦАРЬ ГРОЗНЫЙ И АРХИМАНДРИТ КОРНИЛИЙ

Другой раз Грозный-царь был здесь, в Опскове, когда он был ехамши под Ригу воевать. Под Ригу он ехал, на Изборск, на Печоры. На то время в Печорах архимандритом был преподобный Корнилий. Был Грозный приехамши в Печоры. Стречал его с крестом-иконами Корнилий преподобный. Благословил его Корнилий да и говорит:

— Позволь мне, царь, вокруг монастыря ограду сделать.

— Да велику ли ограду ты, преподобный Корнилий, сделаешь? Маленькую делай, а большой не позволю.

— Да я маленькую,— говорит Корнилий преподобный,— я маленькую: коль много захватит воловья кожа, такую и поставлю.

— Ну, такую ставь! — сказал, засмеявшись, царь.

Царь воевал под Ригою ровно семь годов, а Корнилий преподобный тем временем поставил не ограду, а крепость. Да и царское приказание выполнил: поставил ограду на воловью кожу, он разрезал её на тоненькие-тоненькие ремешки да и охватил большое место, а кругом то место и огородил стеной, с башнями,— как есть крепость.

Воевал Грозный-царь Иван Васильевич Ригу семь лет и

поехал назад. Проехал он Новый Городок, не доехал Грозный двенадцать верст до Печор, увидал с Мериной горы: крепость стоит.

— Какая такая крепость! — закричал царь. Распалился гневом и поскакал на Корнилиеву крепость. Преподобный Корнилий вышел опять встречать царя, как царский чин велит: с крестом, иконами, с колокольным звоном. Подскакал царь к Корнилию преподобному.

— Крепость выстроил! — закричал царь.— На меня пойдешь!

Хвать саблей — и отрубил Корнилию преподобному голову. Корнилий взял свою голову в руки да и держит перед собой. Царь от него прочь, а Корнилий преподобный за ним, а в руках все держит голову. Царь дальше, а Корнилий преподобный все за ним да за ним... 〈...〉 так царь ускакал из Корнилиевой крепости в чем был, все оставил: коляску, седло, ложки... кошелек с деньгами забыл. Так испугамшись был... После того под Опсков и не ездил.

ВОЦАРЕНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА

Собрались все российские бояра в каменной Москве и советуют о том, как будем царя выбирать. И удумали бояра выбирать его таким положением: есть у Троицы у Сергия над воротами Спаситель и перед ним лампада; будем все проезжать чрез эти ворота, и от кого загорится свеча пред лампадой, тому и быть царем на Москве над всей землей. Так и утвердили это слово. По первый день с самых высоких рук пущать людей в ворота, по другой — середнего сорту людей, а по третий и самого низкого звания. Пред кем загорится лампада против Спасителя, тому и царить на Москве.

И вот назначен день для вышних людей ехать к Троице: едет один барин с кучером своим Борисом.

— Если я,— говорит,— буду царем, тебя сделаю правою рукою — первеющим человеком, а ты, Борис, если будешь царем, куда ты меня положишь?

— Что попусту калякать,— отвечал ему конюх Борис,— буду царем, так и скажу...

Въехали они в ворота в святую обитель к Троице — и загорелась от них свеча на лампаде — сама, без огня. Увидели вышние люди и закричали:

— Господие, бог нам царя дал!

Но раздробили, кому из двух царем быть... И решили, что по единому пущать надо. На другой день пускали людей середнего сорта, а по третий и самого низкого сорта. Как зашел конюх Борис в святые ворота, глаза перекрестил по рамам — и загорелась свеча на лампаде. Все закричали:

— Господие, дал нам бог царя из самого низкого сорта людей!

Стали все разъезжаться по своим местам. Приехал Борис-царь в каменну Москву и велел срубить голову тому бояриду, у которого служил он в конюхах.

ЦАРИЦА МАРФА ИВАНОВНА

Эта царица сослана была на Выг-озеро, в пределы Беломорские, в Челмужу, в Георгиевский погост. 〈...〉 Для житья ее велено было устроить бочку трехпокойную, чтобы в одном конце держать овес, а в другом — вода, а в середине — покой для самой царицы.

А в этом Челмужском погосте был поп Ермолай — и сделал он турик с двумя днами; поверх наливал в него молоко, а в средине между днами передавал письма и гостинцы, посланные из Москвы.

Тын и остатки ее жилья видны были до последнего времени. Поп Ермолай с восшествием на престол Михаила Федоровича вызван был в Москву и определен к одному из московских соборов, а роду его дана обельная грамота, которая и поныне цела, и в этой грамоте пишется о радении попа Ермолая.

НА ОВЕС И ВОДУ, ИЛИ ДЬЯК ТРЕТЬЯК

〈...〉 Их деды (Ключарёвых) тут лесом торговали. Их наградили полями, лесами.

А вот наша деревня — это там Верховье,— дак там ничего не было дано им, а просто всё эти бояра властвовали...

Сослали Марфу-царицу на воду да овес, а у дьяка Третьяка было сделано двудонное ведро. Значит, вниз он положит продукты там хорошие, а наверх насыпет овса, а в другом ведерочке несет ей воду, как будто ю кормили

овсом да водой. А продукты-то внизу. Такое деревянное ведро было сделано. Ну, в общем, он ухаживал за ней, дьяк Третьяк (дьяк Третьяк называли его). Кто он был такой, дьякон ли он был или кто он такой,— не знаю уж об этом сама ⟨...⟩.

ОБЕЛЬЩИНА

В Обонежскую пятину, в Егорьевский погост, сослана была инока Марфа Ивановна: «Овсянкой кормить, водой поить». Когда сын ее, царь, проведал об ней, то достал ее в свою местность, а потом потребовал с Егорьевского погоста к себе на лицо кормителей и поителей.

По день и по другой были собраны сходки, но никто не смел объявить о себе, и не смели идти к царю: опасались, что будут казнить; или повесят на виселицу, или отрубят голову; думали, что будет худо, а не знали, что сделается добро. Только самые отчаянные вызвались на сходе идти к царю, порешивши, что чему быть, то будет, что двух смертей не будет, а одной не миновать.

Когда явились они в Москву, Марфа Ивановна встретила их с радостью такими словами:

— Здравствуйте, приятели мои, любители, кормители! Что вам угодно? Деньги ли, али одежа, али житье светло? ⟨...⟩

Они ответили:

— Милосердная государыня, дай нам сроку на три дня подумать.

Она дала им сроку подумать на три дня.

И вот они ходят по городу, день, другой и третий. Видит один купец-старичок их, ходящих по городу, и говорит:

— Ну, что вы, старички, ходите по городу третий день; ничего не купите и не продаете?

Они рассказали ему, в чем дело. Купец им дал такой совет:

— Ну, старички, если деньги возьмете — деньги пройдут, одежу возьмете — одежа сносится; а возьмите, я советую, светлое житье: чтобы никаких повинностей с вас не спрашивали, ни податей, ни дорог и прочее — из роду в род свой.

Старички сделали по совету купца: спросили себе светлое житье, и Марфа Ивановна выдала им грамоту.

МАРФА РОМАНОВА И КЛЮЧАРЕВСКИЙ РОД

⟨...⟩ Наше село старинное. Лет десять когда мне было, в то время праздновали трехсотлетие царствования дома Романовых. С Повенца на пароходе привезли такую икону Николая-чудотворца, да всё; одним словом, эдак торжественно провожали трехсотлетие.

Прежде было: царь Годунов праздновал (он, кажется, зять еще государя был, этот Борис Годунов), было Смутное время тогда на Руси. Ну и вот бояра видят, что тут Борис Годунов худо царствует, да всё да, Смутное время все такое было, ну вот и решили выбрать своего царя, своего местного царя. Ну и, так сказать, пожелали выбрать из родовитого боярского племени. И вот в то время был знаменитый, значит, Филарет, митрополит Филарет был. У него был сын Михаил, шестнадцатилетний. И вот бояра решили выбрать этого Михаила царем.

А этот, Борис-то Годунов, как узнал, что Михаила Федоровича выбирают царем, он взял сослал его в Псковскую губернию, в ссылку сослал. Отца, Филарета, в Девичий монастырь сослал. А мать ихну (Марфа Посадница называлась) сослал сюда: за Онегом — вот Толвуя, Шуньга, Кузаранда — эта земля называлась Заонежская пятина. И вот в эту Заонежскую пятину он, так сказать, сослал мать Михаила Федоровича. Ну, она (как Чёлмужи — это ближайшее село) приезжала сюда, в Чёлмужу.

А здесь была церковь, вот и сейчас существует, Петра и Павла церковь, вот уже четыреста лет теперь скоро будет этой церкви. При ней был ключарь такой (не знаю, уж староста ли он был ли церковный или кто такой, но ключарь был). Он заведовал этой церквью. Дак он приглашал эту мать Михаила Федоровича Романова, кормил сигами (здесь рыбы много ловилось), кормил ю.

Прадедом-то этим всем боярам Ключаревым (что вот в той деревне Ключаревы-то есть) вот этот самый ключарь-то и оказался: им Ключаревы фамилия, сейчас восемь хозяйств их осталось, а тогда один был.

А церковь вот эта, что сейчас существует,— Петра и Павла, в то время существовала тая церковь...

Ну, ладно. Потом, значит, когда уже Михаила Федоровича бояра-то выбрали царем и мать отсюда доставили в Москву, и как раз мать-то в награду за то, что этот ключарь ее кормил, оберегал — всё, за это она ему дала

вотчину. Вотчину — вот это крестьян нашей деревни Кручихи, Верховья, значит,— дала этому ключарю в награду. И он стал уже бояриным.

С тех пор вот эта Боярщина-то и существует. Слово «боярщина» — это такое название, а настоящее им — деревня Исаковская. А боярам,— как бояра,— дак Боярщина и есть.

И наградила этого ключаря этой вотчиной-то. И вот наши крестьяна до периода, когда царь Александр Второй освободил этих крестьян от помещиков,— в тот момент и наши крестьяна освободились от бояр ⟨...⟩.

Боярам была дана обширная дача лесная, потом земли, покосы — все ихно было, все было ихно. Крестьяна у них работали в батраках; у них, у бояр, работали эти крестьяна.

Ну, одним словом, тот-то, не знаю, как жил этот ключарь, а потомство-то было, значит, такое, что они как бояра да жили на крестьянской шее, да тут жили да всё да, конечно, вели себя тоже уже как хозяева, так сказать; ну, очень заносились этым своим положением.

Ну, рассказывают старушки вот это наши, прабабушка рассказывала, что как утро:

— Эй, на работу!..

И шли на работу к им в то время.

Ну вот, и с тех пор, так сказать, вот эта Боярщина оказалась. Они оказались бояра, а наши вот прадеды оказались у помещиков подчиненныма ⟨...⟩.

А вот я говорю, как в кучке накладут эти деньги, как бояра получат за дачу, за лесную дачу получат деньги, дак по кучкам раскладут, какому боярину сколько, да потом гребут к себе в шапку деньги-то со стола ⟨...⟩.

ЦАРЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ И АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Когда царил на Москве государь царь Михаил Федорович, понеслась его супруга благоверная и родила наследника престолу царскому. Посылают гонца от женской палаты поведать царю, что родила царица наследника престолу царскому. Приходит гонец в царскую палату, крест кладет по-писаному, поклон ведет по-ученому, на две, на три, на четыре на сторонки поклоняется, а царю великому в особину. Сам говорит таково слово:

— Михайло-царь Московский, великий государь, родила царица тебе наследника царскому престолу.

Царь ответу не давае. Второй раз проглаголал гонец:

— Царю! Царица родила наследника царскому престолу.

Третий раз глаголет гонец:

— Царю! Родила царица сына — наследника царскому престолу!

Глаголет царь Михаил Федорович в ответ таково слово:

— Ай же, гонец, не царскому престолу явился наследник: родилась душам пагуба.

Ростит Михайло-царь наследника до совершенных лет. Пристарел он, государь, в каменной Москве — у царского престола и начал писать рукописание, дописал до такого-то году и месяца, до такого числа и часу: в таком-то секунде явится человек трехглавый — отрубить ему голову ⟨...⟩.

Однажды среди темной ночи взял государь-царь рукописание отца своего царя Михаила Федоровича — в свои руки царские: сидит он на царском троне, с скипетром и в жезлах царских и читает родительское рукописание и недоумевает, что будет в таком-то часу и в таком-то секунде; услезился он, утер слезы на своем лице белом и не знает, что делать. И сказано у родителя в рукописании: «Оденься в одежду и в шлем, стань к воротам, подойди ближе к дверям, обнажи саблю из ножней, и явится тебе змей трехглавый — отрубить ему голова».

Встал государь-царь Алексей Михайлович с ложи царской, облачился в одежду, вынал саблю из ножней и стал к дверям хрустальным: «Господи, повеждь, что написано у родителя моего, не могу в голову взять».

Как приходит тот секунд, государь-царь поднял саблю и хочет тому, кто отворит дверь, отрубить голову. Вдруг отворяет ворота — на пяту патриарх Никон. Государь обрадовался и не знает, что делать. Тут забыл он и родительское завещание и стал слушать Никона.

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯХ РОССИИ

ПЕТР И ПЛОТНИК

Царь приезжал в Воронеж корабли строить, за то ему и памятник в Воронеже поставлен. Сказывали, что он иногда вроде как рабочим был: сам рубил и пилил.

Созвали в Воронеже лучших плотников и всех к работе приставили. И был среди них лучший из лучших мастер. Вот начали работать, работает с ними и Петр. А мастеру и невдомек, что с ним работает сам царь, думал: какой-нибудь новичок из приезжих. Посмотрел он, как Петр плотничает, и выругал его крепким словом: то не так, другое не эдак. Стал ему показывать, и Петр быстро все перенял. А когда стали шабашить, он и говорит мастеру:

— Хоть ты меня и крепко ругал, но я зла на тебя не имею, спасибо за науку.

Снял со своей руки кольцо и отдал мастеру.

— Носи,— говорит,— да вспоминай, что науку царю преподал.

ЦАРЬ ПЕТР И СОЛДАТ

Был царь Петр в Воронеже, и захотелось ему на охоту сходить. На охоте он приотстал. Идет по лесу, дорогу ищет, а навстречу ему солдат.

— Откуда, служивый? — спрашивает Петр.

— Да вот, батюшка, на побывку ходил. А ты кто будешь?

— Да я дальний,— говорит Петр,— вот заблудился, помоги выбраться на дорогу.

Ладно. Идут они вместе, а Петр и пытает солдата, как ему живется, доволен ли службой.

— Служить,— говорит солдат,— согласны; трудновато, да обтерпится, одно плохо: начальники — скоты и уж дюже

круты, о солдатские спины палки ломают, зубы вышибают, а сам знаешь — солдат в неволе, что хлеб без соли, ешь, но не в охотку.

— А вы,— говорит Петр,— царю бы жаловались.

— До царя-то,— отвечает солдат,— далеко. Вот десять лет служу, а царя так и не видел.

— Хорошо,— говорит ему Петр,— исполнится твое желание.

Спросил он у него полк и как зовут его, все записал. Приходит солдат к себе в казарму, а его требуют к царю.

— Ну,— думает солдат,— пропала моя голова.

Привезли солдата и велели ему в сенях подождать, а потом и в горницу позвали. Входит солдат, а перед ним сам царь стоит, а с лица точь-в-точь как тот человек, что в лесу повстречал.

— Вот,— говорит ему Петр,— ты и царя увидел. Правду ты мне сказал. Проверил я — большие у вас непорядки.

Наградил Петр солдата и отпустил.

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ВЫТЕГОРЫ

Ну вот, Петр 〈...〉 отдыхал в трех километрах от Вытегры, значит; деревня Шестова там была.

Вероятно, умотали Петра и его свиту наши болота, наши леса — и Петр заснул, заснула его свита.

В это время у императора пропал камзол. Проснулся — он очень разгневался, как это так: украли камзол! Послал «искать, искать камзол!..».

Ну, пустились в розыски. Но наши северные деревни ведь очень небольшие. А в те времена, конечно, это было три-четыре дома, может быть,— и вся деревушка маленькая, северная, так что найти было это все легко.

Ну, и быстро нашли — воров нашли и камзол. Привели к императору, бросили к его ногам, значит, воров.

— Что же,— говорит,— вы украли камзол? Казнить вас надо.

Ну, один наиболее смекалистый такой мужичок выступил вперед:

— Великий государь, вели слово молвить.

— Ну, говори.

— Вот, мы украли у тебя камзол, хотели себе шапки

сшить, нашим детям, нашим внукам, нашим правнукам, чтобы о тебе вечно помнить, что ты здесь был.

Видно, что от чисто русской такой смекалки этот ответ. Вот именно Петру понравился такой ответ:

— Ладно,— говорит,— я камзол вам подарю. Но с этого время вы будете носить кличку-фамилию «камзольники».

Между прочим, знаете (вот это уже точно), я эту кличку сам испытал. В молодости-то приходилось ездить: вот со знакомыми там, значит, встретишься:

— Ты откуда?

— Да вот с Вытегры еду, в Вытегре и живу, живу, значит.

— Камзольник! (Понимаете?)

Ну, а сейчас этого, конечно, нет, такой клички уже нет, пропала она.

Ну, император Петр даже этим не ограничился. А он, значит, сказал, что все проживающие, вновь здесь семьи создающиеся будут носить фамилию Обрядины: «обрядить» — значит «спрятать», «обрядили» — «спрятали» камзол...

— Ну вот, пусть здесь все Обрядины и будут!..

Там в деревне все Обрядины живут. Ну, а теперь всех этих деревён нет, и Обрядиных уж теперь один-два, и обчелся, порассеялись все по нашему русскому государству, по Советскому, разъехались...

Правда ли, не правда ли, кто его знает...

ЧУДО-ЦЕРКОВЬ

Через наши места проходил путь на Архангельск. И Петр ехал на Архангельск. И вот квартирмейстер, офицер его, как водится, был сначала послан: видно, Петру остановиться надо было здесь.

Был он послан, чтобы подыскать ему квартиру для императора и потом — придворных его, сопровождающих, и затем — для лошадей: обоз-то большой шел!..

И как будто этот офицер посмотрел: видит дом двухэтажный, купеческий дом; значит, купеческий, раз двухэтажный. Ну, он решил, что этот дом надо будет занять.

А в это время купца не было дома, а был его сын. И сын немножко невменяем был, понимаете.

Ну, вот офицер обратился к этому сыну, говорит:

— Ну, давайте освобождаете дом: царь едет, надо раз-

мещать, император; и размещайте надворные постройки, лошадей нам надо поместить.

Ну, и сын как будто бы отказался:

— Нет,— говорит,— а где же наш скот будет (тогда ведь скота все-таки много держали). А где же наш скот будет стоять? Где же мы жить будем?

— Ну, вам,— говорит,— места хватит жить.

Ну, во всяком случае, этот сын отказался.

Тогда квартирмейстер, офицер, приехал навстречу — Петра встречать, значит. И говорит:

— Великий государь, нам не представляют места. Нет на лошадей на наших, и нам даже нет места.

И как будто, приехавши, Петр очень разгневался такому отказу и велел разыскать самого купца. Ну, говорит:

— Что же твой сын так относится? Он, значит, не дает нам помещений!

Ну, купец говорит:

— Того уж я не знаю...

— Я ведь твоего сына велю казнить.

И он его казнил. И когда вот уехал Петр в Архангельск, купец вышел на это место казни сына и говорит:

— Я здесь построю такое чудо-церковь, которой не было и больше не будет!..

НА ПУТИ К АРХАНГЕЛЬСКУ

Путешествуя к Архангельску, Петр посетил Топецкое село Архангельской губернии, и, выходя из карбаса на илистый берег села, он с трудом мог идти по нем, сказавши при этом: «Какой же здесь ил!» И с той поры место это и поныне не называется иначе как Ил.

Придя в село, государь вошел в дом крестьянина Юринского и у него обедал, хотя обеденный стол был приготовлен для Петра в другом доме. Сей крестьянин, когда Петр выходил из карбаса на берег, случайно рубил на берегу дрова и, таким образом, первый поздравил государя с благополучным прибытием. По сему-то Юринский и был отличен перед прочими односельчанами. На память посещения своего государь пожаловал ему две чарки серебряные и таковой же именной перстень да несколько тарелок. Сверх того Петр дарил Степану Юринскому столько земли, сколько он видит, но благоразумный Юринский довольствовался пятьюдесятью десятинами.

ТЕБЕ ВЕСЕЛО — И МНЕ ВЕСЕЛО

Будучи в Архангельске, Петр Великий любил в минуты отдыха гулять по берегу реки Двины, которая и тогда уже была оживлена морскою своею торговлей. Массы лодок и прочих судов представляли громадный лес мачт и снастей, между которыми суетился торговый и рабочий люд, выгружая и нагружая разный товар. В конце этих судов стояло несколько лодок особенной постройки и виду. Царь, увидев их, подошел узнать, откуда они.

— Это лодки холмогорских людишек, ваше царское величество; они привезли на продажу свои изделия,— объяснил какой-то старик.

Царь этим объяснением не удовольствовался и пошел к лодкам самому порасспросить их хозяев. Государь переходил с лодки на лодку по перекинутым доскам, расспрашивая крестьян,— и вдруг, оступившись, упал на дно одной лодки, нагруженной горшками. К счастью, было не высоко и государь даже не ушибся, но при падении перебил в черепки столько посуды, что хозяин за голову взялся при виде такого ущерба.

— Не много же, батюшка, выручу я за свой товар теперь,— вздыхая, сказал он и запустил руку в затылок.

— А что бы ты за него взял? — полюбопытствовал Петр.

— Да ежели бы все было благополучно, алтын сорок, а пожалуй, и больше бы взял.

Император достал из камзола червонец и подал его крестьянину.

— Вот тебе за твои убытки,— сказал он,— тебе весело — и мне весело! Теперь ты не скажешь, что ввел тебя в горе.

А В АРХАНГЕЛЬСКЕ — ЛУЧШЕ!

В то время, когда уже основан был Петербург и к тамошнему порту начали ходить иностранные корабли, великий государь, встретив раз одного голландского матроса, спросил его:

— Не правда ли, сюда лучше приходить вам, чем в Архангельск?

— Нет, ваше величество! — отвечал матрос.

— Как так?

— Да в Архангельске про нас всегда были готовы оладьи.

— Если так,— отвечал Петр,— приходи завтра во дворец: попотчую!

И он исполнил слово, угостивши и одаривши голландских матросов.

ДОМ ПЕТРА БЛИЗ НОВОДВИНСКОЙ КРЕПОСТИ

В этом доме проживал великий царь Петр,— десять пудов одной рукой поднимал и ростом был в пять аршин и три верха (вершка). Супротив его по целому свету не сыскать. Слыхал ты, как он один целое шведское царство повоевал и шведскую царицу в полон взял, но одначе пустил на все четыре стороны, потому она повинилась. Он же шведского королевича Карлу на цепи во дворе держал. У нас в простой мужицкой избе жил, а бороды у него не росло 〈...〉, он всем велел бороды брить, а кто бороды не брил — тому башку с плеч долой. Одним попам да монахам льготу дал на двадцать годов не брить бороды, потому соловецкий старец ему являлся — Зосима, он его и приструнил.

ПЕТР ПЕРВЫЙ НА ЛЕСОПИЛЬНОМ ЗАВОДЕ ПРИ ВАВЧУГСКОЙ ВЕРФИ

Раз Петр за веселой пирушкою в доме Баженина похвалился, что остановит рукою вододействующее колесо на бывшем тогда при верфи лесопильном заводе. Сказал и тотчас же отправился на лесопильню. Перепуганные приближенные тщетно старались отклонить его от задуманного им намерения.

Вот наложил он могучую руку свою на спицу колеса, но в то же мгновение был поднят на воздух. Колесо действительно остановилось. Сметливый хозяин, зная хорошо характер Петра, успел распорядиться, чтоб оно вовремя было остановлено.

Петр спустился на землю и, чрезвычайно довольный этим распоряжением, поцеловал Баженина, находчивость которого дала ему возможность сдержать свое слово

и вместе с тем избавила его от предстоявшей ему неминуемой гибели.

ПЕТР ПЕРВЫЙ И БАЖЕНИН

На эту колокольню (на Вавчужской горе.— *Н. К.*) всходил с Бажениным Петр Великий 〈...〉. На этой колокольне 〈...〉 он звонил в колокола, тешил свою государеву милость. И с этой-то колокольни раз, указывая Баженину на дальные виды, на все огромное пространство, расстилающееся по соседству и теряющееся в бесконечной дали, Великий Петр говорил:

— Вот все, что Осип Баженин, видишь ты здесь: все эти деревни, все эти села, все земли и воды — все это твое, все это я жалую тебе моею царскою милостью!

— Много мне этого,— отвечал старик Баженин.— Много мне твоего, государь, подарку. Я этого не стою.

И поклонился царю в ноги.

— Не много,— отвечал ему Петр,— не много за твою верную службу, за великий твой ум, за твою честную душу.

Но опять поклонился Баженин царю в ноги и опять благодарил его за милость, примолвив:

— Подаришь мне все это — всех соседних мужичков обидишь. Я сам мужик, и не след мне быть господином себе подобных, таких же, как я, мужичков. А я твоими щедрыми милостями, великий государь, и так до скончания века моего взыскан и доволен.

ПОТЕХИ НА КЕГОСТРОВЕ

〈...〉 Петр, во время пребывания своего на Кегострове, потешался над деревенскими бабами. Подплывет, бывало, невидимо для них, опрокинет карбас да и давай вытаскивать их потом из воды. Разумеется, что молока, с которыми бабы ездили в город на торг, пропадали, но царь щедро вознаграждал их за понесенные ими в таких случаях убытки.

СОЛОМЕННЫЙ БАЛ В СОЛОМБАЛЕ

⟨...⟩ Раз он [Петр] гулял на том месте, где теперь селение, и увидел крестьян и крестьянок окрестных деревень, жавших рожь в окрестных полях. Долго смотрел государь на работы и на разноцветные, разнообразные группы жнецов и надумал дать им пир тотчас и тут, на открытом воздухе. Тогда же он отдал приказание об этом Меншикову, но тот отказался неимением столов и скамеек. Петр приказал снести с поля снопы. Из высоких велел сделать столы и накрыть их скатертью, коротенькие и маленькие снопы употребить вместо стульев. Импровизированный бал состоялся, было шумно и весело. Государь был доволен своей выдумкой и пиром и в заключение пиршества сказал, обратившись к приближенным:

— Вот настоящий соломенный бал!

С этих слов государя будто бы и начинавшемуся впоследствии строиться на том месте селению дано было имя, напоминавшее слова Петра — имя Со́ломбалы.

ПЕТР ПЕРВЫЙ И АНТИП ПАНОВ

⟨...⟩ Вот и идет, слушай, царский указ в Архангельский город: будет-де царь скоро — приготовьтесь. Едет-де морем, так шестнадцать человек ему лочиев (лоцманов) надо. Ждут царя день, ждут и другой, хотят его лик государской видеть, от дворца его не отходят ни днем ни ночью. Смотрят, на балкон вошел кто-то; лоцмана и пали на землю, поклонение ему совершили и лежат и слышат:

— Встаньте-де, православные,— не царь я, а енерал Щепотев; Петр Алексеевич сзади едет и скоро будет. Велел он вам свою милость сказывать: выбрать-де вам изо всех из шестнадцати самых наилучших, как сами присудите.

Выбрали четырех, пришли к Щепотеву.

— Выберите-де из этих самого лучшего! Он будет у царя коршиком, а все другие ему будут помогать и повиноваться.

Выбрали все в один голос Антипа Панова. ⟨...⟩

Царь на это время приехал и сам и сейчас на корабль пришел, Антипа Панова за руку взял и вымолвил:

— На тебя полагаюсь — не потопи.

Панов пал в ноги, побожился, прослезился; поехали. И пала им на дороге зельная буря. Царь велел всем приободриться, а Панову ладиться к берегу; а берег был подле Унских Рогов, самого страшного места на всем нашем море. Ладился Панов умеючи, да отшибала волна: не скоро и дело спорилось. Царю показалось это в обиду; не вытерпел он, хотел сам править, да не пустил Панов:

— Садись, царь, на свое место; не твое это дело: сам справлюсь!

Повернул сам руль как-то ладно да и врезался, в самую губу врезался, ни за один камешек не задел и царя спас.

Тут царь деньги на церковь оставил, и церковь построили после (ветха она теперь стала, не служат). Стал царь спрашивать Панова, чем наградить его; пал Панов в ноги, от всего отказался: «Ничего-де не надо!» Дарил царь кафтан свой, и от того Панов отказывался. «Ну,— говорит,— теперь не твое дело: бери!» Снял с себя кафтан и всю одежду такую, что вся золотом горела, и надел на Панова, и шляпу свою надел на него; только с кафтана пуговицы срезал, затем, слышь, золотые это пуговицы срезал, что херувимы, вишь, на них были.

И взял он Панова с собой в дорогу, в Соловецкий монастырь, и в Нюхчу привез, и на Повенец повел за собой ⟨...⟩.

ПУШКИ ИЗ КОЛОКОЛОВ

Петр Великий, нередко бывая в Архангельске, заезжал и на Соловки.

Раз, живя здесь, государь задумал снять самые большие монастырские колокола, чтобы отлить из них пушки. Монахи стали умолять государя отменить это решение и оставить на монастырской колокольне прежнее число колоколов.

— А зачем вам колокола? — спросил государь.

— Созывать народ к богослужению,— отвечали монахи.

— Ничего,— отозвался царь Петр,— если от вас народ не услышит звона, так пойдет в другие церкви. Разве это не все равно?

Но монахи не отставали от царя и ссылались на то, что с отобранием монастырских колоколов умалится слава святых соловецких угодников.

Государь ничего им не ответил на это, а только приказал всем монахам, вместе с игуменом монастыря, сесть на катер и ехать на дальний остров архипелага и там слушать во все уши, что будет, а сам велел три раза перезванивать в монастырские колокола, а потом три раза палить из пушки. Через несколько времени вернулись монахи.

— Ну, что же вы слышали, святые отцы? — спросил царь возвратившихся монахов.

— Мы слышали,— отвечали они царю,— точно будто из пушек палили.

— Ну, вот то-то и есть,— заметил царь,— колоколов ваших вы не слыхали, а пушки славу мою до вас донесли! Так уж лучше давайте мне ваши колокола: я их на пушки перелью, а пушки эти славу святых угодников соловецких распространят до самого Стекольного города.

ОСУДАРЕВА ДОРОГА. ПЕРВАЯ МОСТОВИНА

⟨...⟩ Но вот началось шествие. Для удобства передвижения фрегатов под полозья подкладывали катки.

У Нюхчи, а потом и везде по ямам, первую мостовину, благословясь, клал сам осударь, а вторую давал класть своему сыну возлюбленному, а там и бояр на это дело потреблял.

Немчин один не захотел мостовины класть, так рассерчал на него осударь — приказал ему позади последнего солдата стать и на ямах солдатам за стряпуху рыбницу варить. Натерпелся немчин сраму — стал и мостовины класть, и другую всякую работу делать не хуже самого осударя.

ОСУДАРЕВА ДОРОГА. БОЯРСКАЯ ЛЕНОСТЬ

⟨...⟩ Боярин у осударя заартачился, сел под елочку да сладкие пироги убирает.

Увидал осударь его леность и приказал ему обрядиться пирожником да на ямах пироги-рыбники разносить.

От такого сраму стал боярин куда как изделен.

ОСУДАРЕВА ДОРОГА. ПЕРЕПРАВА ПОД ПУЛОЗЕРОМ

Тут, под Пулозером, выдалась речка, да такая ли бурливая, да такая ли бедовая, что не выгорает дело — никак невозможно посередке свайку вбить. Кто ни сунется с лодкой — бог весть куда унесет его, и с лодкой-то!

Долго приглядывался осударь, а там сел в лодку да прямо на середку-то и держит, бояре было за ним в его лодку суются, так: «Не надо мне вас, и без вас, бог даст,— спорандаю».

Только он на середку-то выплыл да принялся было первую свайку налаживать — гляди: к нему народу с сотню уж собралось, кто в лодке, а кто и вплавь, барахтаются, чуть-чуть против воды держатся.

Поглядел на народ-от осударь, поглядел, покачал головою да тряхнул кудрями своими (а кудри-то были добро чистое).

— Эх вы,— проговорил,— народ хрисьянский, детки вы мои родные! Лиха беда первому оленю в гарь кинуться, остатние все там же будут.

Стал он тут народ поить, тот народ, что за ним в реку кинулся.

ПЕТР ПЕРВЫЙ И МАСТЕР ЛАЙКАЧ

Здесь фамилия — Лайкачёв. Был мастер, Лайкач. Приходит к нему Петр:

— Бог помочь, мастер.

А мастер не отвечает, тешет одним разом, ничего не сказывает. Потом дотесал брус, оправился:

— Просим милости,— говорит,— ваше императорское величество!

— А почему же ты мне сразу не сказал?

— А посему, что я тесал,— говорит,— если глаз отведу, то не дотесать. Надо окончить дело.

Царь положил персты:

— Можешь ли ты мне меж персты попасть и перстов не рассечь?

Ну вот, положил руку, а он топором и шмакнул между перста. Царь руку оттянул, а мел остался, от перста след остался. А он вокурат посредине и попал меж перста.

— Ну,— говорит,— молодец, проводником будешь на город Повенец.

Пошли на Повенец. Лайкач говорит:

— Три раза торкнет, а пройдет.

И, как он сказал, корабль дном три раза торкнул камень, но дошел до самого берега.

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ИЛЬЯ-ПРОРОК

⟨...⟩ Да Петр не раз в Соловки ездил ⟨...⟩, он и путь эту проложил. До него следовины туда не было.

От Соловков тронулся он с войском на гальетах к Нюхчи-пристани, а тут прямо на Повенец, верст двести без маленького; днем и ночью двигались по зыбям, трясовинам, по горам, по водам, по мхам зыбучим и лесам дремучим; лес рубили, клади клали, плоты делали.

Приехали в Вожмосалму, верст сто от пристани, накануне праздника Ильи-пророка. Пришли выгозера̀ с церковным старостою и просят Петра Первого на гостибье.

— Буду, буду,— сказал он, дожидайтесь.

Утром, в праздник, снова пришли.

— Нет,— говорит,— видно, не хочет Илья-пророк, чтобы пришел я к нему на гостибье. Смотрите, какой ливень послал, что из ведра, нельзя из дому выйти. Снесите ему от меня гостинец,— дал несколько червонцев и молвил:

— Молитесь и просите мне милости пророка.

На другой день вперед двинулись по озерам и рекам — поезд на плотах (по болотам и трясовинам — кладями); от Масельги до Повенца — сухие места. Путь втымеж широкая была, а нуньку заросла лесом и клади сгнили. Оставалась малая тропочка, да поехал в Соловки какой-то француз важный, и его ради дорогу починили.

Понынь в народе пословица: «Не дай бог ехать государевой дорогой».

ПЕТР ПЕРВЫЙ — КУМ

Был этот случай в Вожмосалме. У бедного-пребедного мужика народилась дочь; надо малютку крестить, а к горюну никто в кумы нейдет. Проходил осударь в это время чрез Вожмосалму и узнал, что такая беда с мужико̀м. Пришел

он к бедному мужику и говорит, что будет у него кумом.

Только прослышали про такую волю Петрову на погосте, как стали к бедняку бабы самые богатые толкаться да называться в кумы.

— Не хочу я с ними кумиться,— говорит Петр,— а разыщи ты мне самую лядащую бабенку, что у вас по погосту христа-ради ходит.

Нашел бедняк такую бабу лядащую, и покрестил осударь с ней беднякова младенца. Как покончили крестины, так и говорит осударь:

— А не худо бы, куманек, и винца теперь выпить!

А у бедняка денег-то ни полушки, зелена вина ни косушки.

— Видно, делать нечего,— сказал царь,— моя анис вая нынче дела делать будет.

Вынул осударь свою походную баклажку да чарочку золотую (серебряная вызолоченная), налил ее своей анисовой водкой, всех перепотчевал, сам выпил, одарил бедняка деньгами, а чарочку куме подарил на память.

ТЕСТЕННИКИ

Когда Петр Первый перетаскивал суда (ну, в то время уж небольшие суда были), прорубили просеку от Белого моря к Онежскому. И вот по этой просеке тащили какие-то в то время суда. Вот, между прочим, рассказывают (насколько это правда, судить я не могу).

Остановился он в деревне Телекина, от Повенца там несколько километров, там двадцать или сколько,— в Телекиной.

Входит в избу — мужики сидят за столом и едят. У него была дубинка, с дубинкой любил ходить. Ну вот.

— Что вы едите?

(Там не знаю, сказали или нет «ваше величество».)

— Тесто!

— Ах вы разбойники: вам хлеб лень печь!..

И дубинкой давай полосовать.

Правда или нет?

А тесто это так в старину здесь готовили, из овсяной муки.

ПЕТР ПЕРВЫЙ В ПОВЕНЦЕ

В царствование Петра Великого Повенец был простым селом, принадлежавшим Вяжицкому монастырю.

Однажды государь с небольшой флотилией плыл по северной части Онежского озера, как раз близ того места, где впадает река Повенчанка. Не успели суда пройти небольшой остров, лежащий в одной версте от нынешнего города, как вдруг поднялась буря и началось страшное волнение на озере. Царская флотилия принуждена была от острова повернуть назад и пристать к берегу. (С этих пор остров этот стал называться — Воротный.)

Тут, на берегу, где пристали суда, была церковь в честь апостолов Петра и Павла. Священник встретил царя, как подобало, в полном облачении, с крестом в руках. Государь приложился ко кресту и спросил мнения священника о том, может ли он при такой бурной погоде плыть на судах по озеру. Священник долго смотрел на небо и сказал:

— На карбасе я могу ехать, а тебе, государь, на твоих судах невозможно, ты и суда растеряешь, и народ загубишь без всякой пользы.

Осердился государь и захотел поставить на своем. Он вернулся на суда и приказал отплыть от берега; священник остался на берегу и, благословляя царя, сказал ему:

— Я тебя, государь, подожду и до твоего возвращения не начну литургию.

Дошли царские суда до острова Воротного, как начало их так сильно бить и швырять волнами, что царь приказал снова вернуться назад в село. Так оправдались слова священника.

Царь простоял обедню в церкви Петра и Павла и, подойдя к кресту после богослужения, сказал с усмешкой священнику:

— Ну, отец, не попом бы тебе быть, а матросом; спасибо тебе за науку.

Он щедро наградил священника и приказал переписать селение в посад, которому дал имя Повенца, в честь реки Повенчанки.

Чтобы вознаградить вяжицких монахов за отобранное у них в казну имение, царь подарил монастырю богатое и многолюдное селение в Новгородском уезде.

В тот же день царь положил основание Повенецкому медеплавильному и железному заводам.

НЕПОСТРОЕННЫЙ ГОРОД НА МЯГОСТРОВЕ

У нас вот есть Мягостров, остров. Дак как раз ехал по Онежскому озеру Петр Великий да проспал этот остров — Мягостров.

Говорят, он хотел город устроить такой знаменитый посеред Онежского озера, но проспал этот остров, когда проезжал.

Этот остров против нас, километров за пять отсюда. Против Толвуи и против нас, в аккурат между Толвуей и Чёлмужей нашей. 〈...〉

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КИЖАХ

〈...〉 Император Петр Первый, путешествуя из Повенца Онежским озером, остановился у Кижского острова. Тут заметил он множество срубленного леса и, узнав причину его свалки, собственноручно начертил план предполагаемой церкви.

Пред этим временем прежняя церковь сгорела; она стояла не там, где стоит теперешняя церковь, а подальше — версты на полторы, на месте, называемом Нарьина гора.

Когда крестьяне предположили устроить и новую церковь на этой горе и стали уже сваливать лес, то икона Спаса, уцелевшая от пожара, вместе с лесом ушла отсюда и оказалась на том месте, где стоит теперь церковь. Несколько раз переносили икону обратно и перегоняли лес, но напрасно — икона и лес являлись на своем излюбленном месте.

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ВОДЯНИК

Ехал к нам Петр Великий. Выстал человек из воды, на корму сел. Переехал через Онегу, ничего. Кланяется:

— Спасибо, что перевез.

〈...〉 Старики на Мижострове Петру жалятся:

— Водяной рыбу распугал, рычит на все озеро. Откуда взялся только!

— Да где?

— Да вон на том камени!

⟨...⟩ Опять на веснуху ночью на камень водяник выстал, рычит:

— Год от году хуже, год от году хуже!..

Петр начал его вицей хро́мать:

— Я тебя нонь на своей лодке перевез, а тебе все не по́ люби!..

— А этот год хуже всех! — Водяник в воду утянулся...

Больше не видали на Мижострове никакого водяника.

ЛИСЬЯ ГОЛОВА

Дело тут не простое... В старинные годы, в том месте, сказывают, был царь Петр... так от него дело пошло. Деревни-то Подпорожья раньше царя Петра у порога не было,— а по его царскому приказанию уж после народ-то выселен был из Боровиц, отколь ходят все пастухи, с порогов Боровицких, чтобы на том месте лоцманы были всегда наготове,— а была только деревня Важени.

Ехал по Свири Петр этот на судах,— только суда были большие,— и доехал он до порога Лисьей Головки, а тут были уж лошади приготовлены для тяги. Потянули первое судно, а оно на камень, да только как дело против воды было, то вреду не сделало. Тут доложили царю, что кабы не камень, так простору бы больше было и ход бы чистой был. Его царская милость сам смотрел камень и задумал поднять и отвалить в сторону. ⟨...⟩

С помощью немногосложных инструментов и снастей, какие находились под руками, под личным наблюдением царя сделаны были под камень закладки, и он был поднят из воды; оставалось подложить подкладки, и камень был бы на подмостках; но дело все испортил один старик, крестьянин из деревни Важины, которому велено было подложить балки под камень, когда он будет на виду: старик оплошал, и камень, сорвавшись с веревок и цепей, юркнул в воду.

Император, от глаз которого не укрывалось никакое дело, заметил оплошность старика и в справедливом гневе изволил обозвать его из царских уст Лысой Головой.

С той-то поры и мужика звали Лысой Головой, да и порог стали называть Лысой Головой, а что теперь-то зовут Лисьей Головой — так это уж по забытью народ переменил.

ВЗЯТИЕ ОРЕШКА

Долго и безуспешно осаждали русские войска сильную крепость Орешек. Царь Петр употреблял все способы, чтобы поскорей овладеть твердыней ⟨...⟩.

Порешили усилить канонаду, направляя орудия преимущественно в один пункт, чтобы разбить стены и потом в образовавшуюся брешь направить штурмующие колонны.

Несколько дней стреляли беспрерывно. Наконец с батарей донесли, что стена разрушена. Русские возликовали и, так как дело было к вечеру, решили на следующее утро напасть на крепость.

Рано поутру Петр с другими военачальниками поднялся на холм взглянуть на бреши и был поражен, увидев, что разбитые стены стоят как ни в чем не бывало, даже будто новее стали.

Разгневался царь ужасно и хотел было всех пленных шведов предать лютой казни, но тут один из них выступил вперед и вызвался объяснить, в чем дело.

— Ваше величество,— сказал он,— русские войска уже не раз разрушали стены крепости, но мои соотечественники каждый раз пускались на хитрость. За ночь они сшивали рогожи, красили их под цвет камня и закрывали ими проломы в стене. Издали казалось, будто и впрямь новая стена выведена...

— Хорошо же,— возразил Петр,— мы перехитрим шведов.

Он приказал пленных отвести обратно в место, где они содержались, а войскам наделать побольше чучел из соломы, одеть их в солдатскую форму и разместить на плотах. Управлять плотами назначили нескольких человек охотников.

Незадолго до полудня плоты двинулись по Неве к крепости. Шведы открыли адский огонь. Множество плотов было разбито калеными ядрами, но уцелевшие подвигались все вперед и вперед. Ужас охватил мужественный гарнизон при виде надвигавшихся на них русских солдат, бесстрашно идущих под градом свинца.

Плоты приблизились... Обезумевшие от страха шведы поспешили вынести ключи и сдаться на полную волю царя. В то время как городские власти изъявляли русскому государю свою покорность, на крепостной башне пробило полдень. Петр снял шляпу и перекрестился.

В память взятия крепости Орешка с того самого дня

и до сих пор ровно в полдень производится торжественный звон колоколов.

ПЕТР ПЕРВЫЙ В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОМ МОНАСТЫРЕ

Когда Петр Первый воевал со шведом, под Полтавой когда был бой, поехал он с Москвы под Полтаву. Заехал по пути в Троице-Сергиевский монастырь к настоятелю под благословление. А ведь царь приехал, так сперва надо чайку попить, угостить царя игумену. Вот сидят они с игуменом за столом, ожидают, когда служка им соберет на стол. А в которой комнаты они сидели, были половики настланы или ковры, как там, и вот служка несет противень с чаем. Два стакана с чаем и водка, конечно, на подносе. Как он замешался в этих половиках да упал с подносом. Упал да разбил это все на подносе-то. Но не растерялся служка, а показывает на эти черепья и говорит:

— Так вот, императорское величество, сокрушите супостата.

Потом Петр Первый не забыл этого служку, и когда он разбил шведа под Полтавой наголову, и вот он возвратился обратно и этого служку с простых монахов сразу возвратил в архимандриты.

ВОЙНЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО СО ШВЕДАМИ

⟨...⟩ Он (Петр Первый) победил шведа и разбил Карлу; Карло не знал, куды деться, и убежал в Англию. И пишет туда Петр Первый:

— Выслать оттуда Карлу!

Как стали его оттуда посылать, вынуждать к езде, он трех человек своими руками убил.

Дело дошло до Петра Первого. Услыхал он это, усмехнулся и руками сплеснул о стегна:

— Ах, Карло, Карло,— говорит,— где ни ходит, а везде воюет.

Карло был широкий, росту среднего, плечистый, настоящий был воин, да на воина попал; Петр Первый ему не уступал.

ПОЕЗДКА ПЕТРА ПЕРВОГО В СОЛОВКИ

В досюльщину стародревнюю тишь и гладь была на озере Ладожском; ездили на плотах — не умели еще делать лодок; на плотах же сбирались девицы и молодцы и карадовились и играли кругама и шинама.

Прогневался господь на беззакония этых людей, и явился сон одному человеку богобоязненну: «Поутру будешь ты похожать на промысел сетей, рюсей и мереж, и выстанет нож на сети твоей, и ты отруби сеть по тых мест, где выстанет нож, и скорее — к берегу; завтра сколыбается море».

Вышел этот ловец на промысел и стал похожать мережа, рюси и сети, и выстал нож на сети его, и он отрубил сеть по тых мест и поехал в берег. Вдруг сделалась буря — падара, и трои сутки море горело погодою; кто имел жительство о Ладожское, нельзя было на улицу выйти — страсть такая была.

Утихло море чрез трои сутки. Поехали ловцы по промыслу и в берегу прибойном, куда волна катилась, нашли семьдесят вачек на одну руку. После этого Ладожское никогда тишиной, а все ветрами живет, и когда тихо, на нем столшни ходят. Так было до Петра Первого.

Из Питера поехал Петр Первый по Неве и по Ладожскому озеру; вдруг поднялась буря-падара, погода непомерная; насилу доплыли к Сторожевскому носу (где маяк Сторожевский). Вышел царь на берег; кружит его — укачало сине море.

— Ай же ты, мать сыра-земля,— закричал царь,— не колыбайся; не смотри на глупо на Ладожское озеро.

Того часу приказал подать кнут и порешил наказать сердитое море. Место, где изволил наказать своима царскама рукама, звали Сухая луда, а с тех пор называется Царская луда. После того Ладожское стало смирнее и тишину имеет, как и прочие озера: это в виду у нас, мы сами там ездили и рыбу ловили.

Затем Петр Первый имеет разъезд Свирью до Вознесенья — два девяноста, Онегом — сто девяносто. Приезжает в Клименцы. Тогды монастырь преподобного Ионы был в затмении. Пристали к пристани. Царь к Ионе преподобному зашел в храм — испытать, есть ли мощи; отдернул половицу, тыкнул тростью царской — жезлом, и искра его

оттуды засыпала. Царь скорее приказал устроить раку преподобному.

Тут заехали в Нятину губу — к древнему монастырю и, обворотя, поехали в Конды (в семи верстах от Клименец, в губе, сорок дворов). Остановились на якоре. Царь приказал ехать на ялике за хлебом в деревню; приехали на берег эты три человека; в деревне — все женщины, мущины нету. Стали спрашивать хлеба, бабы отвечали:

— Хлеба есть, а мужиков дома нету — работают на заводе на Бутманском.

— Что это, за какой же заводчик есть? — спросили эти человеки-гальетники.

Те отвечают:

— Мужики работают у этого Бутмана зиму и лето, с год на круг; зимой возят уголь, руду; летом уголь жгут и руду сдымают и рыбу ловят, и озеро тут над верхом, над заводом,— Усть-река.

Гальетчики оборотились с хлебом назад и Петру Первому это слово объяснили, что Бутман какой-то, заводчик, есть и люди работают у него на боярщине: мущины единого нет в деревне. Тут царь распорядился с этими людьми — сказать этим женам, чтобы они снесли к своим мужевьям царское слово:

«Бутмана государь требует».

Услышал это Бутман и велел снарядить шлюпку, семь человек гребцов и две пушки; выехал на Онего — и этой езды, из устья до Клименец, верст пятьдесят будет, да от Ионы преподобного верст семь до гальета до царского.

Приезжает Бутман к гальету ко царскому, остановился за стрелище место (как картечь хватит — сажен за сорок). Тут приказал он людям стрелять в гальет царский с того борту и с другого. И то не отбой: надо тронуться этому Бутману к царскому гальету. Царь приказал ему выйти с гальета на шлюпку и казнил его: Бутман был не русской — самозванец. И по тых лет все заведение его решилось на Усть-реке, как решили ему житье его: годов семьдесят лежал этот завод впусте. Однажды мужики беседами займовались:

— А что, ребята, посмотреть, не попадет ли там чего?

Стали перерывать землю; рублей на сто выкопали чугуну; балясины и плиты — коловратный аршин; места высоки и наполнены чугуном.

От Конды поехали на Войнаволок: здесь трои суток

стоял на якоре гальет царский — была погода, да так и оставил Петр Первый свое царское слово этой деревне: Вой-наволок. Отсюда — на Повенец, а там больше реками до Сумы на ладьях. Тут прибыли в Соловецкую обитель в киновию. Царь по обычаю зашел в храм к преподобному Зосиме и Савватию и Герману, сослужил молебен и выехал в море; стала сначала буря, а тут поднялся туман; ездил Петр восемь суток — никакого берега, не видать земли. На девятую ночь появился сон ему: «Царю, был ты в Соловецкой киновии, что же ты своими царскими руками раки святых не замкнул?»

Выстал царь и рассказал этот сон своим гальетчикам. Вдруг в его рассказе поднялся туман и показался монастырь верстах в трех, не дале, от гальета. Опять, оборотя, поехали в монастырь,— к Зосиме и Савватию и Герману, в киновию. Петр сослужил молебен преподобным, запер раки своими царскими руками и ключи с собой захватил. Тут решилось его царское слово.

ОСНОВАНИЕ ПЕТРОЗАВОДСКА

Во всей Карелии шатался прежде разный народ, а более всего сюда забредали беглые рекруты, которых Петр Великий приказал ловить и отдавать в Преображенские полки; их ловили воеводы, а иногда для этой цели из Петербурга присылали военные команды с офицером.

Однажды пришел с такой командой какой-то капитан; после долгого пути он сделал роздых солдатам на реке Лососинке, где в шалашах жили рыбаки, приезжавшие сюда на рыбную ловлю. Отогреваясь в одном из шалашей от холода, капитан разговорился с рыбаками, и те сообщили ему, что вокруг того места такое изобилие медной и железной руды, что ее вовек не разработать.

Узнав об этом, капитан на другой же день повернул свою команду и, явившись в Петербург, лично рассказал царю все по порядку. Царь щедро наградил капитана и отправился на реку Лососинку; там он заложил железоделательный завод. Народ стал называть это место Петровым заведением, но оно было не там, где находится ныне Петрозаводск, а несколько ниже нынешнего города, по течению реки Лососинки.

ОТКРЫТИЕ МАРЦИАЛЬНЫХ ВОД

Государь стал болеть и духом, и телом после понесенных им трудов на пользу отечества; к больному были собраны заморские доктора, которые посоветовали ему отправиться за границу, на пирмонтские воды.

Доктора эти будто бы были подкуплены шведским королем и турецким султаном.

Государь, узнав решение врачей, пришел в великое раздумье, как ему быть, и в этом раздумье вышел прогуляться. Шел он долго и не заметил, как достиг Кончезера. Вдруг перед ним предстал какой-то юноша с блистающим лицом и сказал ему ласковым голосом:

— Мужайся, Петр, и следуй за мною.

Он повел государя в лес, где стоял белый как снег конь, который ударил копытом в землю, и оттуда потекла струя целебной воды.

— Этой водою,— сказал юноша,— ты исцелишься, Петр, от недуга.

Проговорив это, юноша стал невидим.

ОЛОНЕЦКИЙ СВЯЩЕННИК

В сие ли или другое время великий государь, ехавший из Олонца в Петербург, встретился со священником, ехавшим верхом на лошади, у которого висела на груди сумка, а за плечами ружье.

Государь, остановя его, спросил:

— Кто ты и куда едешь?

Священник, не зная, что это был государь, отвечал, что он поп из села такого-то и едет в деревню своего прихода с запасными святыми дарами для приобщения ими больного.

Благочестивый государь, привставши и с благоговением воздав поклонение святым тайнам, спрашивает его снова:

— На что же ты взял с собой ружье?

— Здесь не очень смирно, барин,— отвечал священник,— и иногда нападают злые люди на проезжих, убивают и грабят.

— Ну, если ты кого из них застрелишь, так ведь не будешь ты тогда попом.

— Это правда, барин; но как и меня убьют, так я не буду уже и человеком; а живой оставшись, куда-нибудь да гожуся.

Такой ответ весьма полюбился его величеству; он похвалил его за решимость сию, записал имя его и пожелал, дабы он никогда не повстречался с разбойниками.

ОЛОНЕЦКИЙ ВОЕВОДА

Прежде в городе не было никакой администрации; всем управлял мирный воевода. Мирным его прозвал Петр Великий. Проезжая однажды через Олонец, он спрашивает воеводу:

— Где у тебя дела?

— Никаких дел нет,— говорит воевода.

— А книги, которые тебе присланы?

— Все целехоньки, вот в шкапе лежат; извольте сами, государь, посмотреть!

— Да как же ты управляешь? — спрашивает Петр.— Ведь бывают ссоры, претензии?

— Бывают-то бывают, да я миром сужу их,— отвечал воевода, а сам бух в ноги царю.

— Как же это миром? Расскажи,— говорит Петр.

— А вот как. Придет ко мне кто-нибудь, жалуется, что чужая лошадь съела овес у него. Призываю хозяина лошади, спрашиваю: «Съела твоя лошадь его овес?» Сначала тот станет запираться; а я закричу: «Врешь! Если не сознаешься, я тебя в тюрьму посажу!» (Тюрьмы тогда уже были.) А сзади у меня и сторожа стоят, чтоб взять его; они будто и приготовятся вести его, и подойдут к нему поближе. Он бухнется мне в ноги и сознается. «Ну,— говорю,— так заплати ж ты ему, сколько он запросит, да кланяйся ему в ноги, проси прощенья». А тому скажу: «А ты, брат, уж не проси с него много, а по-братски раздели грех пополам». Тот подумает-подумает, видит, что воевода так к нему ласково обращается, примерно вместо пяти четвериков, махнет рукой и скажет: «Ну, бог с тобой! Давай два с половиной четверика». Вот и уйдут, и помирятся.

— Так будь же отселе мирный воевода,— сказал Петр и уехал.

Лет через десять в Петербурге поссорились на балу

из-за каких-то слов два генерала; один другому что-то сказал, пошли вздоры; дело затянулось и кончиться не может; оба платят поровну, дело-то ни в ту, ни в другую сторону и не клонится. Приказные и пишут, и мажут, и только деньги обирают. Дошло до царя. Он и вызывает из Олонца мирного воеводу. Приехал воевода.

— Вот какое у меня дело,— говорит царь.— Во сколько ты времени берешься рассудить?

— Во сколько прикажете, ваше величество.

— Три месяца будет тебе?

— Нет, это будет неудобно. Позвольте уж поскорее, чтоб в Олонце без меня дела не расстроились, чтоб там их кто-нибудь не замутил.

— Так как же?

— Да чтоб мне через неделю и назад быть. В три дня либо кончу, либо нет.

— Ну, хорошо.

Царь издает указ, что он вызвал для суда мирного воеводу из Олонца и что он положит, то непременно и будет исполнено. Генералы испугались. Вот назавтра призывает мирный воевода одного генерала, входит он. На столе лежат дела, вытребованные из Сената.

— Я целую ночь читал твое дело,— говорит воевода.— Оно совсем не правое. Выбирай одно из трех: или тюрьма, или виселица, или помириться с врагом. Завтра принеси или прошение, или записку, что ты выбрал.

Генерал хотел было спросить, но олонецкий воевода закричал на него:

— Ступай! Мне некогда тут с тобой...

Призывает другого генерала и то же самое приказывает. Думают генералы: черт с ним, лучше помириться, чем виселица. На другой день приходят в одно время, подают прошения о прекращении суда с изъявлением желания мириться.

— Ну вот так! Пойдемте к государю.

— Ну, решил ли? — спрашивает царь.

— Решил.

— Как же?

— Они помирились между собой. Теперь позвольте мне, ваше величество, к своим.

Царь его отпустил, и воевода воротился в Олонец и стал править городом по-прежнему.

КОНЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Петр Великий и весом был великий, нас троих бы он на весах перетянул. Кони его возить не могли: проедет верхом версты две, три на коне — и хоть пешком иди, лошадь устанет, спотыкается, а бежать совсем не может (а царю ли пешком ходить?—да когда еще до места-то надо пробираться верст двадцать, а коня нет). Вот царь и приказал достать такого коня, на котором бы ездить ему можно было. Понятно, все стали искать, да скоро ли приберешь?

А в нашей губернии, в Заонежье, был у одного крестьянина такой конь, что, пожалуй, другого такого и не бывало и не будет больше: красивый, рослый, копыта с тарелку были, здоровенный конище, а сам — смиренство. Вот и приходят каких-то два человека, увидали коня и стали покупать и цену хорошую давали, да не отдал. Дело было зимой, а весной мужик спустил коня на ухожье, конь и потерялся. Подумал мужик: зверь съел или в болоте завяз. Пожалел, да что будешь делать, век конь не проживет.

Прошло после того два года. Проезжал через эту деревню какой-то барин в Архангельск и рассказывал про коня, на котором царь ездит. Узнал про коня и мужик, у которого конь был, подумал, что это его конь, и собрался в Питер, не то чтобы отобрать коня, а хоть посмотреть на него. Пришел в Питер, а Питер-то тогда меньше теперешнего Питера в сто семьдесят раз был. Ходит по Питеру и выжидает, когда царь на коне поедет.

Вот и видит он однажды, что здоровый человек едет на коне и конь как будто его. Посмотрел хорошенько, видит: конь его. Проехал всадник, а он так ничего и сказать не смел,— да и что царю скажешь? А уж так и полагает, что царь ехал. На другой день услыхал, что царь поедет куда-то, стал на такое место, чтобы царя увидать, и стал ждать. Вот и едет на том же коне, только человек еще выше ростом и здоровее того человека, который вчера проехал. Посмотрел на коня, да что глядеть: конь его, да и только. Жалко стало коня, и захотелось ему попробовать, нельзя ли отобрать коня у царя. И стал он наведываться, кто бы ему пособил в этом. Были и тогда люди, да прошения писать не смеет никто, надо подать его царю, а на кого? Но нашел наконец человека-крючка, и тот написал ему прошение в таком роде: «Милостивый император, царь-государь! Я при самом боге и при царе вора поймал. Разре-

ши, царь — красное солнышко, мое дело!» С таким прошением и стал подкарауливать, когда царь поедет.

Едет однажды царь, и на его коне. Он перед самым конем стал на колени и наклонился лицом до самой земли. Царь остановился.

— Встань! — крикнул государь громким голосом.— Что тебе нужно?

Мужик встал и подал прошение.

Взял прошение царь, тут же прочитал его и говорит:

— Что же я у тебя украл?

— Этого коня, царь-государь, на котором ты сидишь.

— Ладно,— говорит царь,— я поеду вперед, дело у меня нужное есть, а ты стой тут и жди, когда я назад поеду, ты крикни коня, как звал ты его дома.— И уехал.

Немного погодя едет царь, поравнялся только с мужиком, а мужик и крикнул: «Кари, Карюшко!» Конь остановился, повернулся головой к мужику и стоит поперек дороги; мужик к коню, а конь к нему, и стал мужик у коня морду рукой гладить и шею почесывать, а конь к нему ласкается и морду ему на плечо положил. Петр Великий слез с коня, смотрит на коня с мужиком, а мужик уж плачет.

— А чем ты еще можешь доказать, что конь твой? — спросил царь.

— Есть, царь-государь, приметы, он у меня двенадцатикрестный, насечки в копытах есть.

Приказал царь посмотреть, и действительно, в каждом копыте в углублениях вырезано по три больших креста. Видит царь, что ⟨...⟩ коня украли и ему продали. Отпустил мужика домой, дал ему за коня восемьдесят золотых и еще подарил немецкое платье. Так вот, что в Питере памятник-то есть, где Петр Великий на коне сидит, а конь на дыбах, так такой точно конь и у мужика был.

Когда была война со шведами, то Петр ездил на этом коне. Раз шведы поймали нашего генерала и стали с него с живого кожу драть. Донесли об этом царю, а он горячий был, сейчас же поскакал на коне, а и забыл, что кожу-то с генерала дерут на другой стороне реки, нужно Неву перескочить. Вот чтобы ловчее было скак сделать, он и направил коня на этот камень, который теперь под конем, и с камня думал махнуть через Неву. И махнул бы, да бог его спас. Как только хотел конь с камня махнуть, вдруг появилась на камне большая змея, как будто ждала, обвилась коню в одну секунду кругом задних ног, сжала ноги, как

клещами, коня ужалила — и конь ни с места, так и остался на дыбах. Конь этот от укушения змеи и сдох в тот же день. Петр Великий на память приказал сделать из коня чучело, а после, когда отливали памятник, то весь размер и взяли из чучела.

О ДЕМИДОВЫХ И ДЕМИДОВСКИХ ЗАВОДАХ

Один из наших вельмож, ездивший за границу, привез Петру пистолет. Царь очень потешался подарком, но, к несчастию, сломал курок. Не нашлось в Москве мастера, способного его починить, и кто-то посоветовал обратиться в Тулу, где кузнец Никита Демидов Антуфьев славился ловкостью и искусством. Петр, ехавший в Воронеж, захватил пистолет с собой, остановился в Туле и приказал позвать кузнеца, который объявил, что дело можно поправить, но что починка потребует времени. Петр оставил ему пистолет с тем, чтоб взять его назад, когда поедет обратно в Москву. Месяца через два государь прибыл опять в Тулу и спросил о своем заказе. Никита Демидов принес ему пистолет. Осмотревши его, Петр похвалил кузнеца и прибавил:

— А пистолет-то каков! Доживу ли я до того времени, когда у меня на Руси будут так работать?

— Что ж, авось и мы супротив немца постоим! — отозвался Никита.

На беду Петр выпил лишнюю рюмку анисовки, и эти ненавистные слова, слышанные им уже столько раз, взбесили его. Он не сдержал руки и крикнул, ударяя в щеку Антуфьева:

— Сперва сделай, мошенник, потом хвались!

— А ты, царь,— возразил, не смущаясь, кузнец,— сперва узнай, потом дерись!

При этих словах он вынул из кармана пистолет и продолжал:

— Который у твоей милости, тот моей работы, а вот твой, заморский-то.

Разглядев пистолеты, обрадованный Петр подошел к Никите и обнял его.

— Виноват я перед тобой,— сказал он,— и ты, я вижу, малый дельный. Ты женат?

— Женат.

— Так ступай же домой и вели своей хозяйке мне

приготовить закусить, а я кое-что осмотрю да часика через два приду к тебе, и мы потолкуем.

Кузнец, не чуя от радости земли под ногами, полетел домой. Жена его не поскупилась, разумеется, на угощенье, принарядилась и встретила дорогого гостя с низким поклоном. Петр, отведав хлеба-соли, разговорился с Антуфьевым и спросил его, не возьмется ли он устроить в Туле ружейный завод, о котором царь давно мечтал, и много ли потребуется денег на это предприятие.

Антуфьев попросил пяти тысяч. Они были ему немедленно выданы из казны, и он приступил к делу в добрый час. Завод был выстроен, пущен и стал снабжать ружьями нашу армию. Петр, довольный распорядительностью Антуфьева, пожаловал ему в Тобольском и Верхотурском уездах два железные завода на Каменке и на Нейве, которые давали мало дохода за неимением искусных управителей. Кузнец принял этот дар с большой благодарностью и обязался, в свою очередь, поставлять ежегодно царю известное количество военных запасов, пушек и железа ⟨...⟩.

ДЕМИДОВСКИЕ БРУСЬЯ

Демидов был друзьями с Петром Первым, слыхивала я, что запросто он обращался с царем-то. Угощал его из берестяного ковшика-утки. Оба были очень сильные. Демидов подковы гнул, а Петр во время строительства Петрограда бревнища таскал на плече.

Демидов был нехороший. Жилось работникам у него плохо, кроме редьки да кваса ничего не видели. Поэтому много было у него бегляков, но их ловили и заковывали в цепи. Слыхала, что много затопил он людей. Ему-то что. Деньги они ему делали, вот он и прятал концы в воду.

Что ему было не строить, деньги сам он делал, а квас с редькой недорого стоит. Все ему обошлось даром. Иду, бывало, я по плотине, а эти плотины-то старинные еще. Иду и думаю: «Эх, Демидов, это твои брусья-то лежат». А жадный был он. Вот больной уж сильно был, ходить не мог, а попросил, чтоб положили его на носилки и пронесли по его имению. Понесли его, а он так жадно смотрит кругом, а потом поставили его на пригорок, носилки-то, а он и сказал:

— Все это мое было,— и развел руками.

Ну, а не взял же на тот свет с собой. А думается, если можно было бы, то и мертвый не расстался.

ПЕТР И МЕНШИКОВ

Вот поехал раз Петр Первый на охоту. Едет на лошади и как-то потерял подковку. А лошадь у него была богатырская. Без подков нельзя ездить.

Подъезжает он к одной кузнице и видит — там куют отец с сыном. Паренек у кузнеца что надо.

— Вот что,— говорит,— подкуй мне лошадь.

Сковал парень подкову, царь за шипаки и разогнул.

— Стой,— говорит,— это не подкова. Она мне не годится.

Начинает он ковать другую. Взял Петр и вторую разломил.

— И эта подкова не ладна.

Сковал он третью. Петр схватил раз, другой — ничего не мог сделать.

Подковали лошадь. Петр подает ему рубль серебряный за подкову. Берет он рубль, на два пальца нажал, рубль только зазвенел. Подает ему другой,— и другой тем же манером.

Царь изумился.

— Вот нашла коса на камень.

Смекнул, достает ему пять рублей золотом.

Поломал, поломал парень — не мог сломать. Царь записал его имя и фамилию. А это был Меншиков. И царь как приехал домой, так сразу его к себе и призвал И стал он у него главный управитель.

МЕНШИКОВ В СИБИРИ

Была война со шведами, Петр бумагу подписал — взять с крестьян по пяти пудов хлеба с головы. А Меншиков порвал. Петр-то осердился, хотел его шашкой рубить.

— Зарубишь, успеешь. Лучше послушай.

— Ну, говори.

— Хлеб надо сушить. Несушеный возьмем — весь погниет.

— А, верно.

И дает ему чин фельдмаршала. За смекалку.

Он все больше в разведке был. Разведает, где какая крепость и как брать, и доносит Петру. Ну, ему чины. Любимец был.

Петр заболел, смерть подходит. В горячке встал, Нева шумит, а ему счудилось: шведы и финны идут Питер брать. Из дворца вышел в одной рубахе, часовые не видели. Сел на коня, хотел в воду прыгать.

А тут змей коню ноги обмотал, как удавка. Он там в пещере на берегу жил. Не дал прыгать, спас.

Я на Кубани такого змея видел. Ему голову отрубят, а хвост варят — на сало, на мазь, кожу — на кушаки. Он любого зверя к дереву привяжет и даже всадника с лошадью может обмотать.

Вот памятник и поставлен, как змей Петра спас.

Положили опять в постель. А все же помер.

Без него Меншикову житья не стало. Сослали сюда, немец Бирон сослал. Морозы были на сто градусов, жилье делали земляное, бугром, одна труба торчит из-под снега. Дверь на жилах звериных, а все равно бураном дверь открывало.

Он здесь и сидел, в таком бугре. Опосля гонец прибежал, залез на карачках.

— Тебя прощают. Езжай обратно.

Он, как приехал, и заступил опять министром, так и говорит:

— Дайте перо и бумагу.

Ему подали. И он сразу приказ написал: десять тысяч ссыльных из Сибири на волю отпустить. Узнал, какая сласть в ссылке.

БРЮС

Был в старые годы великий чародей Брюс. Много хитростей знал и делал он, додумался и до того, что хотел живого человека сотворить. Заперся он в отдельном доме, никого к себе не впускает. Никто не ведал, что он там делает, а он мастерил живого человека. Совсем сготовил — из цветов — тело женское, как быть. Оставалось только душу вложить, и это от его рук не отбилось бы, да на беду его — подсмотрела в щелочку жена Брюса и, как увидала свою соперницу, вышибла дверь, ворвалась в хоромы, ударила сделанную из цветов девушку — и та разрушилась.

АРИХМЕТЧИК

Ты вот возьми, примером, насыпь на стол гороху и спроси его [Брюса], сколько тут, мол, горошин? — а он только взглянет и скажет: вот сколько, и не обочтется ни одной горошиной. А то спроси его, сколько, мол, раз колесо повернется, когда доедешь отсюда, от Тешевич, до Киева,— он тебе и это скажет. Вот он каков, арихметчик-то. Да что! Он только взглянет — и скажет, сколько есть звезд на небеси! ⟨...⟩

Такой арихметчик был Брюс, министер царский, при батюшке Петре Великом. Да мало ль еще что знал этот Брюс: он знал все травы этакие тайные и камни чудные, составы разные из них делал, воду даже живую произвел, то есть такую воду, что мертвого, совсем мертвого человека живым и молодым делает ⟨...⟩. А это был Брюс, министер, арихметчик при царе-государе Петре. Он-то этакую воду живую и произвел... должно быть, не своею силою произвел! ⟨...⟩ Да пробы-то этакой никто отведать не хотел; ведь тут надо было сперва человека живого разрубить на части, и всякий думал: «Ну, как он разрубить-то разрубит, а сложить да жизнь дать опять не сумеет?» Уж сколько он там ни обещал сребра и злата, никто не взял, все боялись ⟨...⟩.

Только вот что было: думал он, думал и очень грустен стал, не ест, не пьет, не спит.

— Что ж это,— говорит,— я воду этакую чудную произвел, и всяк ею попользоваться боится. Я ж им, дуракам, покажу, что тут бояться нечего.

И призвал он к себе своего слугу верного, турецкого раба пленного, и говорит:

— Слуга мой верный, раб бессловесный, сослужи ты мне важную службу. Я тебя награжу по заслуге твоей. Возьми ты вот мой меч острый и пойдем со мной в зеленый сад. Разруби ты меня этим мечом острым, сперва вдоль, а потом вполперек. Положи ты меня на землю, зарой навозом и поливай вот из этой скляночки три дня и три ночи сряду, а на четвертый день откопай меня: увидишь, что будет. Да смотри, никому об этом ничего не говори.

Пошли они в сад. Раб турецкий все сделал, как ему было велено.

Вот проходит день, проходит другой. Раб поливает Брюса живой водой. Вот наступает и третий день, воды уж

немного осталось. Страшно отчего-то стало рабу, а он все поливает.

Только понадобись для чего-то государю-царю министер Брюс. «Позвать его!» Ищут, бегают, ездят, спрашивают, где Брюс, где Брюс — царь требует. Никто не знает, где он. Царь приезжает за ним прямо в дом его. Спрашивают холопей, где барин. Никто не знает.

— Позовите,— говорит,— ко мне раба турецкого: он должен знать.

Позвали.

— Где барин твой, мой верный министер? — грозно спрашивает царь.— Говори, а не то сию минуту голову тебе снесу.

Раб затрясся, заметался, бух царю в ноги. «Так и так» И повел он царя в сад, раскопал навоз. Глядят: тело Брюсово уж совсем срослось и ран не видно. Он раскинул руки, как сонный, уж дышит, и румянец играет в лице.

— Это нечистое дело,— сказал гневно царь, велел снова разрубить Брюса и закопать в землю.

О РУССКИХ ПОЛКОВОДЦАХ

ПОДВИГИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

⟨...⟩ Пытаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярослава, внука Всеволода. Так как слышал от отцов своих и сам был домочадцем и очевидцем жизни его, то рад был поведать о святой и благородной и славной его жизни. Но как Приточник говорит: «В лукавую душу не войдет премудрость: становится она на высоких местах, стоит же посреди дорог, у ворот могущественных мужей садится».

⟨...⟩ Этот князь Александр, побеждая, сам был непобедим ⟨...⟩.

Прослышав же о таком мужестве князя Александра, король римской веры из Полуночной страны подумал: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал войско великое и наполнил многие корабли полками своими, устремился в силе великой, кипя духом ратным. И пришел к Неве, влекомый безумием, и послал послов своих, возгордившись, в Новгород, к князю Александру, говоря: «Если можешь, то сопротивляйся мне,— я уже здесь и беру в плен землю твою». ⟨...⟩

Скорбно же было слышать, что отец его благородный Ярослав Великий не знал о нападении на сына своего, милого Александра, не было у Александра времени послать весть к отцу, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться к нему: так спешил князь выступить. ⟨...⟩

И был некий муж, старейшина земли Ижорской, по имени Пелгуй. Поручен же был ему морской дозор. Восприял же святое крещение и жил среди рода своего, который оставался в язычестве. Наречено же было имя ему в святом крещении Филипп. ⟨...⟩

Разведав о силе войска, он пошел навстречу князю Александру, чтобы рассказать князю о станах их и об

укреплениях. Когда стоял Пелгуй на берегу моря и стерег оба пути, он не спал всю ночь. И когда же начало восходить солнце, он услышал на море страшный шум и увидел ладью, плывущую по морю, а посредине ладьи — святых мучеников Бориса и Глеба, стоящих в одеждах багряных и держащих руки на плечах друг друга. А гребцы сидели, словно окутаны облаком. И сказал Борис:

— Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру.

Увидев таковое видение и услышав слова мученика, стоял Пелгуй, потрясенный, пока ладья не скрылась с глаз его.

Вскоре после этого приехал князь Александр. Пелгуй же взглянул радостно на князя Александра и поведал ему одному о видении. Князь же ему сказал:

— Об этом не рассказывай никому.

После того решился напасть на них в шестом часу дня. И была сеча великая с латинянами, и перебил их бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем.

Здесь же в полку Александровом отличились шесть мужей храбрых, которые крепко бились вместе с ним.

Один — по имени Гаврило Олексич. Этот напал на судно и, увидев королевича, которого тащили под руки, въехал по мосткам, по которым всходили, до самого корабля. И побежали все перед ним на корабль, затем обернулись и сбросили его с мостков с конем в Неву. Он же с божьей помощью оттуда выбрался невредимым и снова напал на них, и бился крепко с самим воеводою, окруженным воинами.

Другой — новгородец, по имени Сбыслав Якунович, не раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в сердце своем. И многие пали от руки его и подивились силе его и храбрости.

Третий — Иаков, полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на врагов с мечом и мужественно бился, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Миша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля латинян.

Пятый из младшей дружины, по имени Савва. Этот напал на большой, златоверхий шатер и подрубил столб шатерный. Воины же Александровы, увидя падение шатра, обрадовались.

Шестой — из слуг его, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и окружило его много врагов. Он же от многих ран упал и скончался.

Обо всем этом слышал я от господина своего Александра и от других, кто в то время участвовал в той сече. ⟨...⟩

На следующий год после возвращения князя Александра с победой пришли опять те же от Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр немедля вышел и срыл город их до основания, а самих их — одних повесил, а других с собою повел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был он милостив свыше меры.

На третий год после победы Александра над королем в зимнее время пошел Александр на землю Немецкую с большим войском, чтобы не похвалялись они, говоря: «Подчинили себе словенский народ».

Ведь уже взяли город Псков и тиунов своих посадили. Тиунов князь Александр схватил, город Псков освободил от пленения. А землю их разорил и пожег и пленных взял без числа, а других порубил. Иные же немецкие города заключили союз и решили: «Пойдем и победим Александра и возьмем его руками».

Когда же приблизились враги, узнали об этом дозорные Александра. Князь же Александр построил полки и пошел навстречу, и покрылось озеро Чудское множеством воинов той и другой стороны. Отец же его Ярослав прислал к нему на помощь младшего брата Андрея с большой дружиной ⟨...⟩, и мужи Александровы исполнились духа ратного, ибо сердца их были как у львов, и сказали они:

— О княже наш славный! Ныне настало нам время положить свои головы за тебя ⟨...⟩.

Была же тогда суббота. Когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была злая сеча, и раздавался такой треск от ломающихся копий и звон от мечей, будто замерзшее озеро двинулось, и не было видно льда, ибо покрылся он кровью. ⟨...⟩

И так победил их помощью божьей, и обратились враги в бегство, и гнали и секли их воины Александровы, словно неслись они по воздуху; и некуда было тем бежать ⟨...⟩. И не нашлось никого, кто мог бы воспротивиться ему в битве.

И возвратился князь Александр с победою славною. И шло многое множество пленных в войске его, вели босыми возле коней тех, кто называл себя «божии рыцари».

И когда подошел князь к городу Пскову, игумены и попы в ризах с крестами и весь народ встретили его перед городом, воздавая хвалу богу и славу господину князю Александру, воспевая песнь. 〈...〉

СУВОРОВ И СОЛДАТЫ

Суворов заботился о солдатах, как отец родной.

Не любил он серебряной и медной посуды. Говорил: «В ней — яд...» Кушал, как солдаты, из глиняной чашки деревянной ложкой. Ел немного, не переедал. Денщику наказывал:

— Ты мне не давай много есть!

— Да как же я могу не давать вам, ваше высокопревосходительство?!

— А ты только скажи: «Суворов не велел».

И вот раз Суворов сел обедать. Есть очень захотел. Денщик видит, что Суворов уже достаточно покушал, и говорит:

— Нельзя больше, ваше высокопревосходительство!

— Да я есть хочу!..

— Нельзя...

— Почему нельзя?

— Суворов не велел.

— А-а, Суворов... Тогда не буду.

Солдат он обучал по-своему. Смотрел, чтобы солдаты были здоровы. Говорил:

— Бойся больницы! В больнице пища сладкая, постель мягкая, а на третий день — гроб!

Если увидит, что солдат стоит задумчивый, подходит к нему и спрашивает:

— Ну, что, братец, здоров ли?

— Да что-то нездоровится, ваше высокопревосходительство.

— А ты возьми немного водочки, насыпь туда соли и перцу, размешай палочкой, выпей и будешь здоров.

Часов не любил. Говорил:

— Все часы врут: одни отстают, другие вперед бегут. А вот петух... Он время знает...

И когда надо, если петуха нет, сам петухом запоет.

Пойдет ночью часовых проверять. Подходит к одному:

— Здорово, братец!

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство!

— А скажи, братец, сколько звезд на небе?

— Сейчас сосчитаю!— И давай считать:— Раз, два, три, четыре, пять...

— Хорошо, братец, я вижу, что ты можешь сосчитать.

Подходит к другому часовому:

— Здорово, братец!

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство!

— Скажи, братец, сколько от земли до луны верст?

— Два суворовских перехода, ваше высокопревосходительство!

А потом Суворов отдает в приказе: «Вот философы уверяют, что звезд бесчисленное множество, а мой солдат взялся их сосчитать...»

Суворов не ездил в экипаже или верхом, а всегда впереди солдат шел пешком.

Вот крепость Измаил брал. Войска подошли к самой крепости, а обоз с сухарями отстал. Солдаты голодные. Стали ворчать... Суворов услыхал это, встал на пригорочек и запел:

Что это у девки за кручина?
Что же это с девкой приключилось?
Али девка замуж захотела?..

Ну, и там дальше. А солдаты:

— Смотрите-ка, смотрите-ка, Суворов-то песню поет!..

Тут Суворов велел ударить в барабан. Тревога!.. Выстроил всех и штурмом через шесть часов взял Измаил. А говорили: крепость неприступная...

ПОСЕЩЕНИЕ ПЕТРОЗАВОДСКА СУВОРОВЫМ

Весть о намерении князя Италийского посетить Петрозаводск подала мысль к приготовлениям и распоряжениям со стороны начальства. А. В. Суворов, поспешный в исполнении своих предприятий, всегда являвшийся гораздо прежде, чем его ожидали, прискакал в Петрозаводск на тележке в простой солдатской куртке. Подъехав прямо к пушечно-литейному Александровскому заводу, отправился туда и на вопрос часового у заставы: «Скоро ли будет князь Италийский?» — отвечал: «Князь следует за мною». Войдя в завод, потребовал, чтобы ему все показали, при-

бавив, что он — Суворов. Дежурный чиновник тотчас дал знать наместнику и начальнику завода (наместником был тогда Тутолмин, а начальником завода — Гаскоин), которые не замедлили явиться.

В это время Суворов грелся у доменной печи и по временам закусывал черными сухарями, которые вынимал из бокового кармана серой куртки своей. Когда начальники явились, он выслушал рапорт наместника губернии и велел ему возвратиться домой, прибавив, что не желает отвлекать его от дела; с начальником же завода отправился осматривать завод.

Начальство горное распорядилось разложить изделия Александровского завода по сторонам дороги, где Суворову надлежало возвращаться. С одной стороны разложены были ножи, вилки, ножницы, разная домашняя утварь, плиты, решетки, цепи, кольца, заслонки — одним словом, всевозможные мелкие изделия; с другой — были сложены пирамиды бомб, ядер, картечи. Подходя к месту этой выставки, Суворов сначала повернулся к той стороне, где были мелкие изделия; взглянул, сделал гримасу и отвернулся к другой стороне, где стал внимательно рассматривать пирамиды, приговаривая: «Помилуй бог, как хорошо! Помилуй бог, какой славной гостинец шведам!»

По выходе из завода купечество встретило его хлебом и солью, по русскому обычаю; Суворов принял поднесенное, поблагодарил начальника завода, сел в телегу и ускакал 〈...〉.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ГОРЫ

〈...〉 Это дело было при Екатерине Первой. Она воевала с турками. А командовал Скобелев. Там река Дунай есть, камни по двадцати пяти пудов катит. У Дунаю турки стояли два месяца и стали одолевать нашу армию. Скобелев войска положил много, осталось всего три тысячи солдат.

Когда, значит, войска у Екатерины сделалось мало, видят, что дело-то гиблое выходит, стали искать в старых книгах,— слых несется, что Суворов был хороший воин. А где он теперь, никто не знает. Давай узнавать. Узнали, что он жил в населенье, в деревне. Жил простым мужиком, землю пахал. Было у него две лошадки, каряя и савра-

сая. Жены у него не было, а была старушка, с которой он жил невенчанным.

И тут царица дает приказ: отыскать этого Суворова и звать его, чтобы приехал в армию и командовал. Посылает она полковника. Запрягли пару лошадей в коляску, и он отправился.

Приехал он в ту деревню, где жил Суворов. Где-то она там, за Москвой. Заехал в деревню. Ребята на улице играют, клюшками шарик перещелкивают. Один парнишко, такой бойкий, подбежал к коляске. Полковник и спрашивает:

— В каком дому живет тут Суворов-инерал?

— Да какой там дом!.. За деревней на назьмах в землянке живет.

Тогда полковник и говорит парнишке:

— Садись, покажи, где Суворов-инерал живет.

— Айдате вот в этот заулок, на степь — там его землянка стоит.

Подъехали, коляску остановили. Полковник соскочил, саблю из ножней выхватил, сделал на караул и бежит к землянке.

А суворовская старуха сидела в синем дубасе на пороге своей землянки, сметану в кринке мешала. Полковник-от бежит к ней, а она испугалась и с кринкой побежала ему навстречу:

— На, батюшка, не секи, а так бери...

А полковник-от:

— Дорогая моя, я не рубить бегу, а здороваться. Приехал я по приказу царицы звать инерала Суворова на войну, с неприятелем воевать.

— Да его дома-то нет: на пашне он пары пашет.

— Садитесь с нами, поедемте, покажите его пашню.

Старуха заперла хату на замок, уселась в коляску вместе с полковником. Доехали до дорожки, которая ведет на пашню.

— Воротите вот этой дорожкой,— говорит она.

А Суворов за лесочком пары пахал. Сделает круг, отдохнет да опять сначала. Как полковник-от к ему стал подъезжать, он как раз запрягал коренную, хомут-от набросил ей на голову, увидал, что едет кто-то, и остановился.

Коляска подъехала. Полковник выскочил из нее, выхватил саблю из ножней, сделал на караул и бежит к Суворову. А ему взять нечего. Он взял с рогаля (рукоятки плуга) сабанный хлыстик, сделал также на караул.

Полковник поздоровался, саблю опустил. И Суворов свой хлыстик опустил.

Полковник говорит:

— Ваше высокопревосходительство, государыня Екатерина приказала просить вас явиться в армию, воевать с неприятелем!

Подает ему приказ царицы.

— Что ж, надо послужить народу,— говорит Суворов. А сам сухонький, уж восемьдесят пять годов будет.— Ты, старуха, уж допахивай тут пашню, а я поеду.

Приехал на войну, где неприятель стоит. А местность: гора крутая, высокая. А подле горы Дунай-река палыщет, камни по двадцать пять пудов перекатывает.

Утром встал, приказал выстроить солдат в роты. Солдаты увидали, кричат:

— Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

А Суворов:

— Братцы, детки мои, мне здороваться не приходится, потому как я еще не ваше превосходительство,— не при форме потому как.

Ему истопили баньку, он вымылся, оделся и поутру — к армии. Говорит:

— Теперь вот я — ваше превосходительство!.. Думаю я врага с покорной головой заставить сдаться нам.

И велел первым делом сделать три тыщи камышовых снопов и на каждый сноп солдатскую фуражку, разоставить снопы по линии на берегу Дуная, против неприятеля.

Пусть турки думают, что мы пойдем прямо на них — снопы-то с солдатскими шапками по берегу Дуная стоят, прямо против неприятеля.

А Суворов повел полки стороной. А гора растянулась верст на десяток, не меньше. Камни с горы-то навешались, как боровья какие, страсть! Надо через гору в обход неприятеля идти. Тут солдаты взроптали:

— Да нас неприятель-то всех с горы перещелкает!

Суворов встал на колени и говорит:

— Ах, детки мои вы! Если вы думаете, что я вас на верную смерть хочу вести, так заройте меня по самую голову в землю, только голову не зарывайте, чтоб меня мошкарь съел живого.

Тут солдаты:

— Ах ты отец наш! Веди нас, куда знаешь!

Суворов тут и говорит:

— Давайте рубите сосны, станем делать козлины, переплетать их лозиной, за камни веревками захватываться, солдат на веревках на гору подымать.

А с Суворовым-то только одна пушка была. И пушку тоже на веревках на гору затащили.

А неприятель смотрит, что такое: солдаты стоят на берегу и нейдут против него. Струсили, видно. Сколько-то неприятели постреляли, пошли купаться.

А Суворов тем временем на гору со своими тремя тыщами забрался да как на «ура» пошел, всех врагов разбил: тридцать пять тысяч убил, двадцать пять тысяч в плен взял, а потом пошел и двадцать пять городов еще у неприятеля взял и всю его орудию взял. А своих солдат совсем мало положил.

И сделался мир.

СУВОРОВ И БЫВАЛЫЙ КАЗАК

Как-то раз поздно ночью Суворов свои посты осматривал и часовых проверял. Идет он по лагерю, а навстречу ему немецкий генерал. Поздоровался он и спрашивает у Суворова:

— Что вы, русский генерал, а в такой поздний час по лагерю гуляете?

Посмотрел на него Суворов и улыбнулся:

— Для русского человека никакой час поздним не бывает. Ему само дело время указывает. А скажи лучше — вот ты чего здесь прогуливаешься?

Немецкий генерал приостановился и приободрился:

— Не спится мне: жарко и блохи кусаются. Вот и решил я по свежему воздуху походить, самую что ни на есть малость прохладиться.

Поглядел на него Суворов и головой покачал:

— Ишь ты, барин какой! Ты вот ни жары и ни холода не бойся, для победы ни себя, ни своих сил не жалей.

Посмотрел немецкий генерал, посмотрел на Суворова и говорит:

— Я люблю больше отдыхать да на мягкой перине валяться. Это куда лучше, чем через силу работать: для трудов у меня солдаты есть.

А Суворов за словом в карман не лезет:

— Каков генерал, таковы у него и солдаты.

Заспорил немецкий генерал, своих солдат он расхваливает. Слушал его Суворов, слушал да и говорит ему:

— Давай это лучше на деле проверим.

Подошли они к первой палатке. Возле нее костер горит, и при его огне казак своему коню сбрую ладит. Спрашивает его Суворов:

— Ты чего, казачок, делаешь?

— Да вот заранее, пока я на досуге, коню сбрую лажу, а то в походе не до нее будет. Сами ведь знаете, что у казака всякая вещь всегда в приборе должна быть.

— Так-так, казачок, верно!..

Немецкий генерал молчит — ни слова, а Суворов опять у казака спрашивает:

— Ну, а теперь, казачок, скажи: какое ты для себя дело самым главным считаешь?

Казак глазом не моргнул:

— Первое у меня дело — коня накормить, водой его напоить, ружье почистить да шашку наточить. И главное лишь только одно — всегда быть к бою готовым да врагов своей матери-родины нещадно бить!..

Не вытерпел тут немецкий генерал:

— Как же, как же, а наварить себе пищи, лицо и руки помыть и всю ночь пробыть в постели — без этого мои солдаты не могут.

Засмеялся казак:

— Да это самые последние у меня дела. Коли нужно, так на сухом фураже целый год прожить могу. Лицо и руки росой вымою. А постели мне за собой не возить. Землю постелю, небом оденусь, а седло у меня в головах.

— Молодец, казак,— похлопал его по плечу Суворов. А потом к немецкому генералу повернулся и сказал ему:

— Твоим немецким солдатам далеко до наших русских воинов. ⟨...⟩

Сказал это Суворов, повернулся и пошел к себе в палатку спать. А спал он всегда крепким богатырским сном, и никогда его ни жара, ни блохи не тревожили.

ЗНАМЕНИТЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Да, знаменитый был Суворов полководец! В Петербурге ему был памятник поставлен, у моста через Неву. Как солдат ведут мимо памятника, ему честь отдавали, кричали: «Смирно!»

Солдаты его любили, как отца родного. Он переодевался в другую одежу и ходил по казармам, по полкам, спрашивал солдат:

— Ну, кто у вас командиром?

— Суворов! — говорили солдаты.

— Суворов? Наверно, плохой какой-нибудь человек?

— Убирайся отсюда, пока цел! Да он — отец наш родной, вот кто Суворов-то! — говорили ему солдаты. Они не узнавали его, переодетого-то.

СУВОРОВ И МЕЗЕНСКИЙ СОЛДАТ

В одно время по весне ехал в путях-дорожках на Мезень полководец Суворов на свиданьице к своему другу любимому. Соскучился он, прошло несколько лет, как не получивал полководец от друга ни письма, ни грамоты, ни словесного челобитьица. Вешные дорожки не очень хороши — реки разливаются, снежки белые тают. Только ярко светит солнце красное. Не знай, долго ли, скоро ли попадал на Мезень Суворов. Думал он таку думушку: «Если нет в живых друга любимого, поклонюсь на могиле праху его и поставлю памятник».

Суворов ехал и расспрашивал о друге, а на первых станциях не знал никто ничего, потому что не близко от его деревни. На полководце сверху одежда была простая, а под низом форменная военная. Где Суворова принимали ласково, а где-ка и с руганью: «Куда ты, солдат, торопишься? Ты, старик, не жениться ли собираешься?» А Суворов россмехнется и ничего боле не скажет.

А последню станцию его везти привелся мужик мезенец хороший. И разговорились.

— А живой ли, не живой ли старик солдат? — стал спрашивать Суворов.— Вместях он со мной служил. Мы горе и радость делили пополам. Кабы не он, я и живой не был — он меня раненого на своих плечах с поля бранного вынес.

— Живой твой друг, служивой,— ответил мезенец,— живет со старухой, богатства не имеет и голодом не сидит.

Ехал он в пасочную ночь. Увидали деревню — огней много в деревне, как звезд на небе. Зазвонили колокола. Суворов рассчитался с ямщиком и попросил завезти свои

сумочки-котомочки к жене солдата. А в ограде народа видимо-невидимо. Суворов пошел в последних и хотел дойти до крылоса попеть-почитать. А не мог попасть на крылос. И стал Суворов в сторонку. А друга своего солдата Суворов нигде не видит. Отстоял Суворов всенощну, отстоял заутреню. Народ захристосались. И пошел Суворов ко кресту, а потом вышел во трапезу, а там у печки стоит его друг.

Тут и стрета ихна была — не знают плакать или радоваться! И скричал тогда солдат: «Кого я вижу — полководца Суворова Александра Васильевича!» А мезенцы дивуются: «С ума ли говорит этот старик?»

А за обедней все узнали полководца, и все мужики заздоровались и захристосались и по-прежнему скричали: «Ура! Полководцу великому честь и слава!» И когда отошла обедня христосская, наносили ему яиц. Суворов стал отказываться: «Куда мне с яйцами? Не на лошади везти».

И пошел Суворов к другу своему. А тогда, в прежно время, тоже не лежали вести на одном месте. Забежали к старухе ребята да женки и сказали, кто гость к ним наехал. Она стретила полководца с чести, с радости. Обед был, может, и плоховатый, зато сидел Суворов с другом верным, трои суточки гостил Суворов у мезенцей. Пондравились ему народ северный. А солдат его до Архангельского провожал. Суворов оставил другу денег, жил он со старухой не бедно и не нужно, да и от него еще денег осталось.

А мезенцы старики долго про Суворова пропевали.

СОЛДАТЫ СУВОРОВА ШИБКО ЛЮБИЛИ...

Наверно, лет сто тому назад, а может, и больше жил на всю Россию известный генерал Суворов. Солдат у него было много, командовал он целыми армиями. Среди других царских генералов не было ему равных, всю жизнь ему везло, таким уж фартовым он родился. Царь об этом знал и потому посылал его на войну. Когда Суворов уходил на войну, то царь мог сидеть спокойно, знал он, что она будет выиграна.

Вернется Суворов только из одного похода, царь посылает в другой. Всю жизнь генерал не снимал с себя шинелки, всю жизнь он мотался со своими солдатами на поле, в тайге да в горах.

Военная жизнь раньше была тяжелой, говорят, по двадцать пять лет в солдатах ходили. Нелегко было и генералу в эту пору служить, но все завидовали его фарту. Генерал не шибко-то других слушался, он себе на уме был. Знал он, что если солдаты тебя любят, то в огонь и в воду они полезут. А солдаты Суворова шибко любили, и не знал он неудачи в боях, от этого и фартило ему.

Когда Суворов последний турецкий поход сделал и турков посмирил, чтобы они на русскую землю больше не зарились, многим его солдатам срок службы кончался. Поговорил он с ними, чем они хотят заняться и куда пойти? Солдаты ему сказали, что желают они идти в Сибирь, а в Россиюшке делать нечего, отцы их и так без земли сидят, а на помещика работать охоты нету.

Суворов попросил царя, чтобы он документы дал его солдатам, чтобы в Сибири им землю нарезали, скотом наделили. Царь не воспротивился, документы все выписал, и пошли бедные солдаты в Сибирь свою жизнь доживать. Некоторые из них уже в годах были, почти стариками.

Дошли они до Сибири, поселились по деревням и начали жить деревенской жизнью.

Много таких солдат стало жить здесь у нас, в Забайкалье. Перво-наперво туго им пришлось, но потом пообжились, к Сибири привыкли. Те, кто помоложе были, поженились, семьи свои заимели, а многие так бобылями поумерли.

СУВОРОВСКИЕ ВНУКИ

Мой дед около половины своей жизни служил вместе со знаменитым Суворовым. Он у него в солдатах был, вместе с ним в поход на Италию ходил, добирался и до Турции. Про те войны все знают, а вот какой был у солдат командир, сам Суворов,— про то мало кто знает.

Ходил мой дед с Суворовым, ходил, много войн провел, за царя-батюшку дрался, русскую землю в обиду не хотел давать, да только толку из того мало получилось. Как состарился Суворов, царь его, как последнюю собаку, от себя отогнал и смотреть на него не мог. А дед мой еще в ту пору в соку был, молодец молодцом.

Поставили вместо Суворова другого генерала, в бою-то он не был, а солдат по морде бить большим мастером слыл. Как что не то — сразу по зубам давал. Невзлюбили

его солдаты, а пуще всех дед мой, ведь он к Суворову-батюшке привык, как к отцу родному. Хоть еще и не стар был дед, а попросился, чтобы его домой отпустили. Невмоготу ему стало при таком генеральском обхождении служить.

Вот и получилось дело так: приходит к ним, к солдатам, тот новый генерал и говорит:

— Скоро в поход на ученье пойдем, а седне маршем будем заниматься.

Дед тут и подумал: для чего снова маршем ходить, когда он им уже пятнадцать лет ходит. Не выдержал дед и попросился в отставку.

— А кто еще в отставку хочет? — спросил генерал и скомандовал: — Три шага вперед!

Сначала вышел дед мой, а за ним еще человек двадцать. Генерал смекнул, что дело неладно, видать, это все, которые им недовольны, и сказал:

— Собирайтесь, пойдемте.

А не досказал куда. Через день генерал опять перед солдатами появился, всех выстроили и зачитал царский указ. Солдат, что на три шага вперед из строя раньше выходили, по фамилии перечислили, деда моего самым первым назвали. В конце царского указа писалось, чтобы всех этих смутьянов в Сибирь сослать. Так мой дед и попал маршем на самый край света, в Сибирь, на реку Джиду. Тут он поженился, та невеста, что где-то в России была, не захотела в наши места приехать.

Дед — мужик толковый был, сразу на новой земле хлебопашеством занялся. Глядя на него, хозяйством помаленьку обзавелись и другие его товарищи по службе.

С тех пор и пошел наш род Козловых по всей Сибири. Меня и теперь старики зовут суворовским внуком.

СОЛДАТ-ПОСЕЛЕНЕЦ

Жил, рассказывают старики, в нашей деревне Читкан один шибко счастливый охотник. Стрелял он так метко, что ни один даже самый маленький зверек не мог уйти от его пули. Охотник тот был старый военный солдат, который исходил вместе с Суворовым многие страны. Все солдаты у Суворова умели хорошо стрелять, он их этому делу учил целыми годами.

Про того охотника еще рассказывали и то, что он в одной

шинелке мог без огня ночевать на улице при самом нашем большом морозе. Такую закалку он получил на войне, когда ходил в походы вместе с Суворовым. Об этом поселенце-солдате тут раньше много кое-чего рассказывали. Говорят, он тут на всех урядников и старост страх наводил, и они его боялись.

О ВОЖДЯХ НАРОДНЫХ МАСС

О ПОКОРЕНИИ СИБИРИ ЕРМАКОМ

Услыхал царь Иван, что за Уралом лежит земля богаче той, которая ему подвластна. Знал он, что ту землю Сибирью зовут, много в ней всякого добра таится, да только далеко она от его царства. Много ночей и дней не спал царь Иван, все думу думал: как это царство хана покорить, а его землю к своему царству прирезать. Думал, думал Иван, но ничего придумать не мог, не было у него той силы, которая бы покорила Кучумово царство. Занемог царь и слег в постель. Прислужники его, бояре, запечалились, боялись, как бы им без царя-спасителя не остаться, что же они тогда делать будут. Подошли они к его постели и спрашивают:

— Отчего же ты, царь-батюшка, занемог, какая дума тяжелая на сердце твоем лежит?

Царь закрыл глаза и подумал, сказать ли им про свою думу или нет? Он знал, что бояре в деле ему не помогут, что потрясут они бородами да кафтанами, повздыхают, на том их совет и кончится. Так оно и получилось. Ушли бояре к себе восвояси. Подходит к царю один его бедный слуга из крестьян и спрашивает:

— Откуда на тебя, царь-батюшка, хвороба навалилась?

— Издалека,— ответил царь.

— Может, помогу я тебе?

— Бояре были — не помогли, а тебе и бог не велел. Ты скажи-ка лучше, кто есть в моем царстве храбрый да удалый, кто смерти не боится, кого молния не ударит и гром не оглушит?

Подумал слуга и говорит:

— Найдется в твоем царстве такой человек, слыхал я про него с малых лет зовут его Ермак Тимофеевич,

удалый казак донской, службу верную, царь-батюшка, он тебе сослужит.

— Да и то верно, слыхал про него я, да только где он теперь есть, наверное, как в поле ветер, гуляет, где ночь проведет, где день просвищет.

Встал Иван-царь с постели, позвал к себе слуг верных и отправил их на Дон казака Ермака Тимофеевича искать. Объездили слуги весь Дон, всех конных и пеших порасспросили, все знают удалого казака Ермака, но никто не знает, где он теперь гуляет. Вернулись слуги через год и сказали царю:

— Всех птиц на Дону повидали, всех баб и мужиков пересчитали, а казака Ермака Тимофеевича нету.

Выгнал царь своих слуг из палат царских и позвал к себе верного слугу-крестьянина.

— Разыщи ты мне Ермака, службу верную сослужи, тогда ты у меня будешь слугой над всеми слугами, а бояре тебе по пояс будут кланяться.

— Ничего мне, царь-батюшка, от тебя не надо, а службу верную для Руси святой отслужу.

Надавал царь Иван мужику разные доспехи, из своей конюшни велел ему коня вывести, благословил его своей рукой и в добрый путь отправил. Только выехал мужик за Москву, снял с себя все доспехи, облачился в крестьянскую одежу и пошел пешочком с посохом по дороге, куда глаза глядят. Долго шел мужик по дороге против солнца, борода по колено выросла, а про Ермака ни слуху ни духу. Не опечалился мужик, идет себе потихоньку и идет. Не заметил он, как дошел до крутых гор. Осмотрелся и видит — навстречу ему идет такой же странник, как и он. Встретились, остановились и завели разговор. Долго ли разговор шел, но только мужик узнал от странника, что Ермак бродит по Уралу.

Исходил мужик реки и горы Урала вдоль и поперек. Наконец ему удалось напасть на след атамана. Вскоре он нашел семью Ермака и передал ему просьбу царя Ивана. Ермак Тимофеевич явился к царю без поклона, в шапке. Царь посмотрел на атамана и говорит:

— Слыхал я про тебя разные вести, не носить бы тебе головы на плечах, да царь милостив. Искупи свою вину, сослужи мне службу добрую. За Уралом нехоженая землица лежит, на земле той богатства несметные, ты пройди ту землю, излови хана Кучума, а людей его под власть Руси подведи.

Ермак Тимофеевич не стал перечить царю, вышел из царских палат, попросил есть-пить и пошел к своим казакам на Урал. Пришел. Рассказал обо всем своим удалым молодцам, и начали они собираться в поход, в чужую землю, куда русская душа не хаживала.

Летом в тот же год Ермак Тимофеевич дошел до Тобола, там построил лодки и добрался до Иртыша. Здесь он встретился с людьми из Кучумова царства. Долго бился Ермак с Кучумовыми людьми, пока они не испробовали казацкую силу и пока их много не полегло. Казаков погибло тоже немало, но Ермак все же одолел сибирского хана и привел его людей под власть русского царя. Самого страшного — Кучума — Ермак Тимофеевич хотел доставить в Москву, но он несколько раз обманывал атамана, и за это его казаки убили. Когда Кучумовы люди покорились Ермаку, казаки ему сказали:

— Поезжай, наш атаман, и скажи, что теперь русские могут жить в Сибири, да и Кучумовым людям с нами легче будет. Царь их был злой, как волк, а жадный, как поп.

Ермак Тимофеевич не поехал в Москву, а послал туда своего верного казака. Узнал царь Иван, что в Сибирь ворота открыты, и стал посылать в нее разных людей, кого по доброй воле, а кого так, силком. Вот и появились русские на сибирской земле и посейчас живут, а добра в ней всем хватит. Потому мы и про Ермака Тимофеевича помним, и про его удалых казаков.

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ И СТЕНЬКА РАЗИН

У Ермака Тимофеича, самого набольшего изо всех станишников, было много удалых товарищей, верных помощников. Правою рукою у него был Стенька Разин 〈...〉.

И приходит к Ермаку Тимофеичу, низко-низко поклонился ему и проговорил:

— Многолетнего здравия, Ермак Тимофеич! Расположись-ка на совет ко мне! Мы поделаем людей соломенных, порассадим их по лодочкам, по лодочкам по дубовеньким, и дадим им по веселышку, оденем их в платья черна соболя, первое-то лодочку наперед пустим по Дунай-реке по широкой, а сами поедем по Иртыш-реке, по Иртыш-реке, по Теплым станкам, у Теплых станков станем

вокруг да подумаем, как бы нам поставить себе памятник.

Как поехали станишники по Иртыш-реке, собралось против них царское войско, хотят изловить Ермака Тимофеича. Увидели, что по Дунай-реке едет лодочка дубовенькая, а в ней сидят добрые молодцы, удалые казаки. Стали царские люди считать соломенных людей — им счету нет. Тут на татар напал такой страх, что они и не видели, как подошел Ермак Тимофеич.

Переловил их Ермак Тимофеич до пятисот человек, засадил в избу, поставил стражу в избе, а сам ⟨...⟩ поехал к царю Ивану Васильевичу...

ГИБЕЛЬ ИВАНА БОЛОТНИКОВА

⟨...⟩ Да, я местный, местный, каргопольский! Мой прадед здесь поселился, когда Каргополь поменьше был, а здесь лес стоял — дак в лесу.

Почему не у реки? Да бог с ней, с рекой! Колодец выкопали, дак... Ведь у нас Болотников берег. Слышали про Болотникова?

Был Болотников, Иван — крестьянский сын. Роста он был высокого, плечи широкие. Сильный был очень... за народ пошел, за бедное население. Он, говорят, до Москвы дошел...

Да ведь остервенели потом царевы-то слуги, схватили Ивана Болотникова. Арестовали, глаза завязали накрепко. А царь его все равно боится:

— Увезите,— говорит,— куда-нибудь подальше, в Белом море утопите!

Да его не довезли: глаза у него все развязывались... Его на Онеге-реке к проруби привели, глаза выкопали, привязали к ногам тяжесть... Столкнули. Что он сделать мог? Их, может, целая рота была, солдатов!

Ведь с тех пор несчастный этот берег. Каждое лето кто-нибудь да утонет с него... будто Болотников к себе тянет. Старики скажут: «Новое войско себе набирает!»

Улица наша в память его Болотниковой названа, а раньше была Потаниха.

УРАКОВ БУГОР

На Ураковом бугре предтеча Стеньки, разбойник Урак, имел свой притон. Разин, еще мальчиком, пришел сверху, из Ярославля, и пятнадцати лет поступил в шайку Уракова кашеваром. Раз Ураков этот хотел задержать судно, а Стенька закричал:

— Брось,— не стоит, бедно.

Ураков, не ожидая после такого замечания удачи, пропустил судно, но пригрозил Разину. Проходит другое судно — Стенька опять то же. Взбешенный атаман выстрелил в него из пистолета, но Стенька не пошатнулся, вынул из груди пулю и, отдавая ее Уракову, сказал:

— Нá, пригодится.

Ураков от страха упал. Разбойники, видя чудо, разбежались, а Стенька незаряженным пистолетом застрелил Уракова и стал сам атаманом его шайки. Ураков схоронен тут же на своем бугре и, говорят, семь лет из могилы кричал проходившим мимо судам:

— Приворачивай!

СТЕНЬКА-ЧЕРНОКНИЖНИК

Стенька Разин на своей кошме-самолетке-самоплавке перелетал с Дона на Волгу, а с Волги на Дон. На Дону было у него место, называется камень, а на Волге был у него бугор. Пограбит суда на Волге — полетит на Дон. Не было спуску ни царским судам, ни купеческим, ни большим, ни мелким: со всех судов Стенька брал подать, а кто вздумает обороняться, тех топил, а господ больших ловил да в тюрьму сажал. Вот и шлет к нему сам царь:

— Зачем,— говорит,— ты царских судов не пропускаешь?

А Стенька говорит:

— Я,— мол,— ваше царское величество, не знаю, какие есть суда царские, какие нецарские.

Царь приказал на всех царских судах ставить гербы. Стенька поэтому не трогал их и пропускал и дани не брал. Царь за это прислал к нему в подарок шапку. Только тогда купцы сговорились да и на свои суда стали ставить гербы, а Стенька, как это узнал, и говорит:

— Нельзя разобрать, какие суда есть царские, какие нецарские.

И опять со всех судов стал брать дань.

Много лет он таким образом летал с Дона на Волгу, с Волги на Дон, а взять его никаким войском нельзя было, для того что он был чернокнижник. Потом собрал он шайку и поплыл в Персию, и воевал он там два года и набрал так много богатства, что и счесть и сметить невозможно, а как ворочался, в Астрахани воеводы не хотели пропустить его. Стенька говорит:

— Пропустите меня, воеводы, я вам ничего дурного не сделаю!

Воеводы таки не пропустили, а велели палить на него из ружей и из пушек, только Стенька, как был чернокнижник,— его нельзя было донять ничем. Он такое слово знал, что ядра и пули от него отскакивали. Тогда подманила его девка Маша, как в песне поется,— но и тут Стенька улизнул от беды и за эту штуку не простил воеводам. На другой год он пришел в Астрахань с войском и осадил кругом город. А в Астрахани жили больше все неверные. Стенька приказал палить холостыми зарядами и послал сказать, что жалеет православных христиан, а просит, чтоб христиане отворили ему ворота. Христиане и отворили ворота. Он, как пошел, всех неверных ограбил, а иных досмерти побил, и воевод побил за то, что его не пропускали, как он ворочался из Персии, а христианам ничего худого не сделал. Тогда был в Астрахани митрополит. Стал он его, Стеньку, корить и говорить ему:

— Вишь, какая у тебя шапка — царский подарок. Надобно, чтоб тебе теперь за твои дела царь на ноги прислал подарок — кандалы.

И стал его митрополит уговаривать, чтоб он покаялся и принес повинную богу и государю. Стенька осерчал на него за это, да притворился, будто и в самом деле пришел в чувствие и хочет покаяться, и говорит митрополиту:

— Хорошо, я покаюсь; пойдем на соборную колокольню. Я стану с тобой вместе и оттуда перед всем народом принесу покаяние, чтоб все видели да и тоже покаялись.

Как взошли они на колокольню, Стенька схватил митрополита поперек да и скинул вниз.

— Вот,— говорит,— тебе мое покаяние!

За это его семью соборами прокляли! Товарищи его как узнали, что он семью соборами проклят, связали его и отправили в Москву. Стенька, едучи, сидит в железах, да только посмеивается. Привезли его в Москву и посадили в тюрьму. Стенька дотронулся до кандалов разрывом-травою — кандалы спали, потом Стенька нашел уголек, нарисовал на стене лодку и весла и воду,— все как есть, да, как известно, был колдун, сел в эту лодку и очутился на Волге. Только уж не пришлось ему больше гулять: ни Волга-матушка, ни мать сыра-земля не приняли его. Нет ему смерти. Он и до сих пор жив.

Одни говорят, что он бродит по городам и лесам и помогает иногда беглым и беспаспортным. Но больше говорят, что он сидит где-то в горе́ и мучится.

РАЗГОВОР БАРИНА С РАЗИНЫМ

Зашел как-то Разин к одному помещику о деле поговорить, а барин сидел за столом за разными яствами и не захотел даже на него глазом посмотреть. Разин сам себя посадил за стол и спрашивает его:

— Ты чего, барин, нахмурился? Не бойся, не объем тебя, запросто побалакать пришел.

Барин осердился, что какой-то мужик к нему зашел да еще к столу присел, ответил:

— Чего мне с тобой, с мужиком-дураком, басни разводить?

— А если ты шибко умный,— сказал Разин,— то вот ответ дай мне на один вопрос: два рога, да не бык, шесть ног, да без копыт. Узнаешь?

— Нет.

— Меня хоть признал?

— Тоже нет.

— То тебя я про рака спрашивал, а меня Разиным прозывают. Дурак ты, а за умного хочешь слыть.

Позвал атаман своих казаков, усадил их за стол, а барина прислуживать заставил. После этого барин и вразумил, что Разин умный мужик есть.

Вот так-то человека встречают по одежке, а провожают по уму

НЕ СПАСИБО ТЕБЕ, МАТУШКА ВОЛГА-РЕКА...

Сенька Разин был из казаков из донских. Когда он предастся нарочи, возьмет нитки, как лодке быть, и сядут в нее, и под нее плеснет ложку воды, и поплывут из острога по городу и песни поют. Он, по-нашему, как бы как дьявол был. Стреляют в них, стреляют, стреляют. «Стой-ко-те!» — кричит его сила. Перестанут стрелять; они снимут с себя одежды, повытряхнут пули и отдадут назад. А сами стреляют, как «прядь» делают. Сенька заговаривал от пуль.

Слава о его похождениях и о хорошей жисти у него была на всю Россию. Вместе с бродяжной, вольной народ ходил к нему нарочи.

Шел купец, две бочки вина положил на лодку. Разинцы остановили. Пристал. Товары набрасывают, набрасывают себе в добычу. Купец смекает, так весь товар выбросают.

— Стойте,— говорит,— братцы, у меня две бочки вина есть.

— А, вино есть! Клади товар в лодку, выкатывай вино-то.

Как пошел купец, его лямошник снял лямку и говорит купцу:

— Прощай, не то иду к Сеньке...

Приходит:

— Возьмите меня.

— А мы таких и ищем!

Одели его, как купца, а стару лапоть побросали в огонь.

Сенька Разин из осилков был. Помер своею смертью.

Вот как не стало Сеньки, его товарищи пели:

> Не спасибо тебе, матушка Волга-река,—
> Исподелала часты городочки,
> Испоставила крепки караулы...

МАРИНА-БЕЗБОЖНИЦА И СТЕНЬКА РАЗИН

В Орловом кусте обитала атаманша Марина-безбожница, а в Чукалах жил Стенька Разин. Местности эти в

то время были покрыты непроходимым лесом. Марина со Стенькою вели знакомство, и вот когда Марина вздумает со Стенькою повидаться, то кинет в стан к нему, верст за шесть, косырь, а он ей отвечает: «Иду-де» — и кинет к ней топор. Марина эта была у него первой наложницей, а прочих до пятисот, и триста жен.

И не могли Стеньку поймать. Поймают, посадят в острог, а он попросит в ковшичке водицы испить, начертит угольком лодку, выльет воду — и поминай как звали! Однако товарищей его всех переловили и разогнали, а он сам ушел и спрятался в берегу, между Окой и Волгой, и до сих пор там живет: весь оброс мохом, не знать ни губ, ни зуб. Не умирает же он оттого, что его мать-земля не принимает.

И оставил этот разбойник здесь клад, под корнями шести берез зарыл его. А узнали про это вот как: сидел один мужичок в остроге вместе с товарищем разбойника. Вот тот и говорит ему:

— Послушай, брат, в таком-то месте лежит клад, мы зарыли его под корнями шести берез, рой его в такое-то время.

Стало быть, уж он не чаял, что его выпустят на вольный свет, а может быть, раскаялся и дал зарок.

Вышел этот мужик из острога, пошел на указанное место, а березы уж срубили и корней не знать. Рассказал он про это всему селу: поделали щупы, однако клада не нашли, а клад-то, говорят, все золото да серебро — целые бочки.

БОЧКА ЗОЛОТА

Давно уже это было, лет сорок назад... Есть у нас на селе столетний старик, Лапоть прозывается. Промышлял он больше охотой и пошел в лес за дичью да и заблудился. Никогда с ним допрежь такой беды не случалось: идет туда, идет сюда, а лесу и конца-краю нет. Три дня бродит; харчи все повышли, да и пороху не стало. Сутки уже без хлеба, а дороги все не найдет. На четвертый день к ночи видит он: стоит гора, а в горе пещера с широкими воротами. Возле ворот большой камень; упал он на этот камень и заснул,— шибко, значит, умаючись был. Много ли, мало ли спал, только проснулся он к ночи,

протер глаза, осмотрелся и пошел в пещеру,— нет ли де тут какой ни на есть живой души. Только видит: стоят бочки, много их стоит везде, куда ни глянешь. Походил он промеж них, покликал, нет никого. Подошел он к одной бочке, открыл дно и обмер: бочка полна золота. Он к другой, третьей — везде золото. Только отошел от него маленько страх-то, и думает он: наберу я себе этого золота и пойду,— авось с голоду не помру и как ни есть выберусь из леса, все ж таки с деньгами.

Стал он этта набирать себе золота и в картуз, и в карманы, и в полы, только вдруг кто-то хвать его за плечи...

— Стой,— говорит,— старина. Зачем мое золото берешь?

Лапоть содрогнулся, сотворил трижды крестное знамение, глядит: стоит перед ним седой-преседой старик, борода по пояс белая, стоит и креста не боится.

— Не пугайся,— говорит,— меня, не трону: я — Стенька Разин. Берегу, брат, я это золото про православных христиан и разделю им его, когда наступит время. Возьми,— говорит,— себе сколько нужно, а остальное поклади опять в бочку: будет на твой век и малого.

Поклал Лапоть в бочку золото,— оставил себе всего два пригоршня,— поклонился старику в ноги и пошел.

— Укажи,— говорит,— дорогу, куда мне идти.

— Иди,— говорит Стенька,— вот в эту сторону, а дорогу сам найди: указывать не буду. Как придешь домой, расскажи, что видел и слышал... Хотели меня бояре московские казнить, да не пришлось им. С той поры живу я здесь, проклятый православною церковью..

Два дня шел Лапоть лесом, вышел наконец в поле, а там и до дому недалеко. С той поры живет он себе достатком. Много было охотников добраться до пещеры. Много их ходило, много их искало, только никто не нашел, да и сам Лапоть в другой раз уж не нашел. Слышно, Стенька кажинную ночь летает над Волгой, а к утру скроется. Только я этого не видел.

СТАРИЧОК

В селе Аргашах (Корсунский уезд) в лесу есть низкое место. Там нечаянно забрел крестьянин в пещеру и увидел

старичка старенького, седенького. Сидит он и считает деньги. Это был сам Стенька Разин. У крестьянина глаза разбежались на золото, и он попросил себе денег у старичка, который согласился, но с уговором: «Возьми,— сказал он,— только донеси до двора и не усни на дороге».

Насыпал Разин крестьянину в полу кафтана денег, тот понес их и дошел уже до своего гумна, как здесь сон его до того одолел, что он уснул. Проснулся — и денег как не было.

ДОСТАТЬ ИХ МУДРЕНО

Когда шел Стенька Разин на Промзино Городище (Алатырский уезд), то зарыл в окрестностях его две бочки серебра. Конечно, зарыл он их неспроста, и теперь часто видят при вечере, как эти бочки выходят из подземелья и катаются, погромыхивая цепями и серебряными деньгами. Но достать их мудрено.

Один мужичок узнал, что они лежат в горе, отыскал место, дождался полночи и стал копать землю и разворачивать каменья; дошел уже он до плиты, закрывавшей заветные бочки, да как-то взглянул на противоположную сторону горы — и видит он: идет на него войско, так стройно, ружья все направлены прямо на него.

Он бросил все и бежал домой без оглядки. На другой день мужичок пошел на гору, но не нашел ни скребка, ни лопаты. Если бы он не струсил, то, без сомнения, клад достался бы ему.

НА СИНИХ ГОРАХ

За Волгой на Синих горах, при самой дороге, трубка Стенькина лежит. Кто тое трубку покурит, станет заговоренный, и клады все ему дадутся и всё. Будет словно сам Стенька. Только такого смелого человека не выискивается до сей поры.

СМЕРТЬ БУЛАВИНА

Схотел Петра Первый взять под себя Дон с казаками и всеми людьми, что до казаков из Расеи прибегали. Надумал он такое дело и шлет до Игната-сударя грамоту. Прибегают с той грамотой царские послы, призывают до себя Игната, казаков, читают грамоту. Казаки слухают. Прочитали послы, а мир отвечает им:

— Не желаем под царя идти!

Послы гутарят:

— А мы заставим!

Казаки за сабли, пистоли. Видят послы, что дело сурьезное,— их могут порубать, они до царя. Прибегли. Петра Первый спрашивает:

— Все казаки под меня подписались?

— Нет, царь-батюшка! Не желают исполнять приказ, порубать нас хотели.

Тогда царь послал на Дон князя-бо́яра Долгорукова и полки ему дал. Прибег князь с полками да начал разорять станицы. Заберет какую станицу, казаков кнутом бьет, носы, губы, уши режет, а кого и в аскеры записывает. Стариков смертью казнит, женский пол для блуда берет. Младенцев невинных, басурман, и тех меж колод давил, в Дон бросал. Страницы пожег. Такой изгоны люди отродясь не ви́дали.

Люди до Некрасы, плачут. Видит Игнат-сударь такое басурманское дело князя-бо́яра, собрал круг. Шумит мир, а Некраса спрашивает:

— Что делать будем, атаманы-молодцы?

Казаки кричат:

— Убить князя-бо́яра!

Приговорил круг: «Убить Долгорукова!» Игнат с казаками сели на конь да побегли. Прибегли до князя. Некраса-батюшка подошел под Долгорукова да срубал ему голову при всем народе. Возмутился Тихий Дон от вершинушки до самых устюжей. У нас песня про то играется...

Узнал царь про смерть князя да другого прислал на Дон, с целой армией. Игнат себе собрал армию. Пошли тут баталии смертные. В войске Некрасы были разные люди, а больше донских казаков. Разбил он всех на полки, поставил полковников, а над ними атаманов — своих братьев. У Некрасы три брата было: Драный, Голый, Булавин. Брату Булавину достались полки черкасских казаков. А Иг-

нат забыл сказать Булавину, что руководитель должон сам себя сохранять.

Ну, собрал свою армию Некраса да на штурму пошел. Вывел казаков в степь. Остановил свое войско, а сам пошел на рядант. Влез на него, глянул на казаков через персты правой руки и зарадовался: все войско в шапках стоит. Подошел он до своей армии и гутарит:

— Победа, атаманы молодцы, наша! Все в шапках!

Когда в войске перед штурмой не все в шапках, то в поход идти нельзя.

Пошло Игнатово войско на штурму. Стал Игнат-сударь города брать. Князь отступает. Шло дело так, шло. Князь пишет царю: «Царь-батюшка, Некраса города берет, подмогу шли».

Прочитал царь донесение, собрал всех инаралов, полковников, князьев-бо́яров да гутарит:

— Собирайте полки, идите на подмогу до князя.

Прибегают все они на Дон, а следом сам царь. Узнали черкасские, что царь с новыми полками пришел, стали думать: «Что теперича будем делать? Победит царь, казнит нас всех». Думали, думали да гутарить стали.

Одни совет дают:

— Давайте Булавина побьем.

Другие спрашивают:

— А как мы его побьем?

— Так и побьем! — гутарят первые.— Пойдет Игнат на штурму, а мы — на его брата Булавина.

Сражение идет смертное! Некрасе где в такое время доглядеть за всем?! Сошлися две армеюшки. Идет великая штурма. Видят такое дело черкасские, что Игната нет рядом, они тогда вкупе и сделали измену: убили Булавина. Убили да написали про то царю. Дали грамоту одному казаку-изменщику. Положил он ту грамоту в зепь и побег до царя. Петра Первый прочитал грамоту и всех черкасских до себя принял.

Сражение идет, а Игнат-батюшка не знает про измену. Отцы наши песню играли:

Не две тучушки, да не две грознаи, они сходилися,
Ой да, сходилися, соезжалися они, две армеюшки:
Как армеюшка, братцы, она царя белого, Петра Первого,
Да армеюшка была донских ко́заков, все некрасовцев.
Они билися, братцы, да рубилися день до вечеру.
Со вечерней поры они да рубилися до полой ночи.
Со поло́й-то ночи они рубилися до красной солнцы.

Со красной-то солнцы война, братцы, утоляется,
У Игната-сударя в армеюшке несчастье солучается:
Как убили в его полку что ни главного инаралушку,
Что ни главного инаралушку, по прозванию Булавина.
Ой, как не до смерти его убили, да больно ранили.
Да как не смог, не смог он, инаралушка, на коню сидеть,
Ой, и не смог-то он, раздобрый молодец, за узду держать.
Как упал, упал он, брат-некрасовец, да упал с коня,
Ой, упал он, братцы, инаралушка, да коню под ноги,
Да коню под ноги, раздобрый молодец, на сырую землю.

Прибегли казаки до Игната, докладают ему:

— Черкасские Булавина убили.

Тогда Некраса собрал полки да пошел на черкасских. Много изменщиков порубал Некраса. Кто из домовитых в живых остался — все до царя убегли.

Черкасским не с руки было за Игнатом идти. Не держи Булавин домовитых, он бы жизни не лишился.

Игнат-сударь с Кубани много раз на Дон ходил. Как придет, так домовитых вешает. Они были всему делу и войску изменщики.

УЙТИ ОТ ЦАРЯ ДА ЦАРИЦЫ — НЕ ИЗМЕНА

Задумал Некраса уходить от царизмы, созвал свой народ и приказ дал:

— Сейте коноплю.

Посеяли. Выросла конопля, убрали. Бабы много натрепали кудели и не знают, что с ней делать. Тогда Игнат гутарит:

— Вейте веревки, казаки! А вы, бабы, натките холста.

Навили казаки веревок, бабы холста наткали. Сделали все, как Некраса гутарил, и думают себе: «Зачем Игнату столько веревок?» Думали, думали, ничего не надумали.

Вскорях царь Ероха войной пошел. Прибег на Дон, станицы огнем стал жечь, казаков казнить, младенцев меж колод давить.

Игнат-сударь видит такое дело да думает: «Уходить надо!» Вот повел он свой народ на Кубань. Спасал Игнат своих людей.

Привел всех на Кубань, станицы построил. А тут Катярина до него прибегла. Муж у ней помер. Она схотела за Игната замуж пойти. А Некраса не схотел Катярину брать.

Вышло промежду ними несогласие. Катярина войско на Игната послала. Думал, думал Некраса да надумал: «Дальше уходить!» В Расею нельзя — царица всех казнит. На Кубани жить нельзя. Куда денешься? Вот и повел казаков на Черное море. Пришел. Тут-то те веревки с холстом пригодились.

Построил Игнат корабли. Всем паруса, веревки требовались. Без паруса не пойдешь в море.

Посажал Некраса народ на корабли да побег по морю.

Когда народ на кораблях уходил, Катярину, Расею бранили. У нас и песня о том играется:

Ой да, вдоль по речке, по реке,
Да, вот, легка лодочка плывет,
Легка лодочка плывет
Да за собой много ведет.
Ой да, за собой много ведет —
Да тридцать восемь кораблей.
Да тридцать восемь кораблей,
Да на корабличках людей.
Ой да, на корабличках людей,
Да по семисот молодцов,
Ой, по семисот молодцов,
Да Игнатовых казаков.
Ой да, хорошо гребцы гребут,
Да гребцы песенку поют.
Гребцы песенку поют
Да разговоры говорят.
Разговоры говорят,
Ох, мать Расеюшку бранят:
— Ох да, мать-Расея, мать-Расея,
Да мать расейская земля!
Да мать расейская земля,
Ой, много горя, горя принесла.
Ой да, Катяринушку бранят:
Много крови пролила.

Как не бранить?! Гонение Катярина делала. Наших предков земли лишила, с Кубани выгнала, всей Расеей завладела, народу притеснение делала. Не от хорошего Игнат с людьми ушел! Предки наши так-то и играли про свое горе.

Сперва они на Одессу побегли, с Одессы на Теркус путь держали, а потом на Царь-Град. Как с Теркуса поплыли на Царь-Град, тут-то застигла шторма. Миру погибло множество. Видит Игнат, как народ потопает, а живые убиваются по родным, близким, он и гутарит:

— Смотрите, ребятушки, не отставайте! В море родня,

братья не считаются. Живые берегите живых. Мертвым — мертвое. Будете спасать потопших да добро по синю морю — погибнете! Кто живой, тот и мой ⟨...⟩.

Вся Подиль-коса на Черном море мертвыми и добром была усеяна. Кораблей, лодок, байд штормой разбило множество.

Народу больше погибло бы, как стали б в шторму спасать других. Нельзя того делать. Кораблям в такое время надо уходить друг от дружки.

Кто вживе остался, побегли с Игнатом на кораблях до Царь-Града. Они поселились на Енозе и Майнозе ⟨...⟩.

КОРАБЛЬ ИЗ ГОРОДА ИГНАТА

Рассказывала бабушка Караелева, да и дед Исак Петрович говорил, как арабы хотели взять с Мады одного казака да отвезти его в город Игната.

Арабы говорили мадьевским:

— Есть люди, похожие на вас, живут они за Пещаным морем. У них свой город. Обнесен он стеной, охраняют его оруженные казаки. Есть у них церква. Женщины, девки того города носят сарафаны, балахоны, кокошники. У девок золотые мохры заплетены в косах. Рядом со стеной у них кузня поставлена, столовая. Кто едет, они того накормят, напоят. Кому надо подковать коня, колесо исправить — все сделают, а в город свой никого не пускают.

Побоялись мадьевские отдать арабам казака. Потом они жалели. Искали тех людей, да не нашли.

Прошло время, казаки с Мады пошли искать город. Бабушка Караелева говорила, что казаки доходили до одного озера, слыхали, как кочеты кричали, звоны звонили, собаки лаяли, люди говорили. Слыхали, как песни играли, а найти — не нашли города. Туманом закрыт он. С какой стороны ни подходили, а увидать так и не увидали.

Походили округ озера казаки да ушли. Вскоре из того города в Царь-Град прибег корабь. Сошли с того корабля люди на берег. Видят они мадьевских, спрашивают:

— Вы некрасовцы?

— Некрасовцы,— отвечают казаки с Мады.

— А откуда вы?

— С Мады.

— Вы прибегали на озеро?

— Прибегали.

— Чего прибегали?

— Своих людей ищем, город Игната.

Переглянулись люди с корабля, усмехаются:

— Не найти вам того города!

— Как — не найти?!

— Да так и не найдете.

Ну, поговорили так-то да пригласили мадьевских до себя на корабь, напоили их. Вот один мадьевский напился, стал пытать у тех людей:

— Как найти город Игната, люди добрые?

— Не найдете вы города!

— Отчего так?

— Спросите своих стариков.

— А чего спрашивать?

— Они вам скажут про Игната, что он им говорил.

— А что Игнат говорил? — пытает мадьевский.

— А Игнат говорил: «Кто пошел со мной, тот мой». А ваши старики не пошли за Некрасой. Чего ж искать потерянное? Не найдете!

Ну, гуляют на корабле да посмеиваются над мадьевскими. А тот, что перепил, возьми да скажи с пьяных глаз:

— Найдем, мать вашу!..

Начал он ругаться, корабь-то и пропал. Стоят мадьевские на берегу пьяные, а корабля нет. Казаки чуть не убили того, кто ругался.

Бабушка сказала:

— Глупой тот казак, зло для всех сотворил. Как у него язык не отсох за такие слова?! Может, те люди на корабле за нами прибегали? А он все дело испортил. Круг после учил неразумного, да что пользы!

ПОЧЕМУ ПЛАКАЛ ЦАРЬ?

Задумали мы, некрасовцы, переселяться на родину в 1908 году.

А как идти в Расею, когда мы ее не знаем? Вот старики приговорили на кругу: «Послать ходоков».

Поехали наши ходоки в Расею. Мой родитель Тимофей Михайлович Мантаев был тоже ходоком. Когда вернулись из Расеи, родитель гутарил:

— Приехали мы в самую Москву, а потом — в Питенбург. Принял нас царь.

— Кто вы? Что за люди?

— Мы казаки-некрасовцы.

— Где живете? — спрашивает царь.

— Живем в Турции. Предки наши ушли с Дона от царя с царицей. Долго мы пробыли у турка, а теперича не хотим у него жить, желаем в Расею.

Царь спрашивает:

— А есть у вас предметы — документы, что вы, некрасовцы, русские люди?

— Есть,— отвечаем царю.

— Ну, покажите.

— Не могем того сделать, у нас с собою нет.

— А где же предметы?

— Мы бы показали вам, царское величество, да все предметы на Майнозе остались.

— Привезите предметы, тогда гутарить станем.

Дед Шашкин, Егор Иванович Семутин, мой родитель возвернулись на Майноз. Собрался круг, все доложили о разговоре царя. Круг решил: «Дать ходокам знамя Игната Некрасова и грамоту от круга за Игнатовой печатью».

Взяли все это ходоки, побегли в Питенбург. Прибегли. Пришли до царя. Дали ему документы, предмет Игната.

Царь развернул знамя, поглядел через него на солнце, увидал на нем Игната оруженного. Тогда царь поверил, что мы некрасовцы, и сказал:

— Да, вы русские казаки! Вот теперича вижу, что вы некрасовцы. Нельзя вам у турков оставаться, надо переселяться в свои пределы. Нельзя, чтоб вы погибли на чужой земле. Вы много страдали в своей жизни...

Гутарит так царь, а сам глядит на Игнатов портрет и плачет. Дюже ему было удивительно: «Триста лет где-то наша русская кровь пропадала, терпела много зла, а вот все живая и возвертается в Расею!»

Тогда сказал царь:

— Дам я вам землю, живите на ней! Хватит скитаться.

Выписал нашим ходокам документ на землю. Приехали они на Майноз. Поднялись мы, рыбаки, и пошли в Расею. Пришли, а земли на Дону нам не дали. Поселили в Грузии. Старики, дед Шашка, Е. И. Семутин, мой родитель сказывали:

— Правду наш Игнат гутарил: нельзя до царя возвертаться, царь обманет.

Землю нам на Дону и Кубани не дали. Мы были беженцами, пока не пришла Советская власть.

Старики наши все знали, про все гутарили, а вот чего царь плакал, так и не узнали. Мы тоже не знаем, чего это царь плакал.

О ПУГАЧЕВЕ

Пугачев-то был-то был, да под именем Петра III, Петр Федорович. Он только назывался Пугачевым. В конце-то концов он здесь женился из нашего поселка, здесь формировал казаков.

Он сошелся не то с итальянской барышней, не то с княгиней. Она заняла его престол, а его скинула и дала известие поймать его и доставить живым. Его поймали.

Взвод полковников, не полковников, а оборотней казаков устроили выпивку. А Пугачев и жену с собой взял. Ну, вот, обратился Пугачев к казаку и попросил чарку водки. А главный-то говорит:

— Ему и воды много.

А казак попросил:

— Я ему свой пай отдам.

Когда туда доставили Екатерине Пугачева, сказали, мол: «Привели». Вышла она, посмотрела и говорит:

— Ну, что, набегался?

— Ну да,— говорит.

Сошла она с престола и отдала ему престол. Этого казака,что водку ему давал, полковником сделала, а полковнику голову велела отрубить.

А у Петра уже ребенок народился. Жену он отправил в монастырь, а сам на престоле остался. Это все точно было.

ПУГАЧЕВ В СТАНИЦЕ ТАТИЩЕВСКОЙ

Дотла выгорела станица Татищевская, когда на нее наступал Пугачев. Солдатам пришлось расположиться где попало. Они были грязны и оборваны. С утра многие принялись за дело: кто уцелевшую от пожара баню топил, кто мундир чинил. У всех было хлопот полон рот.

День был будничный. Татищевский народ тоже не сидел сложа руки. Мужики ладили погоревшие избы, бабы с ног сбивались по хозяйству. Ребятишкам — и тем работа нашлась. Кто побольше — старшим помогал, поменьше — на пожарищах рылся.

По улицам служивый казак расхаживает, черную бородушку разглаживает, кривой сабелькой позванивает. Пистолетики на поясе, а сам поясок — из турецкого тканья. На руке ременная плеточка. Казакин на нем донского покроя, как маков цвет горит, а шапочка с красной маковкой.

Увидала его вдова Игнатиха, рукой машет:

— Ой, служивый, все за делами, а ты праздно расхаживаешь да бородушку разглаживаешь. Шел бы ко мне да помог вдове: не по силам бабе с лесом возиться, избу подлаживая.

Подходит к ней служивый казак, видит, в самом деле, бревно бабе не под силу, а изба лишь только начата.

— Не по плечу, вдовушка, одной возиться с избой!

— Вестимо так, да некуда деться. Подшиблась я этим годом: хлебушка в поле не собрала, скотинушка какая была и ту размотала. По́мочь хотела устроить, да кишка тонка. Вот и решила сама избу по бревнышку прикладывать.

— Дай-ка инструмент! — сказал тут казак и плюнул в ладонь.

Откуда ни возьмись, еще двое служивых подошли.

— Мы к вам,— говорят,— ваша милость, на подмогу явились.

— Дело хорошее,— говорит,— надумали, принимайтесь.

Те взялись: бревна зарубают, на место укладывают. Увидали служивых солдаты и повалили валом к Игнатихе. Кто за матицу берется, кто наличники размеряет. Два татарина козлы поставили, трое балку на них волокут, на пол доски хотят изготовить. Четверо стариков косяки тешут.

А служивый, что первый давеча подошел к Игнатихе, стал вроде за главного: на солдатиков покрикивает, служивых поторапливает, а кое-кому и указывает. Работа кипит, а Игнатиха сомневается. Собралось народу немало. К вечеру изладят сруб. Людей покормить надо, а на такую ораву где что взять. По куску обделить — возом не отделаешься, а

по два дать — и сумы не хватит. Служивый услыхал и в бороду посмеивается.

— О чем другом, о хлебе сомнений быть не должно. Не дозволю я солдатам опивать и объедать мужиков, а тем паче вдов.

Тут Игнатиха и поняла, что перед ней не простой служивый, а сам Емельян Иваныч Пугачев. Повалилась ему в ноги и голосит:

— Кормилец ты наш, батюшка, прости меня, глупую станичную казачку. Не разглядела я в тебе высокого роду-племени, не заставила бы я мозолить твои рученьки.

Емельян подходит к ней и ласково хлопает по плечу:

— Петр Великий — не нам чета был и то черной работой не брезговал. Не плачь! Достроим избу, сумеем новоселье справить. А о моих руках не печалься: они ко всему привычные. Не хуже деда я и ладью снаряжу, и коня подкую.

Поманил Емеля служивого и говорит:

— Избу обладим — прикажи в нее бочку вина доставить.

На третий день к вечеру в избе Игнатихи уселись за лавками работники. Пугачева посадили в красный угол, рядом — Игнатиху.

Виночерпий с рваными ноздрями разносит чару медвяного. Первому подносит Емеле. Тот поднимает и говорит:

— Выпьем за здоровье хозяюшки!

А Игнатиха осмелела и ему в ответ:

— Я и так здорова, как корова, только с здоровьем, батюшка, одна колгота. Не в пользу оно без мужика.

— Ладно,— говорит Емеля,— выручим тебя из нужды, обладили избу, ну, и мужиком не обидим.

И не обидел, нашел и мужика! Четырех детей от него родила Игнатиха. Только мужику ее крепко доставалось. Станичные атаманы притесняли его за службу у Пугачева, не давали временами ни земли, ни сенокосов. Но мужик терпеливый был, никогда никому не жаловался на обиды. Игнатиха любила мужа и до гробовой доски помнила Емелю Пугачева. Когда казнили его в Москве на Красной площади, она в станичное управление с поминаньем пришла, записать за упокой раба божья Емельяна. То-то баба глупая: пришла сама к черту на рога!

Станичный писарь так раскричался, что полстаницы собрал народу. Кутузкой Игнатихе грозил. Та хоть и напугалась кутузки, но перед сном всегда молилась:

— Помяни, господи, убиенного раба твоего и благодетеля нашего Емельяна Пугачева.

И не одна Игнатиха добрым словом покойника поминала.

Радельный был Пугачев до мужиков.

ПУГАЧ И САЛТЫЧИХА

Когда поймали Пугача и засадили в железную клетку, скованного по рукам и ногам в кандалы, чтобы везти в Москву, народ валма валил и на стоянки с ночлегами, и на дорогу, где должны были провозить Пугача,— взглянуть на него. И не только стекался простой народ, а ехали в каретах разные господа и в кибитках купцы.

Захотелось также взглянуть на Пугача и Салтычихе. А Салтычиха эта была помещица злая-презлая, хотя и старуха, но здоровая, высокая, толстая и на вид грозная. Да как ей и не быть было толстой и грозной: питалась она — страшно сказать — мясом грудных детей. Отберет от матерей из своих крепостных шестинедельных детей под видом, что малютки мешают работать своим матерям, или другое там для виду наскажет — господам кто осмелится перечить? — и отвезут-де этих ребятишек куда-то в воспитательный дом, а на самом-то деле сама Салтычиха заколет ребенка, изжарит и съест.

Дело было под вечер. Остановился обоз с Пугачом на ночлег. Приехала в то же село или деревню и Салтычиха: дай-де и я погляжу на разбойника-душегубца, не больно-де я из робких. Молва уже шла, что когда к клетке подходит простой народ, то Пугач ничего —разговаривал, а если подходили баре, то сердился и ругался. Да оно и понятно: простой черный народ сожалел о нем ⟨...⟩. А дворяне более обращались к нему с укорами и бранью: «Что-де, разбойник и душегубец, попался!..»

Подошла Салтычиха к клетке. Лакеишки ее раздвинули толпу.

— Что, попался, разбойник? — спросила она.

Пугач в ту пору задумавшись сидел, да как обернется на зычный голос этой злодейки и — богу одному известно, слышал ли он про нее, видел ли, или простонапросто не понравилась она ему зверским выражением лица и своей тушей — да как гаркнет на нее, застучал ру-

ками и ногами, инда кандалы загремели, глаза кровью налились: ну, скажи, зверь, а не человек. Обмерла Салтычиха, насилу успели живую домой довезти. Привезли ее в именье, внесли в хоромы, стали спрашивать, что прикажет, а она уже без языка. Послали за попом. Пришел батюшка. Видит, что барыня уж не жилица на белом свете, исповедовал глухою исповедью, а вскоре Салтычиха и душу грешную богу отдала. Прилетели в это время на хоромы ее два черные ворона...

Много лет спустя переделывали дом ее и нашли в спальне не потаенную западню и в подполье сгнившие косточки.

О ДЕЯТЕЛЯХ РУССКОГО РЕВОЛЮЦИОННО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

БУНТ КНЯЗЕЙ И ГРАФОВ

У царя на службе в самом царском дворце и в армии служили разные князья и графы. Когда они далеко от дворца не отлучались, то им казалось, что в России народ живет, как кот в масленицу.

Князья эти да графы были молодые, жили они ни о чем не тужили, разве что птичьего молока им не хватало. Жить бы им там бы да жить, чего, казалось, человеку еще надо. Но года шли, князья с графами в годах стали, и не понравилось им, как дела по всей России идут. С летами они стали ездить по губерниям и насмотрелись, при какой большой нужде народ живет. Рубахи-обмывахи и той у некоторых нет, люди временами, как мухи, от голода мрут, а царь со своими сенаторами от жира бесятся, живут вдоволь на мирские крохи.

Те графы, что в армии служили, тоже насмотрелись на участь солдат. Солдаты письма получали — одно горше другого. У кого хата сгорела — в сарае, дескать, живут, у кого корова сдохла — семья голодует. Да мало ли бед раньше в крестьянской жизни было. Графы и князья, что при дворе служили и в армии, промеж собой в родне были. Один брат Воконского в полку гвардейском был, а другой во дворце служил при самом царе, самым близким человеком считался. У братьев Муравьевых, Бестужевых и Кюхельских и у графов Толстых то же самое получилось: один в армии, другой при дворце. Друг к другу они в гости ездили, переписку имели. Они о том сами сказывали. Вот на каком-то празднике они сошлись все вместе, сделали тайное собрание. На том собрании они вынесли решение: царя убить, всех сенаторов заставить своим горбом себе хлеб добывать, а у власти поставить добрых людей, чтобы народ на себя работал, а не на царя да его сенаторов.

Так порешили они на том крепко и разъехались кто ку-

да. Те офицеры, что в армии были, подговорили на восстание других командиров и солдат, а князья при дворе готовили народ, который в самом Петербурге жил. Никто о том, что над царем и сенаторами петля затягивается, не знал. Все делалось втайне, в большом секрете держалось.

И вот за неделю перед самым рождеством христовым офицеры и князья вывели ко дворцу войска и давай бить из пушек да из ружей. Царь насмерть перепугался, не знал он, что делать, скорехонько собрал сенаторов и давай с ними совет держать. Пока они советовались, а из дворца половина окон уже было повыбито, стены ходуном ходили, с потолков лампы попадали. Царь хотел было на балкон выйти, да ноги его не несли, забился он в лихорадке, да и к тому же его медвежья болезнь подхватила. Потом он немного пришел в себя и сказал своим сенаторам и адъютантам-генералам, чтобы они подвели к дворцу его верные полки. А сенаторы и генералы ему говорят:

— Кого же вести, когда они сами по дворцу бьют из пушек и из ружей, нет, дескать, у тебя больше верных полков.

Царь от страха сразу обмер.

Генералы и сенаторы подумали: царь-то черт с ним, одного убьют — другой будет, а самим-то умирать не хотелось. Вот несколько сенаторов ползком выбрались из дворца, их никто не заметил, они переоделись: кто в монаха, кто монашкой, и выбрались из города. А за городом в казармах стояли еще полки. Солдаты и офицеры те ничего не знали об восстании. Сенаторы вызвали генералов тех полков, порассказали им, что на дворец бунтовщики напали. Те полки сдуру взяли да и скорехоньким маршем ко дворцу на помощь царю. Напали они сзади на восставших и такую смуту сделали, такую заваруху заварили, что не поймешь, кто кого бьет.

Бунтовщиков-то было не так много, а на подмогу царю пришло несколько полков. Дрались бунтовщики крепко, но не выдержали, начали разбегаться. Тут-то многих князей и графов из бунтовщиков поймали да сразу в крепость. Долго они сидели в каменных курятниках под землей, некоторые из них ослепли, многие сгорбились.

Самых главных зачинщиков царь приказал повесить. Их повесили. Несколько князей и графов сослали к нам. Тут, в Петровском заводе, они в тюрьме сидели, потом вольно поселились и жили до самой смерти. Добрые люди

они были, старики о них рассказывали и нахвалиться не могли.

Вот так-то эти князья и графы пострадали из-за царя-кровопийца. Потом народ этому царю за все отплатил. Царя не вспомянешь добрым словом, а тех князей и графов, что у нас страдали, народ помнит и доброе слово о них говорит.

КНЯЗЬЯ-КАТОРЖНИКИ

Лет так сто назад здесь, около Нерчинска, на каторге работали разные князья и графы. Их сюда привезли из Петербурга. Они против царя восстали. За то и в каторгу попали. Жили они все в одном старом бараке. Зимой у них головы к подушкам примерзали, а летом их дождь обливал. Несчастным графам и князьям после петербургских хором этот каторжный барак хуже смерти казался. Вот утром выгонят их на работу, построят около барака, кандалы на руках и ногах звенят, а они стоят смеются. Стража на это сердилась и говорила промеж собой, какую же им кару придумать, чтобы они перестали смеяться.

Сколько лет они в этих бараках жили, и каждый день перед бараком, куда их выгоняли, народ собирался, чтобы на них посмотреть. Глядит на них, бывало, народ и говорит: «За что же этих родимых сюда пригнали? Раз они против царя поднялись, значит, тот заслужил. Такие люди зря не поднимутся, голова у них на месте».

А при народе им веселее было, одному-то в горе труднехонько. Погонят князей в шахту, а люди за ними валом валят. Стража их отгоняет, палками бьет, а они все следом за ними идут. Вечером, когда работа кончалась, народ снова к шахтам шел и провожал несчастных до барака. Каторжное начальство боялось, как бы их народ не освободил, и стало оно людей с того места переселять подальше от каторги политических. И это не помогло. Люди и нз дальних мест к тем князьям-каторжникам на поклон приходили.

А когда к ним жены, сестры да невесты приехали, народу и того больше около каторжных собиралось. Тогда начальство испугалось, донесли они царю обо всем, и царь приказал перевести князей в Петровский завод. Там для них темную тюрьму построили, и прожили они в этой тюрьме, как затворники, до самой смерти.

КЮХЕЛЬБЕКЕР И ИРКУТСКИЙ ГУБЕРНАТОР

Царь знал, что ссылкой бунтарей не смиришь. Жили в то время те бунтари по всей Сибири и тут народ против царя настраивали. Узнал об этом царь и издал указ, чтобы всех бунтарей в Россию вернуть и здесь над ними строгий надзор учинить. В Сибири-то над ними не углядишь, а около себя спокойнее будет, тут тебе и сыщиков целая армия, и жандармов хоть пруд пруди.

Получил иркутский губернатор указ, чтобы ссыльного Кюхельбекера из Баргузина в Петербург домой отправить. Значит, вольную будто ему царь дарует, помилует. Поехал сам губернатор в Баргузин к Кюхельбекеру и говорит:

— Можешь домой ехать, царь тебе милость послал.

— Да мне и тут неплохо.— А сам подумал: «Чего я там не видел? Опять на проклятого царя смотреть, что ли?»

Видит губернатор, что с неохотой он весть принял, и снова говорит:

— Царской милостью пользоваться надо, а ты вроде на то сердишься.

— Дай мне срок. Вот десять воробьев на дорогу поймаю и снаряжусь в путь.

Губернатор согласился.

Проходит год, а ссыльный ни с места. Губернатор снова в Баргузин приехал и видит, что Михайло воробьев ловит. Тут он спросил его:

— Сколько ты поймал?

— Да вот, господин губернатор, ежели этого словлю, то еще девять останется.

Губернатор рассердился на Кюхельбекера, махнул рукой. Так ссыльный Михайло до самой смерти прожил в Баргузине, и никто его оттуда не мог выжить.

КАК КА́РЛОВИЧ КРЕСТЬЯНКУ ВЫЛЕЧИЛ

Приходит одна баба к Карловичу и говорит:

— Помоги, мой родимый, замучилась, головы на себе не чую, ноги с трудом волочу.

Посмотрел на бабу Карлович, стал во весь рост, подошел к ней и спрашивает:

— А давно вы перестали головы не чуять?

— Как чай не попила, так голова турсук турсуком, так и отламывается.

Приложил свою руку Карлович к бабиной голове, а баба и заговорила:

— Рука-то у тебя, Карлович, холодна, адали лягушку только из рук выпустил.

Карлович рассмеялся и говорит бабе:

— Значит, голову-то чуешь, раз говоришь, что рука холодная.

Бабе стало неловко от этих слов, и хотела она уйти, но Карлович ее задержал, дал ей осьмушку байхового чаю и сказал:

— Поправитесь — придете скажете.

Баба ушла.

Много прошло дней, пьет баба чай душистый и хвалит Карловича. А Карлович запечалился, думал, на самом деле баба захворала, раз не идет к нему. Не утерпел он и пошел к ней.

Заходит в дом и видит: баба куда с добром, квашню мешает и на лице красный цвет.

— Как здоровье? — спросил Карлович.

— Спасибо тебе, родимый, вылечил ты меня.

Карлович достал из курмы четвертушку цейлонского и дал бабе. Вот оно, бабье лекарство-то.

КАК ЧЕРНЫШЕВСКИЙ ЦАРСКИЕ ЗАГАДКИ ОТГАДЫВАЛ

Чернышевский умный человек был. Схватится спорить с царем, так царь всегда отступал, и против Чернышевского он в дураках оставался. Царю это не в понраву приходилось: как это так, какой-то простой Чернышевский да будет слыть умнее самого царя. Взял царь собрал себе во дворец всю знать, посадил за стол, тут на самом видном месте усадил он и Чернышевского. Вот, думает царь, сейчас я тебя так опозорю, что на веки вечные забудешь меня оспаривать.

Царь с царицей заняли тронное место, и задает ни с того ни с чего вопрос:

— Ответь мне, господин Чернышевский, почем ноне свинина?

Все удивились, некоторые даже громко ахнули, а Чернышевский встал и как ни в чем не бывало отвечает:

— Ежели свиньи такие, как ты с царицей, то нипочем.

От такого ответа царь с царицей в обморок упали. Чернышевского сначала за это посадили в крепость, а потом осудили и в Сибирь на каторгу привезли.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЦАРЬ

⟨...⟩ Чернышевский был самым главным и умным сенатором при царском правительстве. Как только надо царю что-нибудь сделать, он вызывал к себе сенаторов и в первую очередь самого Чернышевского. Вот у них начинался спор. Царь — свое, а Чернышевский — свое.

Однажды они до того доспорили, что Чернышевский сказал ему:

— По наружности ты царь, а по уму — баран.

Царь сразу же позвал стражу, заковали сенатора в цепи и в Сибирь. А с дороги видит Чернышевский, что его везде с лаской встречают, он и отписал царю: «Доброго человека и цепи украшают, а барана и в золоте не уважают». А весь спор-то, говорят, между царем и сенатором шел из-за того — нужен народу царь или нет. Чернышевский говорил, что народу нужен царь, как попу гармонь али рыбке зонтик, а царь говорит сенатору — без царя, что без бога, не дойдешь и до порога.

Хоть и пострадал за это Чернышевский, а он был прав. За то народ ему почесть отдавал.

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА

БЫЛИЧКИ, БЫВАЛЬЩИНЫ, ПСЕВДОБЫЛИЧКИ, ЛЕГЕНДЫ

О ЛЕШЕМ

СВЕТИ, СВЕТИЛО

Нашински мужики не однова́ в лесу лешего видали, как в ночное ездили. Он месячные ночи больно любит: сидит, старик старый, на пеньке, лапти поковыриват, да на месяц поглядыват. Как месяц за тучку забежит, тёмно ему, знашь,— он поднимет голову-то да глухо таково:

— Свети, све-тило,— говорит.

ЛЕШИЙ И РЫБАК

Дед мой был рыбаком. Рыбачил он на реке. Речка не так большая.

Вот в одну прекрасную ночь ехал с лучом и встретил лешего: стоит одной ногой на берегу, второй — на другом.

Дед вынужден был проезжать между них, между ног этих, и говорит:

— К этим бы ножищам да красные штанищща — был бы молодец!

Леший перешагнул реку, пошел в лес и захахал с повторением:

— Ха-ха-ха! К этим бы ножищам красные штанищща — был бы молодец!

А речка была примерно с Петровский канал шириной. Свободно леший мог переступить и бывшую Мариинскую систему...

ПЕНИЕ ЛЕШЕГО

А после заката уж. Мы домой идем, а я частушки пою, девушкой — молода была. А за рекой так длинно, дли-иинно, очень длинно так запело. И так запело, песни не

знает, а даже заунывье берё. И еще пуще. А мама мне и говорит моя:

— Замолчи!

— Что тебе, жалко? Крещены песни поют, а ты жалеешь петь.

— Я говорю, замолчи.

— Ну, мама, вот уж я не знаю.

А никого ведь близко нет, никого, все дóма, в деревне, за десять километров. А батюшко удит, покойный родитель. Я еще попела, мама у меня строго глазами мне:

— Я тебе говорю, что замолчи.

— Мама, а кто поет это?

— Замолчи.

— А мама, скажи, кто поет?

— Я тебе говорю, замолчи.

Я забоялась. Там еще маленько попело. Я замолчала — и затихло.

Батюшко приходит:

— Где заводим сено?

А мама — та и говорит:

— Тут слыхали байканьё, тут лешего водительство есть, тут,— говорит,— байканьё и плач ребячий слыхали, тут жительство есть за рекой. Ну, ему нужна река, промежка.

Да я забоялась, на дороге стою, дак не смею, что леший унесё. И припустили. Да что делать...

Пришли, надо ночевать там. За водой идти — не смею и в хате оставаться не смею — леший унесет. И болей никого не видала, вот только слыхала.

ХОЗЯИН ЗВЕРЕЙ ЛЕСНЫХ

А то раз заночевал человек в лесу. Сидит у костра да шаньгу ест. И вдруг слышит и треск, и гром — идет кто-то. Посмотрел это он: а лесовик идет, а перед ним, как стадо, и волки, и медведи, и лисы бегут. Так и лоси, и зайцы, и всякое зверье лесное. Как же он испугался — и боже мой, а тот к нему подходит:

— Что,— говорит,— человек, шаньги дай кусочек.

Дал он ему шаньги половину. Тот давай ломать да зверям давать, так и шаньга у него не меньшится. И волки сыты, и медведи сыты, и зайцы сыты. Вот лесной и говорит:

— Ты домой иди, не бойся, если волки тебя стретят, ты им скажи: шаньги моей кушали, а меня не трогайте.

Ну, он и пошел, а звери за ним. Тот человек тоже домой пошел — жи́ла у него вся дрожала. А бегут ему стрету волки, таки страшенны — сейчас съедят. А он и скажи:

— Мою шаньгу кушали, а меня не троньте.

Ну, они и убежали. Так он и домой пришел. И зверя никакого не боялся.

ЛЕСНОЙ СТАРИК И ОХОТНИК

Вышел один охотник рано утром, еще до солнца, на чучела (т. е., стрелять тетер на чучелы, из будки), а будка-то у него была очень далеко от деревни. Своротил он с дороги и идет на свое место. Пришел, поставил на березу чучело и стоит.

Слышит: шум в лесу и все ближе к нему двигается. Он за сосну и спрятался. Вот и видит: мимо сосны этой старик с вицею в руке гонит стадо лисиц — штук этак с тридцать. Увидал это мужик да и своим глазам не верит «Постой,— думает,— одну подстрелю». Только что он подумал это, а старик и грозит ему хворостиной. Мужик опустил ружье и говорит:

— Дедушко! Дай мне одну.

— Нельзя-нельзя! Это отданы уж, а тебе чрез неделю на этом месте двух уже дам — приходи! — отвечал старик.

Старик ушел и лисиц угнал.

Через неделю мужик приходит опять на это место и смотрит: прибегает лисица — он выстрелил в нее. Не успел этой подобрать, смотрит: другая прибежала — он и эту убил.

СУД ЛЕСОВОЙ

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, в одном поселке жил охотник. Только это не сказка, а быль.

Однажды пошел он в лес охотиться, добывать пушнину.

Все уже разошлись по своим зимовьям, а он даже никакой белочки не добыл. С такой обидой и пошел домой. А

на каждый день такая дула пурга — белого света он не видел. За всю осень солнышка даже не увидал. Старуха дома на него напала:

— Все добывают белки, соболя, то, друго — а ты ничего не добыл! Только продукты тамака ходишь жрешь в зимовье.

— Ты пошто такая чудная, старуха-то? Ты сходи-ка в лес, посмотри, чо там творится-то! Убежала бы в первую же ночь.

— Ну, тогда не ходи и на вторую осень. Тебе там делать нечего.

— Попытаю счастья, может, погоды не будет.

Собирается на следующий год. Приходит в тайгу. И на каждый день все погода, погода, погода. Опеть вторая осень проходит, опеть с одним пустым варежкам дед идет домой.

Старуха еще того тошней на него напустилася:

— Да ты чо? Потешь, наверное, лежишь в своем этом зимовье?! Тебе лень ходить охотиться! Почему-то все другие-то с пушниной!

— Дак, а погода не везде,— говорит,— где какая речка или ключик — там и погода. Где нет ключей, там и погоды нет. Вот так.

Попытаюсь на третью осень сходить, а ничего не будет — брошу! И совсем охотиться не буду. Так чо-нибудь работать буду.

Подходит третья осень. Только заходит в тайгу — снова погода! Но! День, два, три, неделя! «Эх, погодка ты погодка! Докуда ты будешь дуть,— говорит.— Я тебя сейчас проучу!»

Снимает ружье — бах! В погоде стон пошел. Ага! — думает, мне то и надо. А погода тише, тише, и стон этот скрался. Ясное небо стало. «Эх, надо было мне сначала это дело провернуть!»

А время было уже в под вечер. Приходит в зимовье, сварил ужин, разувается, ложится спать. Слышит: бряк, бряк, бряк! Чо это такое? Потом слышит: «Тпру-у-у!» Потом: стук, стук, стук!

— Хозяин, можно, нет зайти?

— Пожалуйста, входите. А кто вы такие будете?

— Да кто такие? Охотники, как и вы! Ты вот нашего охотника подстрелил, собирайся теперь на суд. Да ты не бойся — ничо тебе не будет, а ему еще дадут нотацию, этому охотнику.

Старик давай обуваться, собираться. Выходят, садятся в глухую повозку. Поехали — только горы мелькают.

Приехали. Идет ихний суд, лесовой.

— Ну-ка, расскажи, в чем дело? Зачем ты нашего охотника подстрелил?

— А вот еще в третьем годе я ходил, все время пурга была. Как нарочно! Хоть один день был бы хорошим! Я проходил так и с простым варежкам домой вышел.

На другую осень снова пошел, думал, может, на другую осень добрая погода будет. И на каждый день снова идет все погода. Опеть я с простым варежкам выхожу. Все остальные добывают как добрые охотники, а я с пустым варежкам. Хоть бы нарочно какая белочка была бы. Ну, чо сделаешь? Решился — попытаю третью осень. Ничо не выйдет — бросаю этот лес и больше и заходить не буду туда. И вот целую неделю проходил впустую. Меня вынудило, снимаю ружье и бах — в погоду. Слышу стон, и погода стихла. Думаю: давно бы мне надо было это дело провернуть. Прихожу в зимовье, чай сварил, попил, лег спать. Слышу — колокольцы: бряк, бряк, бряк. Думаю: так чо-нибудь, в ушах, может, шумит? Слышу — кони: топ, топ, топ. Потом «Тпру!» — у дверей. Потом подходит: стук, стук, стук. И вот я здесь и вам словами объясняю.

— Садитесь. Ну, а теперь вы, охотник, из-за чего это все ему натворили.

— Дак чо? Так и так.

— Так не так, а отвечай так, как надо. Арапы тут наши глаза не замазывай. Ты каждый день ему солишь. А зачем ты ему солишь? Ему пушнину надо, а ты ему не даешь ничего. За твою ахинею ты ему поплатишься соболями, лисицами, горностаем и белочкой. А вы, дед, можете свободным быть.

Как приедешь, вырубай прут подлинней, открывай боковушку и вставай за дверью. А мы погоним тебе зверей. Один за одним звери пойдут. Первым табуном пройдут белки, вторым пойдут горностаи, третьим — соболя, потом лисицы пойдут. Сколько ты сможешь хлыстать прутом, кого хлыстнешь — останется твой. Кого не успеешь — уйдет.

Ладно. Приехал в зимовье, уже развянуло. Раскрывает боковушку, приготовил кнут и давай хлыстать. Хлыстал, хлыстал. Сколько-то нахлыстал белки, горностаев, соболей, лисиц — набил кучу подходящую.

Слышит голос:

— Ну, чо? Хватит?

— Хва-атит.

— Смотри, не обижайся. Пушнину эту отвезешь, высушишь. И больше тебе в этом лесе делать нечего! И не заходи. Твоей белочки больше здесь нет. А если зайдешь, так и останешься навечно в этом лесе.

— Ладно,— говорит,— мне и этого навеки хватит.

Вот они уехали, он давай снимать эту пушнину. Снимать, сушить ее. Вытаскал ее до дому, манатки свои собрал кое-какие.

— Ну, до свиданья,— говорит,— лесочек. Больше я не приду сюда!

Потом он набрал вина, меня созвал, мы с ним выпили. А на дворе у него стоял колодец, там рыба елец,— и моей были конец!

ПОШЕЛ ПО ЛЕСУ СИЛЬНЫЙ КРИК...

В одно время охотник вышел на охоту. Ходил он целый день и не мог сыскать ни одновой птицы, а также и зверя. На закате солнца увидел на елке белку. Когда он зарядил ружье с медной пуговицей, выстрелил в нее, то вместо белки послышался человечий голос. Охотник сдогадался, что это дело не ладно выйдет, и поспешил на ночлег в срубленную им в лесу избу. Мечтает то, что в виду белки окажется нечистый дух. Поспешил поужинать, снарядил чурбан в свою одежу, уложил его на лавку, а сам с заряженным медной пуговицей ружьем лег под лавку и стал ожидать чего-то.

Минут так через десять является из лесу большого роста человек с длинной рогатиной. Открыл дверь избы и ударил рогатиной наряженный охотником чурбан с приговором: «Вот тебе за давешнее!» Охотник долго не думал, произвел в его выстрел со словами: «Вот тебе и за теперешнее».

После этого пошел по лесу сильный крик и собралось несколько таких человек и стали говорить что-то не по-нашему. Охотник понял то, что как будто бы он остается не виновен. Видно было, что это говорил ихний на́больший. И еще он проговорил, призвал к себе охотника из избы и сказал ему, что «спи, мужичок, спокойно». А им начал говорить на русском языке, что «я не для того распустил вас

по лесу, чтобы смущать, которые нам неприкосны, а только тех, которые боле веруют в нас». Охотник после этого вернулся домой и рассказал про свое событие, что с ним случилось в лесу, и через неделю помер.

ЛЕШИЙ-КУМ

У нас будто в Чаваньге было, давно.

Раньше ведь в деревне были мешочны зыбки: лучки загнут, мешочек вошьют да и робенка повалят.

Сенокос пришел, робенка оставить не с кем было. Пошли и робенка с собой взяли, а сенокос-то близко был, полтора километра, прислоны называются. А теперь поля разведёны там. Привязали к лесины, сами косить стали. Заревет — так мать пососит да покачает, и опять косят.

Вот до вечера докосили, она и говорит мужику:

— Я пойду за коровами (они в лесу были), а ты у меня робенка не забудь, неси,— говорит.

Ну, а мужик покосил, покосил. Робенок спит. Он и позабыл его в лесе, и оставил у лесинки. Прибежала женка с коровами.

— Где робенок?

— Ой, забыл!

Она и побежала. Так бежала, что гора перва, потом мох, потом осота (которой косили). Видит: человек сидит, зыбку качает. Так зыбку качает — во все стороны ходит. Она и забоялась пойти. И говорит:

— Если дедушко качаешь, будь мне-ка отец родной, а если бабушка качаешь, дак будь мамушка мне!

А он все качает, приговаривает:

— Мать тебя оставила, отец позабыл!

А она все стоит, он не отвечает ей ничего.

— А если,— говорит,— в средних годах мужичок, дак будь мне-ка брателко, а если молода женщина, будь мне молодица.

А он все качает, приговаривает.

— А если,— говорит,— молода девица, будь мне-ка сестрица, а молодой молодец, будь мне-ка куманек!

Он говорит:

— Поди, возьми. А, куму нажил! Ха-ха-ха, куму нажил!

Она взяла робенка.

И с той поры у ей коровы никогда в лесе не спали. Как вечер заприходит, он все гонял их домой:

— Кумины коровы, подьте домой!

Коровы скачут, хвоста заворотят! Кто идет в сенокос, так слышит:

— Кумины коровы, подьте домой!

Это у нас в деревне будто было, в Чаваньге, там полято матерущи были.

(Раньше-то верили: потому и «водило». А теперь ни во что не верят. И не «водит».)

ПРОПАЛА ЛОШАДЬ

У меня был батюшка, все рассказывал он про себя, про свои бывальщины, что у него было, на веку происходило.

Вот: потерялась лошадь. И не одни сутки найти ее не могли. Сходили к знатку-то. Ему сказали:

— Иди, ищи лошадь.

— Ну, ладно...

— Надо выйти сперва за деревню да переодеться, на левую сторону вывернуть белье.

Он так и сделал и пошел.

Попадает старик навстречу, седатый, с батожком.

— Дедушко, не видал лошади?

— Видал, видал. Иди,— говорит,— лошадь стоит там у большой березы, на межине.

И я пошел, говорит, лошадь стоит. Траву выгрызла всю до земли. И такая,— ну, выголодалася вся,— шатается даже.

Нашел лошадь.

ВСТРЕЧА С ЛЕШАЧИХОЙ

Одна женщина ходила искать коров в лес ночью. Видит: сидит на осиновом пне женщина, волосы длинные, да и говорит:

— Чего ты ходишь?

— Ищу коров.

— Да вона твои коровы!..

Посмотрела — а они тут и ходят. Так и нашла.

Это будто лешачиха сидела сама.

Так уж чушь это: видела б она лешачиху, так уж, наверно, померла.

С ЛЕШИМ ЗА РЫЖИКАМИ

Батюшка еще тогда был подростком. Пошел за рыжиками. Ну, и шел-шел. Правда, ушел далеко, на Ильинщину, как у нас раньше говорили. Ильинщина — тако место называлось.

Ну вот, говорит, встретил дядя такой, из другой деревни, из Поздышева. Покурили вместях, посидели на бревнышке.

— Пойдем,— говорит,— со мной.

Ну, пошли, говорит, рыжиков насобирали.

— Ну, пойдем,— говорит,— домой теперь.

Ну, и пошли. Он идет впереди, а я сзади. Шел-шел по тропинке и не знаю, куда он меня ведет. Еще подумал: «Куда он меня ведет? По какой тропинке? Я по той не ходил за рыжиками». А иду вслед. А он расхохотался впереди и потерялся.

А я, говорит, глаза открыл — стою в воде. А у нас как раз дом был на самом берегу, через озеро. Взглянул: да тут наша баня да и наш дом. Куда же он меня привел? Да я вернулся из воды да кругом такой мыс обошел, домой пришел, дак вот так дрожу весь — перепугался.

Была тетка Уля: всё Улина да Улина. Да тетка-то видит, что-то не спроста.

— Да что ты, Иванушко, что с тобой?

Взяла, меня повалила и скатертью накрыла. Что там она делала, не знаю. Я полежал да уснул. Проспался, встал.

— Ты смотри-ко, Иванушко, каких рыжиков ты принес.

— Каких?

Поглядел, а в корзине навоз коневий.

ЛЕШИЙ ВОДИЛ

А потом Яша был Штормин. Вот со Столбов его едва сняли. Вот ушел по грибы и потерялся. Вот потерялся, потерялся... Вот его искали, искали... И вот че-то на четвертый или пятый день обнаружили, нашли вот, на Столбах, на скале. Сидит наверху. Как он туды?! Вот. Но тот опеть так рассказывал:

...Попал, гыт, мне дед какой-то, дед, дескать, повел меня.

— Пойдем, я вот те натакаю грибы...

И вот, гыт, шел, шел я с ем. И он завел его на эту скалу, как-то залез он с ем, с этим дедом! И вот потом, грит, вдруг этого деда не стало. Я, гыт, гляжу: кругом скала. Никак слезти-то не могу с этой со скалы. И вот его на пяты сутки сняли. Тоже облавы делали, но и это было: в трубу — в цело́ — ревели, значит, его, и вот потом нашли его. Нашли, дак ить едва сняли его оттуда с этой скалы! ⟨...⟩ Полобчества выходили снимать его.

ЛЕШИЙ ВОДИЛ МЕНЯ

А у меня хозяйка (была она еще девушкой, в залесье жила) поехала на пожню. Да и говорит сестрам:

— Вы идите прямо, а я объеду, кругом поеду.

Смотрит: впереди старик (на вид Пеша Колобок, старикашка маленький был у нас).

— Давай,— говорит,— поезжай за мной.

Он дальше и дальше, меж елок — и с телегой. А она подумала:

— Нет, тут некуда мне дальше ехать.

Осинья поперек лежат. Он меж елок увертывается.

Она повернулась — да и обратно.

Сестры спрашивают ее:

— Ты почему так долго?

— А леший водил меня.

Так это леший водил ее.

КАК Я К ЛЕШЕМУ В ГОСТИ ХОДИЛ

⟨...⟩ Это дело было зимой, в декабре. Шел мелкий снежок. Настроение у меня было плохое, и не знаю, что тогда со мною было: то ли сон это был, то ли голова помутнела, не то шибашка меня схватила. Но только была со мной одна история: выпить хотелось с горя, но не на что. Вышел я за ворота и поглядываю во все стороны, а сам про себя подумал: хоть бы какой леший меня в гости позвал. Не успел я одуматься от своих мыслей, как передо мной вырос сосед Марк. Стоит, хохочет своим густым басом. Ростом он был высокий, в плечах — косая сажень, волосом черен, а глаза такие большие да черные, крещеному смотреть в них страшно. И говорит мне:

— Чего, Афанасий, задумался?

— Как мне не думать? Денег нет, ребят полон дом, все жрать просят. Зима идет, ни обуть, ни одеть. Да хоть бы с горя выпить где...

Усмехнулся Марк и говорит:

— Не горюй. Хочешь, пойдем к куму в гости? Он у меня страсть какой богатый. Если хочешь, он в вине может тебя выкупать.

Подумал, подумал я и дал свое согласие. Марк мне говорит только:

— Закрой глаза, да поплотнее.

Закрыл я глаза и почувствовал, что он мне их как будто чем-то ослепил, а потом почудилось мне, что я не иду, а по воздуху лечу, больно уж легко ноги передвигались. Долго ли, коротко ли мы так шагали, и вдруг я почувствовал у себя под ногой твердую почву — землю-матушку. Открыл я глаза, смотрю: передо мной стоит изба из толстых бревен, но больше всего похожа на куренный балаган. А кругом лес дремучий-предремучий, смотришь в него, и тебе кажется, что в этом лесу непросветная ночь, а деревья шепчутся.

⟨...⟩ Зашли мы в избу. Из стены в стену широкие лавки, в углу — стол. На одной из лавок лежит мужчина еще выше Марка и в плечах шире, огромный рот, а изо рта торчат белые крупные зубы. Бородатый, бровастый, а глаза... больно уж жутко было смотреть в них. На самом — домотканая пестрядинная рубаха, на ногах — лапти. Ну, думаю, вот тебе так лапотцы, что тебе корзинка из-под рубах.

Соскочил со скамейки, со смехом приветствует нас:

— Кум пришел да и товарища привел!

И вышел за дверь, да как свистнет, аж у меня от этого свиста уши оглохли, коленки задрожали ⟨...⟩.

Входит хозяин и несет три четверти кумышки, разную закуску. Смотрю: посуда вся берестяная, да так хорошо сделана, просто загляденье. Засмотрелся я на кружечку, а хозяин смекнул, что мне кружечка понравилась, и говорит:

— Вот домой пойдешь и в подарок для памяти эту кружечку прихвати. Выпить захочешь, меня помяни, и она наполнится этим зельем. А ты пей, Афанасий, не робей, не бойся, тебя твой товарищ еще не продал. Хорошим ты ему помощником будешь. Дай только ему согласие.

И положил мне на плечо свою руку. Я так и прижался

к столу от его руки. Тут-то я окончательно убедился, у кого я в гостях.

⟨...⟩ Долго ли, мало ли мы пировали, но я уже начал скучать по дому. Ну, думаю, попадет мне от своей Парашки. Стал просить Марка отправить меня домой, а он — ни в какую. Думаю, как мне от этих нехристей избавиться. Начал про себя молитвы читать, а Марка стал уговаривать:

— Крещеный ты человек или нет? Христом-богом прошу тебя: отправь меня домой.

Рассердился Марк на меня за такие молитвы, а кум со злобой на меня стал посматривать и приказал Марку отправить меня со всеми почестями. Не забыл кум и кружечку сунуть в карман. Вышли мы за дверь. Марк заставил снова закрыть глаза. А когда я открыл, оказалось, снова стою на том же месте около своих ворот. Увидела меня моя старуха в окно, хлеб сажала в печку, как выбежит с хлебной лопатой и давай меня утюжить и приговаривать:

— Вот тебе, вот тебе, старый черт! Где тебя леший носил так долго? Все поселенье из-за тебя на ноги поставила. В полицию заявила. Погоди ужо, полиция за это тебе портки снимет, походит по костям резиновой плеточкой.

Я оправдывался, оправдывался, доказывал, что в гостях у лешего был, и кружку показывал, не поверила мне старуха. Не поверили мне и в полиции, попросили снять портки и десять плеточек с оттяжкой по мне походили. Отобрали мой подарочек. Долго после этого я не мог сидеть. Даже ел на коленях. Вот до сих пор слава про меня ходит, как я у лешего в гостях был.

КАК ЛЕШИЙ С ВОДЯНЫМ РАЗДРУЖИЛСЯ

В одном лесу глухое озеро было. В озере водяной жил, а в лесу — леший, и жили они дружно, с уговором друг друга не трогать. Леший выходил к озеру с водяным разговоры разговаривать.

Вдруг лиха беда попутала: раз вышел из лесу медведь и давай из озера воду пить. Сом увидал да в рыло ему и вцепился. Медведь вытащил сома на берег, загрыз его и сам помер.

С той поры леший раздружился с водяным и перевел лес выше в гору, а озеро в степи осталось.

ЛЕШИЙ И ЦЕЛОВАЛЬНИК

Леший проигранных крыс целое стадо гнал и подгоняет к кабаку (а лешие на крыс и зайцов играют в карты, все равно как мы на деньги). Подогнал и кричит целовальнику:

— Отпирай, подай вина!

Тот сперва не дал, потому поздняя ночь была (они ночью перегоняют). Леший взял, приподнял кабак за угол, кричит:

— Давай четверть водки!

Тот испугался, поставил ему. Леший одним духом выпил и деньги отдал, кабак опять как надо поставил и погнал крыс дальше.

ЛЕШИЕ-КАРТЕЖНИКИ

Дед, значит, Коршуновых, братьев, гадал на Крещенье. Вытащил за город, вынес шкуру телячью, сел и очертился ухватом. А хвоста-то не очертил. И якобы его семенковский утащил до леса. Поехали искать его родные, нашли окол леса уже чуть ли не замерзающего. Привезли его обратно, пока еще он остался жив-здоров. Семенковский утащил его, семенковский леший.

На кажный год ждали охотники, где будет дичь. И было такое поверье, что, мол, как за рекой появится,— значит, выиграл в карты заречный дичь, а если в Семенково дичь появится,— значит, семенковский. А зависело все не от выигрыша, а от питания ягод. Когда в Семенкове появлялась (дичь) — значит, было много вересовых ягод, а не было за рекой на березе шишки. И вот птица вся переключалась на суходолы. А Семенково представляло из себя суходольный лес. А когда, значит, шишки много березовой (птица больше любит березовую шишку, чем вересовую ягоду), переселялась туда.

Лиственный лес, значит,— он считается как чернолесье, да. А вот сосняк, ельник — он краснолесье. Он круглый год в своем одеванье...

ЛЕШИЙ В ШАПКЕ С КОКАРДОЙ

Пошли мы на сенокос, пять человек... Боры-то, мхи только кончились, выходим на большой нос. Вдруг с узких ляднок идет человек, шагает: черная шинель така длинная, пуговицы в два ряда, блестят-блестят, как чертов глаз! Шапка с кокардой, как цилиндр высокая! Трость блеснет так, как будто золотом отливат! А как шаги дават, так один тут, другой тут!.. Первее всех я увидела. Говорю:

— Андель, посмотрите вы, кто... «Он» идет-то!

А солнышко пекет, день такой прекрасный, сено мы пошли сгребать. И все увидели... А как засмеется, так зубы видно, вот такие, и зубы золотые...

И все замерли. Что будем делать?

КАК ДВА СТАРИКА ОБМАНУЛИ ДВУХ УЧИТЕЛЕЙ

Было это в Нигижме. Жили два учителя — Выров да Кряжнов и два старика Мещаниновы. Эти два учителя все со стариками вздорили, что нету лешего, значит. А эти старики: «Есть!» Ну, учителя и говорят:

— Можете показать нам?

— Можем.

Ну, вот, и эти два старика, значит, сговорились. И один старик, значит, надел длинный балахон (раньше были) и черпугу на голову положил да простыню надел. Ну, и пошел туда, в лес, туда, на росстань, километра два от села. А другой старик этих двух учителей и повел туда ночью. Ну и говорит:

— Как очерчусь, так вы уж за черту не забегайте.

Отвел этих учителей и очертил там и стал вызывать, значит:

— Лес праведной, лесной праведной, приди-покажись в лес. У меня приведены два учителя, они не признают лешего.

Проговорил так три раза, а там второй, значит (было сговорено, ольшинка вырублена с сухими листьями), да и вышел с кустов да листьями-то и шуршит.

И эти учителя как пустились бежать, так километра два до деревни так и бежали, не останавливалися.

А эти старики пришли домой, на второй день учителям говорят:

— Ну что, верите, что есть лесной?

— Да, верим теперь, что действительно есть тут лесной.

Вот два старика и обманули двух учителей.

О ГОРНОМ

ЗОЛОТОЙ СТАРЕЦ И ГУБОШЛЕПЫ

Золота и серебра в Олонецком крае чрезвычайно много, но народ забыл об этом и не знает тех мест, где эти металлы находятся.

Как-то раз ⟨...⟩, еще в царствование Грозного-царя, по северной губе Онежского озера плыла большая лодка с рыбаками. Вдруг видят рыбаки, как по берегу идет им навстречу старичок ветхий-преветхий, с трудом плетется. Видно, что он очень тяжел и грузен: идет он и подпирается палкой, которая под тяжестью его так и гнется.

— Возьмите меня к себе в лодку, добрые люди,— запросился старик.

— Нет, дед,— отвечали ему рыбаки,— нам и самим тяжело плыть,— трудно нам справиться, а тут еще тебя, старика, взять с собою! Нет, дед, иди себе с богом!

— Понудьтесь малость, ребятки,— снова взмолился старик,— возьмите меня в лодку: ей-ей, говорю, большую корысть от меня наживете.

Но рыбаки снова отказали ему. Долго просил ветхий старец взять его в лодку, так и не допросился.

— Ну хоть батожок мой возьмите,— просил их,— он очень тяжел и мне не под силу.

— Станем мы из-за твоего дрянного батога тратить время и причаливать к берегу,— отвечали ему с лодки.

Тогда старик бросил в лодку свой батожок, который рассыпался весь на золотые и серебряные слитки, а сам ушел в расселину скалы и скрылся из глаз изумленных рыбаков.

Ахнули рыбаки, да поздно за ум взялись. Так и не узнали до сих пор, где в горах северной части Онежского озера скрывается золотая и серебряная руда.

СПАСИБО ГОРНОМУ

Семнадцати лет от роду зачал я работать. Не знал ничего. На Калмыковке работал в ортах. Однова отробились, горный смотритель Сартаков оставлят нас докатывать огни. И чо такое? Впереди как будто тачка гремит, кто-то еще робит. А все ушли, кроме нас.

Я спрашиваю:

— Дяденька, это чо?

— Дурак, это горный тачку катат. Знай горного!

Потом на Веселой робили в орте. Приходит к нам становой:

— Ребята, ступайте обедать.

Время не такое, да ежели становой велит — почему не пойти? Только вылезли — гора пошла. Всех бы захоронила.

Становой навстречу нам бежит:

— Вы как догадались, што гора пойдет?

— Да вы же нас обедать позвали.

— Не звал! Чо вы — с пьяных глаз?

Горный позвал, спасибо ему.

ГОРНЫЙ БАТЮШКА

Однова на Касьме нарядчик бегал по всем ортам:

— Ребята, вылазьте, гора пойдет!

Выбежали, гора и верно пошла. Двое в ортах остались, не послушали, так их воздухом повыкидывало, на три сажени от горы отметнуло, зашибло.

А нарядчика никакого нет. Что за диво? Ребята потом догадались: это кричал горный батюшка.

В одно время на прииск приехал исправник в двенадцать часов ночи. Нарядчики все спали. Он их вытребовал, велел всех перепороть.

— Как смеете спать! Рабочие робят, а вы спите.

Рабочим приказал собраться, спрашивает:

— Хорошо ли нарядчики относятся? Жалобы есть?

Ребята помялись, потом говорят:

— Как не быть, есть. Дерут нас нарядчики нещадно, бьют правилкой.

Исправник разгневался, еще раз их перепорол, нарядчиков-то. И уехал. Рабочие говорят:

— Вот это исправник! С испокон века такого не бывало.

Больно уж добрый человек. Справки о нем навели. И вышло, что никакой исправник не приезжал. А это горный батюшка заступился.

Было еще так. Только начали новую шахту — ночью сделался шум. Выскочили из бараков — шахта ходуном ходит.

Горный батюшка пришел. Ворочает, ломает, только крепи трещат. Все изломал, всю шахту. Потом ушел.

Стали думать, как быть. Горному шахта неугодна. А место богатое, бросить жалко. Начали новую шахту. Добили до плавунов — вода! Еле вытащили забойщиков. Еще бы немного — потонули бы все. Старики-то и говорили:

— Не послушали горного, а ведь он, батюшка наш, знак подавал, што робить нельзя.

У нас не говорили: боже, помоги. У нас говорили: дай, горный!

⟨...⟩ А был он вроде черта, только добрый.

НЕ УГОДИЛ ГОРНОМУ

Как на Казанах Петрова Кирюху задавило в машине через горного.

Была машинна избушка, промывальна чаша там стояла. А квартир не было. Кирюха Петров пришел, нанялся в контракт. Квартиру не дают, говорят:

— Иди в машинну избушку, живи.

На Троицу я позвал его в гости. Гуляли. Потом он говорит:

— Идемте ко мне.

Приходим. Ребятишки его заплаканы, притаились в углу на лавке.

— Вы чо? — Петров спрашивает.

— Дяденька — вот такой большой — плаху выворотил, из-под пола вылез. Твое все надел — шляпу, рубаху, чембары надел, пиво достал, пил, плясал и нас щипал. Потом разделся и в подполье улез.

Смотрим, ребятишки все исщипаны до крови. Пива нет, гулять нельзя.

Лекарь был Михеев. Позвали. Осмотрел: верно, исщипаны ребятишки.

Он и спрашивает нас, Кирюха Петров:

— Это чо?

— Горный приходил. Опасно тебе тут жить. Не угодил ты ему.

Я и говорю:

— Переходи ко мне. Не даст тебе житья горный.

Он и перешел со всем семейством. А в машинной избушке што ни ночь — песни, пляс, ходуном стены ходят. А никого там нет.

Петров робил помазилкой, машину мазал. Вот прошло две недели после Троицы, помазок у него в кулачья попал — затянуло ему всю руку, вот так, вот эдак вот кости размозжило.

Он и помер, Петров Кирюха. Одежа на нем была рваная, в крови, так и положили в машинной избушке на лавку, так и лежал пять ден — попа с Андобы вызывали, урядника Ларионова. Пять стариков тело караулили, батя мой караулил. Так и схоронили в рваной одеже. Начальство поскупилось: хоть бы рубаху справили покойнику.

А все из-за чего? Кирюха, как пришел на Казаны, выхвалялся:

— Я вашего горного не боюсь!

Горный-то не любил, когда кто выхваляется. Он тут хозяин.

ВОТ ВАМ И ГОРНЫЙ!

⟨...⟩ Вот была у меня смелость. И горного не побоялся.

На Троицких Вершинах машина стояла стара, бергальска. С Покрова ее прикрывали, воду отводили.

Машина прикрыта, а по ночам гремит. До утра гремит.

Все говорят:

— Горный, горный!

Я зову Голубцова:

— Пойдем, Поликашка, посмотрим, какой он есть — горный!

Поликашка сперва не шел. Все же уговорил я его.

Прибежали ночью. Забрались на сплотки, где низко. Вода бежит помаленечку, нет никого. Мы ждем, смотрим. Вода в плицы набралась, опять загремела. И никакого горного.

Вернулись, говорим рабочим. Они не верят. Потом пошли с нами смотреть. А мы смеемся:

— Вот вам и горный!

О ВОДЯНОМ И РУСАЛКАХ

ШЛЯПА

Вот раз плывет шляпа по Волге. Бурлаки было нагнулись с плота и хотели взять шляпу, но лоцман их остановил и сказал:

— Шляпу не берите, а то худо будет.

Не послушались бурлаки лоцмана, подняли шляпу из воды. Не успели ее вынуть, как в это время из-под нее человек вышел и сказал:

— Что вам от меня нужно? Хочешь, я посуду потоплю! Ты зачем велел им шляпу поднять? — сказал человек из-под шляпы лоцману.— Я иду,— говорит он,— прямо по Волге, как по земле, до самой Астрахани и смотрю за порядками, а вы мне мешаете идти! Ну, ладно, подлецы,— говорит человек,— жалею только лоцмана, а то бы потопил посуду. Вы виноваты,— сказал человек бурлакам (а их было девяносто человек).— Ни хозяин, ни лоцман, а только вы виноваты в этом!

И спустился человек в воду, шляпа накрыла его голову и пошел он опять по дну Волги, как пешком по земле.

Только шляпу его стало видать по воде, и она поплыла вниз по Волге до самой Астрахани.

РАЗВЯЖУ ЛИ — ЗАВЯЖУ ЛИ Я!

Вот еще, сидели на тони, сальницек горит, и вот пришло, под окошком закричало:

— Развяжу-у ли я?

— А развяжи!

Со смехо́м говорят, не знают кто, и все стихло. А утром пришли: и весь невод развязан, и на клубочки свито,

как прядено. Вот беда-то! И ехать надо невод метать, и все на клубочки свито.

Ну, вот, день-от проходит, а на другой вечер сели так, горюют, нать невод вязать, а скоро ли свяжешь! И опять под окошко пришло:

— Завяжу-у ли я?

— А завяжи, батюшка, завяжи, завяжи!

На другой день встали, пришли: невод по-старому веснет, все как на ве́шалах было у них, так и есть.

МЕСТЬ ВОДЯНОГО

Это мой дедко, отца отец... Тут у нас был мукомольный завод. Надо было ему идти на работу берегом. Видит: сидит на плоту человек с длинными волосами.

Дедко мой схватил кирпич — бросил. А этот человек из воды:

— Ой, руку сломал, досадил...

Пришел он на завод, и в тот же день на заводе ему руку и оторвало.

То ли он сам досадил, то ли этот человек сунул руку ему.

Уж это, верно, водяной был.

РЫБИЙ КЛЕСК, ИЛИ ОГРАБЛЕННЫЙ ВОДЯНОЙ

Известно, что в иных приходах деревни отстоят от церквей довольно далеко. Поэтому набожные крестьяне, чтобы не опоздать к службе, уходят на погост еще с вечера. Однажды крестьянин какой-то деревни к вечеру великой субботы отправился на погост к христовой утрени. По приходе на берег озера, чрез которое ему надлежало идти, увидел он на другом берегу человека с длинными черными волосами и такого же цвета и величины бородою, который что-то таскал кошелем из озера в лодку. По окончании своего дела незнакомец сел на край лодки и начал что-то перебирать.

В это время ударили в колокол к утрени: крестьянин перекрестился, а неизвестный упал с борта лодки и исчез. Любопытство овладело мужиком нашим. Ему захотелось

знать, что это было — привидение ли или что иное, и он пошел к тому месту, где видел незнакомца.

По приходе туда глазам его представилась лодка, наполненная рыбьим клеском. Тут он понял, что это клад, набрал клеска и возвратился с ношей домой. Спрятав добычу, он пустился обратно с мешком к лодке, чтобы взять и остальное. Но что же? По приходе на место лодки с клеском уже не нашел, а потому и отправился в церковь.

Возвратившись домой, он развернул свою ношу и увидел, что из принесенного им клеска образовалось серебро, так что крестьянин из бедняка сделался богачом.

Рассказывают, что чернобородый незнакомец каждогодно в великую субботу ужасно кричит и жалуется на похитителя его богатств и грозит ему местью, отчего нечаянный богач в продолжение своей жизни никогда не осмеливался подходить к озеру.

КАК ДВА ВОДЯНЫХ ПОРОДНИЛИСЬ

⟨...⟩ У водяного ильинского была дочь. За ней сватались водяной пречистенский и водяной — владелец Кенозера, которое в ту отдаленную эпоху было соединено с Водлозером. Как пречистенский, так и кенозерский водяные часто навещали ильинского. Кенозерский водяной первый посватался — и ему отказали. Посватался затем пречистенский водяной, и старик ильинский отдал за него свою дочь.

Кенозерский рассердился, ушел к себе в озеро и, чтобы никогда не ходить больше в Водлозеро, засыпал большими каменьями дорогу. С тех пор Кенозеро не сообщается больше с Водлозером.

Отправляя свою дочь к зятю, к пречистенскому погосту, ильинский водяной дал ей в приданое много золота и драгоценностей и, наконец, целый остров из своих владений послал вместе с дочерью в ее новое жилище. Этот остров лежал прежде недалеко от реки Илексы и, ведомый петухом, прибыл к деревне Большой Кул-Наволок, недалеко от которой он остановился. Вещий петух затем улетел, а остров стоит до сих пор и прозван в память того, что его привез петух, Петуньим островом.

ПОСМОТРЕТЬ НА ПОДВОДНОЕ ЦАРСТВО

Вот ты, Павел Николаевич (говорили мне на Шуйнаволоке), думаешь, что на воде люди погибают больше от своей вины. А мы тебе заподлинно сказываем, что дело без водяника не обойдется. Хоть бы нашу деревню Середку взять: позапрошлым летом поехали в лодке две девки: одна-то на выданье, а другая-то еще не человековатая. И стала девочка сказки сказывать, как под водой живут водяники в хрустальных палатах. А старшая и говорит:

— Ишь, как у них хорошо: хоть бы одним глазком посмотреть на подводное царство.

И не было ни ветра, ни волны — вдруг заколебалась вода и поднялся черный мужик, волоса у него взъерошенные, ухватил девку за руку и, как она ни билась, стащил ее под воду, только ее и видели.

И все это девочка видела своими глазами.

ВОДЯНОЙ

Мы видали водяного: он плавал здесь, в речке. Смотрим в окошко и все видим: вот плывет человек, руками гребет и голова (видна.— *Н. К.*), еще и ногами перебирает, а следа не видно. И подбежали все к берегу, видят, на людях дело: плавает, двумя руками гребет-гребет-гребет. И выплыл туда, к середине озера, и далеко поплыл. Потом скрылся.

И после в этом месте не стали купаться никак. Пекарихи раньше купалися, с пекарни, и не стали купаться. Правда, так устрашило. Приезжая была така здоровая пекариха, как выскочит — да в воду. А потом больше не пошла в воду. И я больше в воду не пошла, сроду пока не хожу, сохрани господи...

ВОДЯ-ВОДЯ-ВОДЯНИК

Ну, правда, девчонкой была, молодой. У нас берег такой был мелкий-мелкий, песок-песок. Того дальше иди — все до колена, а уж потом пойдет туда обрыв. А купаемся — водяника боимся, ну вот.

— Ой, девки, всё говорят ребята, что водяник есть — водяник есть, а вдруг да он как нас поймат. Водя-водя-водяник, захвачу-ка за парик!

Ну, вот мы раз купалися-купалися, как глянем: а там не так далеко, где купаемся,— камень, большой камень с таким ожеком. И на этом каменю́ оказался будто бы человек, волосы распущенные по плечам. Только что одна личность видна, а волосы по всему.

Да мы бегом с этой воды, да одеваться, да домой бежать. После того страху долго не купалися. Такого водяника с длинными волосами видели, правда. Это было... Это было, не вру. Это было, было, правда.

РУСАЛКИ

Ходили мы как-то по черемуху. Брали, брали да и решили в лесу-то и заночевать. Стали мы друг друга пугать русалками да водяными. Вдруг видим: как будто паро́м плывет и не паро́м будто. А на том пароме гребут веслами и песни поют. Присмотрелись мы и видим женщин во всем белом. А волосы длинные они гребнями чешут, а сами то песни запоют, а то вдруг как засмеются! Стали ближе-то подплывать: вместо ног-то у них хвосты рыбьи. Они ими по воде шлепают, а вокруг брызги серебряные летят. И потом вдруг не стало никого.

ДОГОВОР С ВОДЯНОЙ РУСАЛКОЙ

⟨...⟩ Годов этак сто тому назад жили в Кузомени купцы Заборщиковы, нынешних варзужских купцов прародители. Не было у них удачи в лове, сколько лет выбиться не могли. А потом вдруг разбогатели. И с того же времени начали из деревни люди пропадать: то девчонка исчезнет, то старуха. И никак не могли понять рыбаки, что такое происходит. Что же, как бы вы думали, оказалось? Оказалось, что купцы Заборщиковы ради своих уловов договор заключили с нечистой силой, с водяной русалкой в реке, что они будут ей живое мясо поставлять, а она к ним — рыбу в сети загонять ⟨...⟩.

Может, и сказка.

ОБ ОГНЕВИЦЕ

НА ПОЖОГЕ

Там репу сеяли. А досюль привидения такие были. Вот так. Сеяли репу, а такой костер ведь разведут. Отец там бороновал-бороновал. В лесу-то там боронуют сучья, такие деревянные, борзые.

И вот бороновал, скаже, бороновал да и задремал, у костра-то. Задремал, говорит,— да и прибежала старуха в крашенинном сарафане в синем, да и разголила задницу, да и «э-э-э-э» руки греет у огня.

А я-то, говорит, кричу:

— Да татка, татка, да где ты?! Ой, бабка какая-то пришла!..

А, видимо, он во снях уж видел, ничто больше ⟨...⟩.

Так это мне папа рассказывал свой покойный. Я все еще помню.

О ДОМОВОМ И ДВОРОВОМ

МАЛЮХОНЬКИЙ СТАРИЧОК

Я еще девчонка была, а помню. Как-то в память все позапало.

Лошадка у нас тогда была. Наповадился к нам в стайку кто-то ходить да косичку заплетать. Вот как-то однажды дед пошел в сарай — у лошади опять заплетены косички. Он про себя говорит: «Наверное, домовой». А смотрит: старичок сидит. Он и говорит:

— Сидишь?

А тот сжался, малюхонький такой стал, да так тихонечко прокряхтел. А сам косу-то плетет.

Мать моя частенько тоже поговаривала, мол, уйдет куда-то, вернется — а в избе-то уж все прибрано.

...Маленький, говорит, такой старичок, седенький.

ГОСТИНЦЫ

⟨...⟩ Я взамуж вышла, дал мне отец корову. Скажут, корову привести на двор так надо:

«Хозяин с хозяюшкой,
Берегите мою скотинушку...»

А мы не сказали ничего, дак, знаешь, корова неделю стонала.

Потом к колдуну ездили да потом по всем уголкам наклали, вот в каждый уголок — и чаю, и сахару, и вот:

«Вот тебе, домовой хозяин, гостинца,
Ты береги мою скотинушку...»

Вот. Это уж тоже на себе... Топерь-то не верят, топерь нету колдунов.

ДОМОВОЙ НЕВЗЛЮБИЛ

У меня случай был во время службы. Перевели меня... Я приехал, документы представил, меня устроили. Там на отшибе дом был. Большой. Все комнаты пустые, а одну для солдат отделали малость. Все ушли в клуб, а я устал с дороги, лег спать. Ребята ушли, и я лег спать. Вдруг старик лохматый из-за печки выходит... подходит ко мне и давай душить. Душит! Я уж думаю: «Да неужели такой старый задавит меня?!» Все силы собрал — как его толкну! Он улетел. А там западня, она открыта оказалась — он в нее. И замолк. Опять все тихо.

Я наутро рассказал поварихе; она мне говорит:

— Э-э, солдатик, ты здесь не задержишься. Это тебя домовой невзлюбил.

И точно — вечером меня отправили в другое место. Перевели.

СВАДЬБА В ПОДПОЛЬЕ

Вот, видишь, пришла и повалилася спать старуха. Вдруг открылося подполье. Из подполья выходит женщина:

— Дайте мне, пожалуйста, тарелок.

— Начто вам тарелки?

— У нас,— говорит,— будет свадьба.

— А какая свадьба?

— В подполье свадьба.

— Тарелок,— говорит,— дам.

Дала старуха — унесли тарелки туда. Потом и пошло там, танцы да гармонь заиграла да пела. Как посмотрит в подполье — а там деревенская (из другой деревни) девка привезена у них там...

Ну, танцевали, да выли, да плясали, да ходили. Потом приносят эти тарелки ей:

— Вот,— говорит,— тебе тарелочки и тебе на колпак материалу — парчи.

Ну, она поразмеряла-поразмеряла материалу — да два колпака будет сшить.

Так старушка рассказывала. Ей говорили: «Да не ври ты, не ври». Так показывала... колпак.

КАК У ДВОРОВОГО СПРАШИВАЛИ

Были у меня сыны на войне. И я пошла узнать, живы ли дети. Была одна женщина, водила, у дворового спрашивала.

Вот пришли во двор, она стала звать: «Черт, выходи! Водяной, выходи. Жировой, выходи!..» Всех сосбирала. А я стою, боюся: думаю, вот, сейчас выйдет — задавит. Долго не выходил. Потом она в другой хлев сходила — он и вышел. Сошел, меня по лицу провел, по губам, потом по плечу. Серед хлева стал и говорит: «Ну, спрашивай! — Прокашлял, как старичок.— Расспрашивай!»

Ну, мы и стали спрашивать. Я спрашиваю, живы ли у меня дети.

— А один,— говорит,— в танке погиб, в танке,— два раза повторил.— А другой сын,— говорит,— в Англии в плену.

— Ну, так мне видать ли его?

— А через три года увидишься.

А мне так и не пришлось увидеть...

Тут другая женщина была рядом со мной.

— Ну,— говорит,— мне расскажи, живы ли у меня дети.

— А у тя,— говорит,— три сына погибли, а еще остался четвертый сын — с тем доживать.

— А один сын в боях не бывал.

— Ну, не бывал в боях,— говорит,— он поехал на фронт, его убили по дороге.

— А дочка,— говорит,— еще учится, дак как?

— А дочка хорошенька, сдает,— говорит,— на учительницу... Ну, довольны вы?

Мы и пошли:

— Довольны.

У этой женщины руки развязали: у нее были связаны. Ну, мы вышли, больше ничего. И куды-то ушел этот старичок. Всё.

О БАЕННИКЕ

БАЕННИК

Теща у меня раз приходит в баню. Стала баню затоплять. Она, значит, затычку снимает — дым хоть некоторый выходит.

Она раз выдернула затычку — не выходит, другой раз — ни черта. На третий раз выдернула она — а из трубы показались пальцы сизые, длинные. Ну она тут перекрестилась, помолилась.

Стала топить баню. И больше ничего.

БЕЛАЯ КОШКА

⟨...⟩ А тут одна баба чесала лен тоже. Лен-то у нас по вечерам чесали. Ведь дни-то коротеньки осенью, дак. Пришла в байну чесать лен. Чесала-чесала. На полках сидит как белая кошка, глаза сверкают-сверкают такие у ней. Я, сказывает: «Кис, кис, кис...» Киска не двигается. Да я бегом это, щеть в руки да лен. Дак побежала да камнем, сказывает, колгонула в байну, дак.

Вот, вот привидения какие. Это на самом деле. Я вот не скажу, что вру. Вот не вру! При мне все это сделалось... Ой, господи, страшно-таки...

ТОПИЛА НОЧЬЮ БАЙНУ...

⟨...⟩ Еще одна баба сказала. Вот топила ночью байну. Тогда мужики ездили в двенадцать часов ночи, поздно. Топила байну, топила-топила. А потом ведь пришла (тогда

с коровьей шерсти кафтаны-то ткали, кители шили такие коротеньки) — ёно как, сказывает, меня сгрибчило, так у этого кафтана зад отпал в руки в байне. Ну, потом мужики приехали, пошли в байну мыться: и каменка разрытая, и вода вся вылита.

Вот, вот ночью в байну ходить!.. Я-то не пойду ночью.

ОБ ОВИННИКЕ

ПРО ГАДАНЬЕ И ОВИННИКА

Да! Бывало, два старика были дома и перед рождеством по старинушке слушали, что чудилось, что смотреть было можно. Ну вот, пошли на гумно, значит, слушать. Сели (была на гумне кожа) на эту кожу и взяли в руки сковородник, обчертили эту кожу, чтобы нечистый дух не спихнул их, да, обчертили и сели.

Вдруг выходит с этого овина человек, нечистый дух, наверно. Ну вот, взял эту кожу (а хвоста они не обчертили), взял эту кожу за хвост, раз-два махнул — и этые мужчины улетели с этой кожи, да.

Ну, конечно, они уже растерялись, открыли ворота и убежали домой. Пришли, переговорили промеж собой. Ну, один и говорит:

— Это неправда, я пойду сам туда, сяду на кожу, и он ни за что меня с кожи не спихнет, значит.

Ну, и потом пришли, эту кожу взяли и сели. Один сел на средину, а другой сел на голову этой кожи и проложил руки в дырки, где уши были прорезаны у коровы про рога, заложил руки и положил на них замок и сидит. Кожу обчертили кругом, а хвоста не обчертили. Только сели на кожу, вдруг дверь открывается и выходит с овина опять нечистый дух, вроде как человек. Взял он эту кожу за этот хвост — и давай кругом вертеть. Вернул один раз — этот первый мужчина, который на средине сидел, сразу улетел к воротам, а этот, которого руки положены в дырки, значит, сидит все время. Он давай крутить его, крутил-крутил, сам устал. Мужчина лежит в углу, он в другом лежит — дышит, конечно дело, живой, значит. Отдохнул и снова давай крутить его. Этот мужчина все лежит, дёржится за эту кожу,— руки в дырках, дак зря не свернешь его. Крутил-крутил, потом больше не замог крутить, бросил и ушел, двери закрыл. И мужчина дожидал-дожидал его, дождаться не мог и потом ушел домой. Вот так.

МЯВГАЕТ-ОЙКАЕТ

Вот бывает. Жил мужчина с женой, значит. Пахали они хлеб, конечно дело. Ну вот, на одном гумне сушили зерно, а на втором молотили. Ну вот, часа в три встали ночи. Мужчина посылает женщину подготовить эту рожь там молотить, а потом говорит:

— Я сейчас приду

Ну, сел покурил, конечно дело... А она сходила, эта женщина, Анна Максимовна, сходила туда, ну, а там, в этом овине, мявгает-ойкает. Она испугалась и пришла обратно. Спрашивает другу старушку:

— Бабушка, там что-то в овине плачет.

Ну, старушка ей, конечно дело, открыто сказала, посмеялася да и говорит:

— Там овинница рожает. Не ходите,— говорит,— сейчас молотить. Снеси ей чего-нибудь на родины, какого-нибудь хлебца или рыбник или чего-либо, рыбный пирог.

Ну вот, она говорит:

— Чего я могу снести?

— Снеси чего-ни.

Ну, она взяла пирог с рыбой, положила чаю, сахару положила, туда принесла и на окошечко поставила ей. А там все в овине ойкало:

— Ой, ой.

Она не могла понять этого дела.

Пришла, говорит:

— Она все еще рожает, там все ойкает.

Ладно, немножечко посидели. Бабушка и говорит:

— Идите. Наверно, уж там,— говорит,— она успокоилась, и все такое.

Ну, они пошли. Пришли, где рыбник был положен на окошечко у ней, ну, вместо овинницы — а сидит кот на этом окошечке... у рыбника. И весь этот рыбничек скушал.

Это там была не овинница, а просто кот, мяукал все «ау-ау», а она подумала, что овинница рожает. Вот.

Мужик давай ее ругать да матюгать. Вот. Так скормила она этот рыбный пирог коту, а овинницы в глаза не видела.

О МЕЛЬНИЧНОМ

ПРОДЕЛКИ МЕЛЬНИЧНОГО «ХОЗЯИНА»

Поехал было батюшко наш на мельницу, на Халуй, далеко. Вот приехал, а там, как с деревни выезжать, говорят:

— Куда ты на ночь поехал? Там никого на мельнице нету, там неспокойно. Как ты один?

— Ничего, я не боюсь.— И поехал.

Приехал, муку засыпал да овес затолк. Спустил мельницу. И пошел. Избушка там есть у мельницы. Мельничная избушка, как называли раньше. Печку стопил, чаю попил. Хотел спать повалиться. Только повалился, не успел еще заснуть — вдруг за волосы кто-то дернет. Я из сна долой. Что такое? Опять зажгал лучину, в щель куда-то улепил. Повалился, полежал. Как лучина погасла — опять то же самое: опять за волосы. Не больно, а вот захватит за волосы, дернет — и только.

Ну, я, говорит, тут разматюгался, да опять огонь зажгал да и сел. Ну вот, сходит в мельницу там заглянет. Все переделал, муки намолол. Пошел: «Поеду,— говорит,— сейчас. Ну, что тут: сидеть нельзя, повалиться тоже».

Стал муку выносить. Лошадь запряг он, подгонил ко дверям самым. Мешок захватит, пока выносит на телегу,— опять огонь потушит. Даже искринки нет. Опять снова зажигает. Ну, выносил кое-как. Потом: «Оставайся,— говорит,— нечистая сила, а я поехал домой». Поехал, а ночь темная, осенняя. Ехал, подъехал — и как, не знаю, в яму забрался: она не о саму дорогу и была, яма, а так лошадь зашла. Смотрю, телега покатилась в эту яму, и лошадь вслед, и я вслед. И пришлось в этой яме сидеть до утра, до свету — не мог выбраться. Ну, как выберешься? Все лежит кверху ногами, колесами: телега, лошадь лежит. Вот такая была бывальщина.

О ЧЁРТЕ

ЧЕРТИ МОЛОДЕНЬКИЕ

У нас в селе Петр Горбунов жил. Так вот он про себя рассказывал.

...Вот его черти увели в лес. И такая у них музыка хорошая. Они пляшут, и он с ними вместе. Черти все молоденькие да так пляшут!

Потом, говорит, я домой шагаю, и они за мной. Они окружили его. Что делать? Я сапог скинул, а они — цапе! — и так в карниз его забухали, что ни крикнуть и ни пошевельнуться.

Жена-то его потеряла и только по сапогу узнала, что он домой уж пришел. Голову-то подняла, а он в карнизе зажат. Черти его так забухали, что всем народом выворачивали его.

БЕСЁДА

⟨...⟩ Закончили покос. Пошли домой, на Погост пошли (а косили здесь же, тутотка, рядом). Вышли — один (Иван Федорович.— *Н. К.*) идет и говорит:

— Ты куда пошел?

— А я пошел за коровами: у меня коров нету.

А он говорит:

— И я за коровами.

— Давай, Иван Федорович (а другой — Андрей Степанович называли), давай закурим, у меня табак-то есть, а спички нету.

— А у меня,— говорит,— табак и спички есть, давай закурим.

Закурили и пошли.

Шли-шли-шли. Коровушки-то, две коровы, ходят на этом месте — звонит.

— Ну-ко, слушай: звонок (звонит один за другим). Токо:

— Наши-те ребята на бесёду поехали.

— Да како на бесёду? Кака тут бесёда?

— Пойдем дальше, пойдем.

Вышли на горушку — дом стоит.

Скажет (Андрей Степанович.— *Н. К.*):

— Я век прожил да здесь дома не видал, не было его.

Видит, наши ребята танцуют: гармошка («Тут,— говорит,— дом, гармошка»), и разговаривают так вовсю, играют. И поинтересовался. Оперся я так о двери и стою, говорит. Смотрю, как пляшут, танцуют. Гармонь играе, танцуют с девушкамы, хоть того больше.

А тот:

— Зализь.

— Да отступись, да не зализу.

— Зализь, не бойся.

— Нет! Ой, господи Иисусе Христе,— скажет,— сыне божий, век я прожил — да здесь фатеры не бывало, а тут ка́к фатера откуда-то взялась!

Токо проговорил — нигде ничего нет: ни бесёды нет, ни Ивана Федорова нету моего. Сейгод токо щелья такая большая, и между щелья равнинуша (полянка на дне расщелины.— *Н. К.*), вот как дверь, такая.

Одной рукой упёршись в одну кромку, другой — в другую кромку, стою и смотрю как в щель на бесёду. Скажет: «Как бы переступил я всё... порог да в эту бы пропасть ухнул (веревку спускали потом туда — конца не хватало)»,— говорит.

Дак я, скажет, скорее домой:

— Да бог с ним, с товарищем; да бог с ними, с коровами; да бегу домой сам без себя.

...А Иван Федорович в этот день никуда из дому не уходил.

КАК ДЕВКИ НА БЕСЁДЕ СИДЕЛИ

Была деревня большая. В этой деревне много девок было. А их на бесёду никто не пускает, они взяли выстроили избу у озера. Ходят вечер, другой и третий — никто из парней к ним на бесёду не идет. Вот они промеж собой толкуют: «Хошь бы кто из озера пришел на бесёду!»

Вот с вечера прикатило ребят к ним партия человек в двадцать. Все сдобные такие, с тальянками, при часах, в калошах, ну и давай поигрывать с девками.

А у одной у девки была принесена девочка маленькая, лет пяти-шести. Та сидела на печке и все смотрела. Ну и стала звать эту девку:

— Нянька, иди сюда-то!

Вот ена подошла. Она и указывает:

— Гляди-ко, нянюшка, глаза-то какие у них вдоль лица и зубы, как железные.

— Как бы нам идти?

— А вот как: я буду проситься до ветру, а ты выведешь меня — в то время и уйдем.

Ну, маленько посидели. Эта девчоночка и запросилась до ветру, а они не отпускают этой девки идти с ней.

— Что вы,— говорит,— отпустите! Прищемите мне хоть сарафан в дверях, никуда я не уйду.

Вот они взяли выпустили, прищемили подол в дверях, а она сейчас лямки скинула с плеч, ребенка на плечи и давай бежать. Прибегает к байне, видит, один гонится за ней — догоняет, а она сейчас в байну. Вбежала в байну и говорит:

— Господин хозяин, оборони от напрасной смерти! Сама скокнула на полок. Вот в то время хозяин байны выскочил из-под полка драться с парнем. Дрались-дрались, потом спел певун. Эти оба пропали, а она в это время стала и домой ушла. Утром хватились других девок мужики, никого домой нету. Направились туда. Пришли на бесёду, а там только косьё да волосья — больше ничего нету.

ОБЕЩАННЫЙ ЛАПОТЬ

Мама рассказывала. Тоже у нас там липа растет — лапти плетут. Раньше в лаптях же ходили, бедно народ жили.

Ну и старик сидит и заплетает лапоть. И пришел сосед-старик и говорит:

— Ты кому это такой большой лапоть заплетаешь?

— Черту,— говорит.

Но и он засиделся до двенадцати. Двенадцать часов уж подходит время, ночью. Подъезжает на сивой лошади человек. Высокий, прямо вот под верхне стекло, и говорит:

— Ну-ка, дедушка, ты мне пообещал лапти сплести. Дак давай!

А он уж последний лапоть на пятку сганивает и концы эти обрезыват.

— Сейчас,— говорит,— готовый будет второй лапоть.

Закончил, обрезал кончики-то, которы остались, связал парой и в окошко подал.

Тот забрал и поехал. Слыхать, как конь топает ногами-то. Вот.

Это, говорит, сущая правда. Черт! Он его помянул...

ГОРЬКИЙ ПЬЯНИЦА

Жил-был старик, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вот забрался он как-то в кабак, упился зелена вина и поплелся во хмелю домой, а путь-то лежал через реку, подошел к реке, не стал долго думать, скинул с себя сапоги, повесил на шею и побрел по воде. Только дошел до средины — спотыкнулся о камень, упал в воду, да и поминай как звали!

Остался у него сын Петруша. Видит Петруша, что отец пропал без вести, потужил, поплакал, отслужил за упокой души панихиду и принялся хозяйничать. Раз в воскресный день пошел он в церковь богу помолиться. Идет себе по дороге, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камешек и заругалась:

— Кой черт тебя под ноги сует!

Петруша услыхал такие речи и говорит:

— Здорово, тетка! Куды путь держишь?

— В церковь, родимый, богу молиться.

— Как же тебе не грешно: идешь в церковь богу молиться, а поминаешь нечистого! Сама спотыкнулась, да на черта сваливаешь...

Ну, отслушал он обедню и пошел домой. Шел-шел, и вдруг откуда ни возьмись — стал перед ним молодец, поклонился и говорит:

— Спасибо тебе, Петруша, на добром слове!

— Кто ты таков и за что благодарствуешь? — спрашивает Петруша.

— Я дьявол, а тебе благодарствую за то, что как спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, так ты замолвил за меня доброе слово.

И начал просить:

— Побывай-де, Петруша, ко мне в гости. Я тебя во как награжу! И серебром и златом, всем наделю!

— Хорошо,— говорит Петруша,— побываю.

Дьявол рассказал ему про дорогу и пропал в одну минуту, а Петруша воротился домой.

На другой день собрался Петруша в гости к дьяволу. Шел-шел, целых три дня шел, и пришел в большой лес, дремучий да темный — и неба не видать! А в том лесу стоял богатый дворец. Вот он вошел во дворец, и увидела его красная девица — выкрадена была нечистыми из одного села,— увидела его и спрашивает:

— Зачем пожаловал сюда, доброй молодец? Здесь черти живут, они тебя в клочки разорвут.

Петруша рассказал ей, как и зачем попал в этот дворец.

— Ну, смотри же,— говорит ему красна девица,— станет давать тебе дьявол золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтоб подарил тебе того самого ледащего коня, на котором нечистые дрова и воду возят. Этот конь — твой отец. Как шел он из кабака пьяной да упал в воду, черти тотчас подхватили его, сделали своей лошадью да и возят теперь на нем дрова и воду!

Тут пришел тот самый молодец, что звал Петрушу в гости, и принялся угощать его всякими напитками и наедками. Пришло время отправляться Петруше домой.

— Пойдем,— сказал ему дьявол,— я наделю тебя деньгами и славной лошадью, живо до дому доедешь.

— Ничего мне не нужно,— отвечал Петруша,— а коли хочешь дарить — подари ту ледащую клячонку, на которой у вас дрова и воду возят.

— Куда тебе эта кляча! Скоро ли на ней до дому доберешься, она того и смотри околеет!

— Все равно, подари. Окромя ее, другой не возьму!

Отдал ему дьявол худую клячонку. Петруша взял и повел ее за узду. Только за ворота, а навстречу ему красная девица:

— Что, достал лошадь?

— Достал.

— Ну, доброй молодец, как придешь под свою деревню — сними с себя крест, очерти кругом этой лошади три раза и повесь ей крест на голову.

Петруша поклонился и отправился в путь. Пришел под свою деревню — и сделал все, что научила его эта девица: снял с себя медный крест, очертил кругом лошади три раза и повесил ей крест на голову. И вдруг лошади не стало,

а на месте ее стоял перед Петрушей родной его отец. Посмотрел сын на отца, залился горючими слезами и повел его в свою избу. Старик-ат три дня жил без говору, языком не владал. Ну, после стали они себе жить во всяком добре и счастии. Старик совсем позабыл про пьянство и до самого последнего дня ни капли вина не пил.

ОХОТНИК И ЧЕРТ

В одной деревне жил мужик. Он занимался охотой. Раз в зимнее время поехал за сеном. Наклал сена воз. Идет обратно домой, а у него было взято ружье с собой. Видит — бежит ласка. Он выстрелил. Убил ее, шкуру снял, положил на воз, а мясо бросил. Овернется назад — бежит ласка без шкуры за ним вслед и говорит:

— Подай мне шкуру.

Три раза она к нему подбегала. Четвертый раз подбегает и говорит:

— Подай мне добром шкуру, а нет — сама возьму!

Он взял шкуру и бросил и сказал:

— Что за диво?!

Она ему отвечает:

— Это не диво, а вот диво: не доезжая трех станций до Москвы, вот там у охотника случилось диво. Вот так диво! — говорит.— Сходи, узнаешь!

Он там дожил до весны, пока дорога пала — нельзя работать. И говорит своей старухе:

— Ты суши, старуха, сухарей. Я пойду путешествовать.

Вот он и пошел. Там-то спросился у охотника. Выпросился у него ночевать. И разговорились они про свою охоту. Этот охотник, который пришел к нему ночевать, стал сказывать про ласку. А этот охотник, хозяин-то, стал сказывать про свою охоту: «Вот у меня есть три сына, мы,— говорит,— охотники. Раз мы пошли за охотой в осеннее время. Ходили мы целую неделю. Было у нас шесть собак взято с собой. Ничего не убили целую неделю. Я с печали такой сгорячился — тут изругался:

— Хоть бы черт попал навстречу — того бы убил!

А черт тут как есть. Я перепугался. Хотел выстрелить — ружье из рук у меня выпало. А черт говорит:

— Ты хотел меня убить?

А я и отвечаю:

— Да, убить.

— Нет, не бей. Тебе домой не попасть без меня.

— А как не попасть? Неужто я далеко ушел гораздо от дому?

А черт отвечает:

— Да, ты далеко ушел от дому. Тебе домой идти — век будет не сойти, помрешь на дороге. Не видать дому.

Я стал его просить:

— Не выведешь ли домой?

А он мне говорит:

— Ты хотя со мной поступил неладно, да я выведу тебя домой. Садись ко мне на спину да держись крепче. Да узнавай свое место. Узнаешь как место да удержишься — и будешь дома жить, а нет — не видать родимого дому никогда!

Вот я сел ему на плеча, захватился. Он меня и понес. Я стал узнавать свое место. Узнал свой сад, захватился за дерево и закричал:

— Старуха, сними меня с дерева!

А старуха заговорила:

— Што ты, батько, ведь ты держишься за полати!

А этот старик говорит:

— Как за полати? Да я держусь за дерево в саду.

— Пробудись-ко,— говорит,— батько!

Я проснулся, и верно — за полати. Перекрестился тут, поглядел: все сыновья живы, и собаки лежат под лавкой, все тоже живы, благополучны».

Вот с того время он отстал ходить за охотой.

КАК ЖЕНА МУЖА ВЫЗВОЛИЛА

На Толвуе пропал муж у жены. Долго она понапрасну его отыскивала. И вот сжалился над нею сусед и указал ей такого колдуна, больше которого никто не мог отыскать ее мужа. Стала она просить колдуна о своем деле, а тот и говорит ей:

— Да что Иван-то Васильевич тебя ко мне посылает: он твоего мужа лучше меня отыскать может.

Пала баба в ноги к Ивану Васильевичу и упросила его пособить ее горю. Накануне Иванова дня отправились они оба к Ишь-горе и пришли туда в полуночную пору. Колдун научил бабу, что ей нужно делать, и остался сам внизу, а она поднялась вверх на гору — и видит большое

село. Была темная ночь, а стал белый день; конца нет строению. На улицах пляски и игрища, расставлены столы, на столах яствам и питьям счету нет.

Как завидели черти чужую женщину, окружили ее со всех сторон и стали у ней выспрашивать:

— Зачем пришла к нам?

— Я-де мужа разыскиваю.

— Ну,— говорят,— ладно, так разыскивай: только держи ухо востро.

Стали рядами целые их тысячи: платья у всех одноличные, точно с одного плеча; нельзя их различить одного от другого ни по волосу, ни по голосу, ни по взгляду, ни по выступке. И никак бы не могла баба признать между ними мужа, да на счастье вспомнила наказ соседа. У всех платье застегнуто с левой стороны и нет ни кровинки в лице, а у мужа правая пола вверху, а кровь на щеках так и играет. Как узнала она мужа, ее честью отпустили с ним домой. И пока они шли до суседа, не спускала с рук руки мужа.

НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ

У одного барина был холоп кабальный. Вот и вздумал этот холоп на Ивана Купалу в самую ночь сходить в лес, сорвать папоротник, чтобы клад достать. Дождался он этой ночи. Уложил он барина спать, скинул крест, не молясь богу, в одиннадцать часов ночи и пошел в лес. Входит в лес. Жутко ему пришло, раздался свист, шум, гам, хохот, он все ничего, хоть жутко, а идет. Только глядь, а черт с ногами на индейском петухе верхом едет. И это ничего, прошел холоп и слова не сказал. Глядит: вдали растет цветок, сияет, как точно на стебельке в огне уголек лежит. Обрадовался холоп, бегом бежит, уж почти к цветку подбежал, а черти его останавливают, кто за полу дернет, кто дорогу загородит, кто под ноги подкатится — упадет холоп. Не вытерпел он да как ругнет чертей: «Отойдите,— говорит,— вы от меня, проклятые!» Не успел он выговорить, вдруг его назад отбросило.

Делать нечего, поднялся опять холоп, пошел, видит: опять на прежнем месте блестит цветок. Опять его останавливают, опять дергают, он и знать не хочет, идет себе, не оглянется, ни словечка не скажет, не перекрестится, а сзади его такие-то строют чудеса, что страшно подумать.

Холоп и знать ничего не хочет, подошел к цветку, нагнулся, ухватил его за стебелек, рванул, глядь: вместо цветка у черта рог оторвал, а цветок все растет по-прежнему и на прежнем месте. Застонал черт на весь лес. Не вытерпел холоп да как плюнет ему в рожу! «Тьфу ты, чертова харя!» Не успел проговорить, как вдруг его опять отбросило за лес. Убился больно, да делать нечего.

Вот он опять встал, идет опять в лес, и опять попрежнему блестит цветок на прежнем месте. Опять его останавливают, дергают, терпит холоп, тихонько подполз к цветку и сорвал его. Пустился со цветком домой бежать и боль забыл. Уж на какие хитрости ни подымались черти — ничего, холоп бежит и думать об этом забыл, раз десять упал до дому.

Подходит домой, вдруг барин выходит из калитки, ругает холопа на чем свет стоит:

— Алешка! Где ты, подлец, был? Как ты смел без спросу уйти?

Струсил холоп: злой был барин у него, да и вышел с палкой. Повинился:

— Виноват,— говорит,— за цветком ходил, клад достать.

Пуще прежнего барин озлился:

— Я тебе,— говорит,— дам за цветком ходить, я тебя ждал, ждал! Подай мне цветок: клад найдем, вместе разделим.

Обрадовался холоп, что барин хочет клад вместе разделить, подал цветок, и вдруг барин провалился сквозь землю, цветка не стало, и петухи запели.

Остался один холоп, поглядел, поглядел кругом себя, заплакал бедняга и побрел домой. Приходит домой, глядит, а барин спит по-прежнему. Потужил, потужил холоп да так и остался ни при чем, лишь только с побоями.

ПРО ИВАНОВ ЦВЕТ

Один парень пошел Иванов цвет искать, на Ивана на Купалу. Скрал где-то Евангелие, взял простыню и пришел в лес, на поляну. Три круга очертил, разостлал простыню, прочел молитвы. И ровно в полночь расцвел папоротник, как звездочка, и стали эти цветки на простыню падать. Он поднял их и завязал в узел, а сам читает молитвы.

Только откуда ни возьмись, медведи, начальство, буря

поднялась... Парень все не выпускает, читает себе знай. Потом видит: рассветало и солнце взошло, он встал и пошел. Шел-шел, а узелок в руке держит. Вдруг слышит — позади кто-то едет. Оглянулся: катит в красной рубахе, прямо на него. Налетел да как ударит со всего маху — он и выронил узелок. Смотрит: опять ночь, как была, и нет у него ничего.

О ПРОКЛЯТЫХ

ЛЕШИЙ ВЗЯЛ

Да, вот, было дело ⟨...⟩. Тимоха мальчишком еще был, озорником таким. Вот как-то летось собрались ребята в лес по ягоды. А Тимоха чем-то тут матери своей досадил, она и скажи:

— А штоб тя лешой взял!

Вот ушли ребята, день целой ходили, а приходят вечером — нет с има́ Тимохи. Мать туды-сюды,— где Тимоху оставили? Никто не помнят. Бросились к колдуну. Хороший у нас тут колдун был, дед Лукоян, лонись помер... Дед Лукоян в чисту воду глянул да и говорит:

— Ишшите Тимоху в лесу за поганой варакой, он беспременно там.

Бросились туды мужики, глядят — и верно, Тимоха. Они за им, кричат:

— Тимоха, Тимоха, подь сюды,— а он от их бегом бежать. Едва поймали его, на руках в деревню привели. Он, как прочнулся, говорил, будто старика в белой одежде в лесу стретил, тот его и водил, и водил, далеко завел... И на всю жисть Тимоха после того дураком остался: память у него отшибло, всякое понятие пропало, так и помер дураком неразумным...

ПРОКЛЯТАЯ

Святки идут — ворожат же. Ну и вот, один парень, значит, говорит:

— Пойду я в баню эти камушки вот набирать и нести в прорубь, спускать — тут что-то должно быть.

Эти говорят:

— Ты,— мол,— не пойдешь.

Поспорили они там. Он:

— Почему? — И ночью пошел. Пошел в баню в двенадцать часов ночи.

Заходит в баню... Вот говорят, когда заходишь в баню, протянешь руку, и вот если в мохнатой рукавице возьмет — значит, богатая будет невеста (или там жених), а если просто голой рукой — значит, бедная.

Он, значит, заходит, а его хватает голая рука и говорит:

— Ты,— гыт,— на мне женишься?

Он, значит, боится, напугался: если не женится, значит, что-то с ним будет. Придется, значит, жениться. Он же не знает, не видит, кто, вот рука только. Темно же, ничё не видать, только рука одна держит его:

— Женишься,— говорит,— на мне?

Он говорит:

— Женюсь.

— Ну, раз женишься, завтра вечером приходи. Ты пойди,— гыт,— счас домой, матери скажи, отцу, мол, женюсь я. Не говори, на ком, потому что ты сам не знаешь. Говори, что женюсь. Принесешь,— гыт,— к завтрашнему дню мне одежду полностью, ну, всю женскую одежду мне принесешь.

Напугался. Она его отпустила, все. Он пришел домой. Молчит, ни с кем не разговаривает, печальный такой, ну, напуганный еще вдобавок. Приходит, значит, и говорит:

— Тятя, мама, я,— говорит,— женюсь.

— На ком женишься? — Он молчит, ниче не говорит. Ну что он скажет? Сам не знает. А сам-то в мыслях думает: «Вдруг окажется какая-нибудь ведьма, старуха». Ну, всяко же может быть.

Ну вот. Они, значит:

— Ну, женишься-женишься.— Переубеждать не стали. Хоть и по старинке, ну, видимо, таки родители попались, не стали его переубеждать.— Женись, ладно.

На другой день с матери попросил:

— Давай мне платье, нижнее белье — все.— Взял, чтобы, значит, одеть-то полностью. Пришел туда, в баню. Опять в такое же время, ночью. В это же самое время пришел. Она ждет:

— Пришел,— говорит,— принес мне одежду?

— Принес.

Она одевается. Он еще не видит, как она оделась. Она была совершенно голая. Девушка. Он ее ведет, видит очертанья, а лица сам не видит. Когда завел ее в избу,

она оказалась такой красавицей! Вот писаная красавица.

Она говорит:

— Ты меня ничего не спрашивай. Я,— гыт,— тебе ничего не скажу, откуда взялась в этой бане. Ничего не скажу. Потом,— говорит,— ты с годами все узнаешь.

Прожили они несколько лет. Ну, детей не было, правда. Вот она начала скучать. Скучает, тоскует — жена-то. Ну, жили очень хорошо, в общем, богато жили. Он, значит, эту девушку, жену-то свою:

— Ну, что,— говорит,— с тобой случилось?

— Мне бы в гости съездить.

— К кому?

— Ну,— гыт,— к знакомым своим, к родственникам.

— Ну, хорошо,— гыт,— я тебя повезу.

Запрягли пару коней, поехали. Едут сутки, двое, трое. Она:

— Езжай, езжай дальше. Вот,— говорит,— еще одно село будет там. Вот туда мы едем.

Уже темно. На улице ночь. Они подъезжают к селу к этому — и крайнее окошко. Свет горит.

— Вот,— говорит,— заверни,— говорит,— мы здесь переночуем.

Он заворачивает к этому дому, стучится. Оттуда старческий голос, старуха говорит:

— Кто там?

Они:

— Откройте, бабуся, переночевать.

— Зачем вы мне тут со своей переночевкой. Мне и без того... Всю жизнь я тут маюсь.— Ну, открыла дверь, так они вошли.— Дите,— говорит,— с малых лет не растет. Лежит целыми сутками и ревет. Все силы,— говорит,— уже с им... Измучилась. И не знаю, че делать. А тут еще вы с гостями со своими.

Ну, она уже дошла до того... бабка, худая! А ребенок все не растет, все в зыбке качается и даже ни на минуту рот не закрывает: кричит и кричит и плачет, плачет и плачет, да заревывается еще. Вот она с ним прямо не знает, че делать. И кормит его, и все...

Ладно. А эта, жена-то его, и говорит:

— Когда,— гыт,— я была маленькая и лежала вот в этой зыбке качалась, я заплакала, ись попросила, а ты послала меня к черту: «Пошла,— гыт,— ты к черту».

Ну, она была еще молодая в те годы.

Вот это мать прокляла ее, послала к черту, а черт

это услышал, взял ее и забрал, эту девочку. Забрал ее и ро́стил до восемнадцати лет, до совершеннолетия. Воспитывал. А вместо ее, значит, положил полено. Это полено в ребенка, конечно, превратил. Положил это полено... И черт ее ро́стил до восемнадцати лет. Вырастил и говорит:

— Ну, ты уже совершеннолетняя. Тебя,— гыт,— нужно замуж выдавать.

Он не черт был, а вот этот банник самый. Она в бане росла до восемнадцати лет, но только невидимая была. Когда ей исполнилось восемнадцать лет, он ее видимой сделал и говорит:

— Вот если придет,— говорит,— сюда парень молодой, если он откажется жениться на тебе, то ты вообще не выйдешь замуж и будешь такая же невидимая. Никто тебя не увидит, и вообще ты будешь одна. Если,— говорит,— согласится он жениться, то будешь жить ты счастливо, богато.

А мать-то не верит, говорит:

— Врешь! — Не верит, что это ее дочь-то. Она:

— Нет,— говорит,— я не вру.— Подходит и это полено, ну, ребенка-то, берет — и к окошку. А старуха-то закричала, напугалась. Она это полено-то, ребенка, берет и в окошко выбросила. Ребенок-то упал, закричал и в полено обугленное превратился.

ИЗ ЛЮЛЬКИ ПОТЕРЯЛАСЬ

Жил в одной деревне богатой мельник. И вот мельница у него была в верстах трех от деревни. И вот в один день посылает он своего сына на мельницу. А сын взял с собой балалайку. А было ему девятнадцать лет. И вот он сошел на мельницу, засыпал молотье, а сам пришел в избушку, сел на лавочку и заиграл в балалайку. И вдруг является к нему барышня и давай плясать по этой балалайке. И вот этот парень сдумал ее схватить, она и убежала от его.

— И вот теперь,— говорит,— я пойду домой и возьму на две ночи хлеба.

Когда он пришел домой, то отец и стал ему говорить:

— Что же ты, милый сын, не женишься?

— Да невесту выбираю, папинька,— говорит.

— А где же ты себе невесту будешь выбирать?

— А вот схожу на мельницу на две ночи, тогда приду домой и скажу, где невесту возьму.

И вот пришел сын мельника на мельницу, пришел и засыпал восемь мер молотья, так, чтобы ему хватило до полуночи. А сам пришел в избушку, сел на лавку, взял балалайку и заиграл. И вот приходит к нему та же барышня и стала плясать по балалайке. И вот только стал он балалайку класть, чтобы схватить ее, она скочила и убежала. Вот он и говорит промежду собой: «Теперь не буду таков, как этто, на третью ночь. Как только ступит в избушку, так и схвачу, не буду думать ничего».

И вот на третью ночь взял балалайку в руки и стал играть. Видит, является та же барышня. Только зашла на середку избы, он бросил балалайку и схватил ее.

— Ну, умел схватить меня, умей и замуж взять.

— Ладно, возьму. Только расскажи мне, как за тобой приезжать и где ты живешь?

— Я живу в вашей плотине,— говорит,— и унесена полуторагодовалая. Так вот теперь ты придешь домой и скажи своему батьку, что я нашел себе невесту. Он и спросит: «Где же ты нашел?» — «Да во своей плотине».— «Да какие же могут быть невесты во своей плотине?» — «Да есть, папинька. Она мне только и надо, а больше никакую не возьму». И вот будут к тебе на свадьбу многие проситься, но только поедет вас трое: отец кресной и потом кучер, а остальные все не поедут, которые куда разойдутся. А ежели к попу сойдешь, тогда накажи попу, чтобы он встретил на полудороге с крестом, так что двадцать пять верст было ехать до погоста. А на свадьбу купи ты себе трех жеребцов вороных, чтобы которые могли от самого места что есть прыти бежать.

И вот приходит этот сын мельника домой, и стали они с батьком пива варить и вино курить. И вот сделали они парнёвик и созвали всех соседей. Окопились все соседи, и напились все соседи допьяна, так что каждый говорит, что я к вам на свадьбу поеду. И спрашивают:

— Где же у тебя невеста, Иван?

— У меня невеста во плотине своей.

И вот кто говорит, что спать захотелось, кто говорит, что поостынуть выйду. Так что разошлись все с парнёвика, и остались только отец кресной да кучер. И вот стали они направляться к венцу. И вот сели они в тарантасы и поехали к мельнице за невестой. Приехали к плотине. Остановились и ждут. Выходит невеста, выносит три сундука

приданого, и вот оклала она все сундуки на лошадей, села с женихом — и поехали.

— Ну, теперь как можно скорее поезжайте!

И вот кучер и давай хвостать жеребцов. И вот доезжают они до полудороги, и священника нету. И вот приехал на ту пору к священнику благочинный и задержал попа. Когда услышал поп, что колокольчики уже зазвонили, тогда схватил крест и побежал. Только что добегает до них, обежал три раза с крестом. И потом после этого поднялась сильная погода: и загремел гром, и засверкала молния, так что всех занесло пылью. И вот только слышен был голос из этой погоды: «Счастлив, что священник с крестом подбежал, не то обоих бы убил». И вот приводит их священник в церковь, обвенчал и пригласил их к себе в дом чай пить. И вот когда они чай попили, тогда попадья велела молодку нарядить в хорошее платье. Принесли сундук молодкин, и разрыла этта молодка сундук и стала выбирать себе одежу, какую нужно себе одеть. А попадья сзади ее стояла и смотрела в сундук ейный. Потом отошла к попу и сказала:

— Батька, дак это, быть надо, дочка наша, которая потерялась полтораговая из люльки (проклянула, значит, попадья ее раньше)!

Вот подошли поп и попадья к молодке и спрашивают:

— Где ты была?

Говорит:

— Я была у мельника в плотине, а сын мельника взял меня замуж.

— А не помнишь, откудова ты унесена?

— Нет,— говорит,— я не помню.

Тогда поп и попадья бросились к дочке на шею и стали целовать и тут же с законным браком поздравлять.

О ВЕДЬМАХ И КОЛДУНЬЯХ

ВЕДЬМЫ С ЛЫСОЙ ГОРЫ

⟨...⟩ На остров Иванцов, близко деревни (Кузаранда.— *Н. К.*), ежегодно на Ивановскую ночь прилетают из Киева, в виде сорок, ведьмы для собирания разных снадобий и трав. Уверяют, что травы эти, совершенно отличные по виду и свойству от обыкновенных, уносятся ведьмами на Лысую гору.

Однажды, рассказывают, какой-то старик поймал за хвост одну из таких сорок, но та рванулась, оставила в руках храбреца сорочку и улетела.

СЕСТРЫ-ВЕДЬМЫ В СТРАШНУЮ НЕДЕЛЮ

Ведь вот еще... Сват шел со службы — раньше все больше пешком шли — и зашли в деревню, думают: «Три дня отдохнем — и дальше». Их трое было. В деревне той жила женщина, у ней три дочери. Она к себе тех пустила. Дом на две половины был. В одной она их положила, в другой сами легли. Легли, побормотали, ведьмы-то...

Те двое уснули, а я, говорит, не сплю. Покурил и не сплю — не могу. А время-то двенадцать часов. Тут выходит старшая дочь, лампу зажгла, к печке подходит (знаете, раньше такие печки были, русские, это сейчас плиты стали, с плитами легантнее), открыла трубу — фырк! Я замерз (замер.— *Н. К.*). Потом вторая вышла, подошла к печке, тоже фырк! — и не стало ее. И третья за ними. Ну, я примерз, пошевелиться не могу.

Разбудил после друзей, рассказал им, они не верят. Лежим, что делать-то?

А на рассвете слышат: в двери заходят, хохочут. И зашли в двери: улетели в трубу, а зашли в двери.

Это все в «страшную неделю» бывает, на великий четверг, перед пасхой.

КАК МЫШЬ СВЕКЛУ ГРЫЗЛА

Вот эту женщину, старушку, люди считали какой-то колдуньей.

Я сам был у нее в дому. Она обернет человека — одного в свеклу, понимаете, а другого в мышь. Мышь приходит — и свеклу грызет. Пинжачок был у мальчика. И отгрызла этот пинжак и ногу — и нога в крови. Когда это прошло все, понимаешь,— у его ободрана нога и пинжак... Он заплакал и домой побежал.

Это действительно, она колдунья была. Это вот на моей памяти было. Когда она уже отделала нас, уже стали мы людьми, думаю: «А где я в это время был?» Ничего не помню. Так она ошарашила, что человек без всякого сознания.

МАТЮША И КОЛДУНЬЯ

Я был мальчишка, ну, годов, может быть, десять — двенадцать, может, до пятнадцати было. А сватья наша была колдунья, зятева мать.

Вот мелет:

— Принеси, Матюша, двадцать копеек.

— А в честь чего?

— Так я тебе любую девушку приколдую.

Я скажу:

— Можно. А кого приколдуешь?

— Да кого хошь?

— Глашку Кирьянову приколдуешь?

— Этой нельзя.

— Ну, дак...

— Этой нельзя, буржуйки: богата.

— Ну, дак тогда ничего не получишь: ни двадцать копеек, ничего тебе не дам...

О ПОКОЙНИКАХ

ЖЕНА ИЗ МОГИЛЫ

Досюль играл молодец с девицей три года, и выдали эту девицу за другого молодца. Выдали в одну деревню, а за него не дали. Она жила с мужем с ним три года. Потом сделалась нездорова, стала у ней глотка больна. Потом ее похоронили — она померла.

Она жила в земле шесть недель, потом она в земле поправилась и выстала из земли ночью и пришла к своему мужу. Ее там муж не пустил. Пришла она к отцу да к матери — и отец и мать ее в избу не пустили в ночное время. Пришла она к крестной матери — и крестная мать не пустила.

И она опомнилась:

— Пойду я к старопрежнему парочке, не пустит ли он.

И пришла она против окошка. Он сидит у окна, пишет, и она ⟨...⟩ подавалась в окно. Он работника разбудил и пошел за ней с топорами. Работник, как увидел, пошел назад домой: испугался, что съест. А она парочке старопрежней:

— Мой парочка, возьми меня, я тебя не трону.

Он к ней пришел, ее обнял, а она ему сказала:

— Ты меня горазно не прижимай, мои косточки належались.

Он взял ее в фатеру, замкнул в сенях на горнице и держал ее восемь недель там и не показывал никому, одевал и кормил.

Потом пошли они в церковь с тем парочкой. Пришли они в церковь, и все на нее смотрят: отец и мать, и муж, и крестна. Мать говорит:

— Это будто моя дочка стоит.

Все они переговариваются между дружком, и она услыхала. И вышли они из церкви на крыльцо, отсюда матери она говорит:

— Я ваша есть. Помните, как я в такую-то ночь к вам ходила, вы меня не пустили. Потом я пошла к старопрежнему парочке, он меня и взял, и кормил, и поил восемь недель, и одевал.

И присудили ей: за старого мужа не отдали ее назад, а с парочкой повенчали, который взял ее ночью.

Тут моя сказка, тут моя повесть, дайте хлеба поесть. В городе я была, мед пила, а рот кривой, а чашка с дырой, а в рот не попало.

ПОКОЙНЫЙ ДРУЖОК

Была девица, от родителей осталась одна и сознался с бурлаком с хорошим, слюбилася с ним. Девица даваться стала к деде да дединке, ей жить негде:

— Возьмите меня, подберите.

Они ей говорят:

— Покинь дружбу, дак мы тебя и возьмем.

Она сказала:

— Покину, возьмите только.

Они и взяли ее, а она дружбы не покинула, втай где на вечеринке сойдется. И до того доходила и долюбилися, что и в люди вышло, а дедя и дединка поругиваться стали. А молодец занемог да скоропостижно и помер. Дедя и дединка говорят:

— Слава богу, теперь с им знаться не будет.

Она ходит на вечериночку, а все по ем тоскует, все в уме держит. На вечериночку придет, да с вечериночки все с подругами порозь, ладит идти на могилу. И сходит, поревит. Придет и спать повалится, а он к ней и приходить стал. Люди не видят, а она говорит с ним. Стала весела эдака, он говорит ей:

— Я умер, да не взаболь. Сряжайся взамуж за меня.

До того дело дошло, что она платье наладила, отдала тючок подруге и говорит:

— Я сегодня взамуж пойду.

А подруга и говорит:

— Что ты, ведь его нет живого.

— Нет, он ожил.

— А пошто люди не видали никто?

Пришли с подругой на вечеринку, опять его и видать, а подруги не видят. Тут сговорились они, он и говорит ей:

— Я пойду домой, а ты приходи к моей фатерке, из фатерки пойдем венчаться.

Она пришла в его фатерку, а он лежит покоен в савану, свечка горит, образ, она тут и сробела. Тут и самой смерть пришла.

Поутру ставают дедина с дединкой — нет племянницы: «Где, где, где?» — не знают, где и взять. Подруга та и сказывает, что она взамуж сряжалася за досельного любовника. Платье посмотрели — нету. Дедя и пошел на могилку, а она на его могиле лежит мертва, а платье по крестам разлеплено.

ЖЕНИХ-МЕРТВЕЦ

Девка с парнем дружила. А его богатые убили, сказали, что на фронт уехал.

Он к ней в двенадцать часов пришел:

— Ну, Зина, собирайся, поехали.

Она спрашивает:

— А где у тебя конь-то?

Идут на луну-то, а он говорит:

— У тебя тень, а у меня нет.

Она поняла, что это неживой человек. Она его спрашивает:

— Далеко еще идти-то?

Пришли они на кладбище, он ее подводит к могиле и говорит:

— Проходи.

Зина его первого пропустила. А сама начала ему по вещичке отдавать. Когда вещи-то все отдала, начала по бусинке отдавать, а сама-то все рассвета ожидает. Ночь уже спустила, петухи запели. А Зина-то как раз уже ноги в могилу спустила. Петухи-то запели, и земля сомкнулась. Она давай кричать.

Мужики мимо шли, подошли и выкопать не могли. Попа позвали, выкопали. А она и умерла, осталась со своим женихом.

КАК Я ПОМЕР

Я с одной девушкой гулял. И вот девушка эта, невеста моя, померла. Я ее очень любил и крепко жалел.

И вот собрались возле колокольни, вся молодежь бегат. Я и говорю:

— Э-эх, была бы там сейчас моя Маруся, я бы сейчас залез на колокольню.

А ребята привязались:

— А тебе не залезти на колокольню!

Время уже было одиннадцать — двенадцатый час. Я говорю:

— Но, да пустяки. Залезу! Залезу и позвоню.

Только туды залез на колокольню, гляжу: моя Маруся там сидит! Вот так, скорнувшись... Я ее:

— Маруся!

Она мне голоса не отвечат.

— Маруся!

Голоса не отвечат.

Я с ее платок сдяргиваю — и в карман. В колокол позвонил и спускаюсь. Ребятам говорю:

— Вот, она счас там была, платочек снял с нее.

Смотрят: верно, в еёном платке, в котором похоронили — этот платок. Действительно, правда.

Значит, домой пришел. Вечером она приходит и говорит:

— Отдай мне платок!

Я, значит, ей выношу, кладу на крыльцо, говорю:

— Возьмите.

— Нет, как сумел снять, так сумей и повязать.

А на второй вечер она опять приходит.

— Коля, отдай мне платок.

Я опять вынес ей — она опять не берет.

И вот привели потом попа, поп ходил кадил тут, причастили меня — все это сделали... поговел я. Но, решили: что же, делать нечего, придется идти повязывать. И только стал повязывать-то платок — она меня как схватит! Схватила крепко и зажала...

Потом не могли никак разжать: ни топором не разрубить, ни пилой не распилить. Так я тут и помер. Вместе меня с ней и похоронили... Ха-ха!

О ГАДАНИИ

ГАДАНИЕ

Ходили мы слушать в святки, против Рождества. Вышли к гумнам к нашим. Пять человек нас было. Вышли к гумнам и зачертили круг — как по деревне визг!..

Мы вышли из черты — тихо. Вошли опять в круг — опять визг.

Вот одна:

— Наверно, мой брат погибнет в этом году: это как я плачу.

На следующий год вышла она замуж самоходкой. Была на беседе — братья ищут. И эти братья пришли к жениху и потащили ее через всю деревню домой — так такой визг по деревне стоял!

ДЕВИЧЬЯ ВОРОЖБА

⟨...⟩ А там летом святки бывают, мы уж большие были, дак парней ворожили. В муравейник кладовали ленточки, чтоб нас парни любили. Эки были дубища, дак! ⟨...⟩

Я помню, мы пошли, такие у нас крутые горы, ячменя была большая полоса у моего ухажера.

Вот о святках (вот теперь были святки летом, летние святки) пришла:

— Пойдемте,— говорю,— девчонки, у Никоновых выкатаем жито.

Тогда мы не ячменем называли — житом. Как уже в колос зашел, и уж он зацвел, ячмень-то уж цвести начинает, такие спускает сережки. А мы пошли:

— Давайте пойдемте, девчонки, выкатаем у Никоновых ячмень...

Вот и пошли. Жито называли, жито, а оно уж цвело.

А этот свекор-то (будущий.— *Н. К.*) несчастный под полосу забрался, и погонялка взята. Девчонки-то все прокатились, а я-то последняя — мне и попало.

Я говорю:

— Ой, больше не вешай!

А девки скажут:

— Ну, ты й попадешь за Костю взамуж, ты. Тебе погонялкой попало, дак.

Так и стало: я и попала за этого парня взамуж.

Ну, и выкатали всё, замяли жито, как прокатились ведь пять девок...

МУЖЧИНА В ПИНЖАКЕ

Была у нас девка с одним глазом. А мать-то ее на Рождество уехала. Она, Катюшка-то, зеркало взяла, две свечи с церквы поставила, материно венчально колечко в стакан бросила и против зеркала поставила. А сама рядом села. И надо, чтоб тихо-тихо было.

А мы сидим на койке все.

Ну вот, зеркало потемнело. Она нас тихонько позвала. В зеркале колосья, трава заколыхалась, выходит из нее мужчина в пинжаке, шляпе, с тростью, а брови и ресницы у его густушши-густушши.

Катюша уехала в Нерчинск, вышла там взамуж. Я ее мужа-то увидала: хоть и без трости был, а по бровям, ресницам я его сразу признала.

БУКЕТ ЦВЕТОВ ДВЕНАДЦАТИ СОРТОВ

Не помню уже, кто нас этому учил. Но многие в наши дни гадали так: соберемся в поле с девушками, нарвем цветов двенадцать сортов и на ночь кладем их под голову. Слова какие-то говорили, но давно это было, не помню. Но помню только, что милый во сне явиться должен.

Я тоже гадала. И показался мне парень, до сих пор помню: серые брюки, белая рубашка и рукава закатаны. Хорош парень. Но жалко, что не видела его больше. Наверно, ворожба такая не всегда правду говорит.

О КЛАДЕ

ЗОЛОТАЯ КУРУШКА

Ну вот, шла старушка одна из байны, и впереди ее бежит курушка, и вся такима золотыма копеечками. Она за курушкой этой вслед — и хотела ей поймать, а она от ней прочь — а она вслед. Такая золотая курушка бежит — и в черемушку. Она поглядела: потерялась в черемушке. Искала-искала, потом заходила, опеть снова ходили искать — не могли найти. Курушка так потерялась.

Потом, которы люди знают, говорят: тут клад через черемушки попал. И так найти не могли ⟨...⟩.

Дак вот я и сама ходила искать, ладила найти... золота бы и получила, дак ничего не могла найти.

СВИНОЕ РЫЛО

Жили мы тогда в Онисимове. А ведь около Онисимова, сам знаешь, крутая гора, прекрутая, к Ветлуге-то. Тут есть маленький лесок. Пошел я этак раз — лет десять мне было — в лесок этот грибы собирать. Хожу, шатаюсь по косогору-то, где гриб, где два сорву.

Пришлось проходить мне около ключа. Вот и покажись мне, братец ты мой, стоит бы в косогоре-то сундук, как раз на ручье на самом, окован железом весь, около аршина ширины и аршина полтора в длину, весь обтыкан по сторонам костями, большущими костями, не знаю — чьими, так вот и торчат по бокам-то. Поиспугался я тут, да ничего. Мороз по коже подирает, а смотрю.

Вдруг покажись мне тут свиное рыло; оскалила зубы эта свинья и смотрит на меня, изо рта вода. Оторопь взяла меня тут, сам не свой сделался, волосы дыбом на голове. Взглянул на рыло-то,— ей, да унеси-ко оттуда, господи, что есть прыти домой. Прибегаю домой — на мне лица нет.

Что, спрашивают, с тобой? Я в слезы. Едва-едва успокоился и рассказал, в чем дело.

На другой день ходили с крестным оба осматривать то место, но и места-то уж не нашли, ничего похожего даже нет.

БАРАШЕК ИЗ-ПОД ПОЛА

Жила одна семья спокойно, тихо. Большая была семья. Уходят родители в поле, детей оставляют дома.

В одно прекрасное время приходят родители домой, дети жалуются, что с ними барашек играет.

— Какой барашек? — спрашивают.

— Да с-под пола,— отвечают дети.

Просят дети достать барашка, но кто поверит?

И пошла легенда по селу. Под страхом деревня стала жить. Дети припухли, играть не стали. А барашек все вылазил и играл с детьми. Золотой шарик вылазил... то золотым человеком, то барашком вновь прикидывался.

Так шли годы. Из бань стали выходить ведьмы. В пустых домах музыка играла, черти плясали. Молодежь отсиживалась по вечерам дома.

И дошла эта весть до станичного атамана. Взял он добрых казаков и пришел в деревню проверить, насколько это правда. Пришли в эту семью и начали делать раскопки. И обнаружили на глубине трех метров саблю дамасской стали и корзину с золотом. И оказалось, что тот, кто ложил клад, сделал заклинание и что клад таким образом должен обнаружиться.

И так в этом доме хозяин стал богатым купцом. Все это было завещано предками потомству.

ХОДЯТ ЧЕРНЫЕ КОШКИ КРУ́ГОМ

Недалеко от Чердакло́в (Самарская губерния, Ставропольский уезд) есть дуб. Под ним лежит клад.

Вот раз мужики пошли его рыть, ружье на всякий случай взяли. Пришли. Видят — около дуба (с полуно́чи) ходят черные кошки кру́гом. Стали они смотреть — глаз отвести не могут. Закружилась у них голова — и попадали мужики наземь. Очнулись, хотели рыть, а кошки опять

хороводиться пошли, то влево, то вправо. Так и бросили: страшно стало. Говорят, что на этом дубе повесился тот, кто клад зарыл.

КЛАД ДОМОЙ ПРИШЕЛ

Ну вот, по случаю того, что ходили искать клады. Был такой момент, что пошли два товарища искать клад, приглашали третьего. А тот говорит:

— Если бог даст, так и на печь подаст.

Ну, эти два друга ходили и ночь там копались-копались, ничего не нашли.

А этот спал ночь. Ну, они перемокли на дожде. И на третьего были недовольны. Идут — и нашли дохлую собаку. Вот эту дохлую собаку взяли подтащили к окну этого товарища и бросили в окно, чтобы надсмеяться над ним.

Собака эта оказалась кладом, вся рассыпалась на золото.

Ну, в результате он правильно сказал:

— Бог даст, и на печь подаст.

Значит, клад пришел домой.

БАБА С РОГАМИ

В поле мужики у нас работали. Вдруг видят: баба стоит — с рогами — клад это самый и был. Стоят они и смотрят, а подойти сами не смеют.

Так она и рассыпалась тут же на их глазах, пока они глядели. И стала тут груда камней. И до сей поры лежит, говорят... Не умели зачурать, значит.

НА ЦЕПЯХ БОЧКИ С ЗОЛОТОМ

В Саратовской губернии, в Кузнецком уезде, возле села Елюзани, клад есть: в озеро на цепях бочки с золотом опущены. Тут прежде разбойники жили и оставили все награбленное добро в озере, а для того чтобы никто не узнал, куда они дели золото, сносили его в воду по ключу: по нем и от озера шли и к озеру. Озеро почти все теперь илом занесло, и клад никому еще не дался.

НОСИТЬ—НЕ ВЫНОСИТЬ

⟨...⟩ Он служил в армии. И вот один какой-то проезжающий говорит:

— Вот в таком-то месте в Олонецкой губернии Каргопольского уезда есть камечник. Там есть клад: носить — не выносить и возить — не вывозить. А место: в камечнике в этом есть камень, и в камню есть родничок. И вот в этом месте есть клад.

Дак вот никто не знает, что вот какой там есть клад: носить — не выносить и возить — не вывозить. Милицию бы туда направить, может, она нашла.

ВЕРТИТСЯ, А В РУКИ НЕ ДАЕТСЯ

Есть клад такой: горшок вертится, а в руки не дается. Это было в Великом Дворе, в Алмозере.

Копали — он уже близко. Его бы уже взять только — а он опять загремит — да вниз. Копают глубже — опять он вниз.

Надо ведь не торопиться, да слова знать, да с иконой подступать...

ЗОЛОТОЙ САМОВАР И ГА́РМАНЫ

Жила одна семья, муж и жена. Ну и вот. И был купец такой, очень богатый. И когда он умирал, он, значит, завещал клад на имя Анны. Только клад мог взять, в общем, с именем Анна.

И этот клад находился на кладбище. Нужно было, чтобы этот клад достать, идти в двенадцать часов, разрыть то место. Был оставлен план. Но где Анну-то найти? У него жена не Анна.

Нашли с именем Анна. Только Анна могла взять этот клад. Пришли на кладбище в двенадцать часов. Вот он ей и говорит:

— Вот что. Что бы тут ни было, как бы тут ни было, что бы тут ни гремело, ни шумело,— молчи. Кто бы тут ни налетал, тебя никто не тронет. Но ты должна молчать.

Наступило двенадцать часов. Стали они рыть это место, ну, как вроде бы могилу.

Роют-роют-роют. Клад этот находился в самоваре. Самовар этот золотой, и в самоваре — бриллианты, золото. Вот ему, значит, нужно было взять. Все уже вырыли. Вдруг откуда ни возьмись налетело каких-то белых одеяний. И ее стали за подолы таскать.

Он роет, копает. Он не может взять, у него руки трясутся. А на нее напали эти га́рманы, ее тащат со всех концов. А она со страху не знает, куда ей деваться. Петухи пропели — всё. Все закрылось, клад закрыт.

Как взять этот клад? Никак нельзя. Страх такой нападает, что на нее напало столько, и вот дергать ее начали за подол. Клада не взять никак.

И вот ходили они три раза этот клад брать — и все же она не могла выдержать этой страсти, померла: с ней разрыв сердца. Бабы не могли взять. Клад остался.

ДАВАЙ БОГ НОГИ!

Раз человек десять пошли клад рыть, в лес. С ними и свяжись один шутник. Дорогой он поотстал, а те вперед целиком пшеницей идут, тропу проложили. Он сзади шел да колосья через тропу-то и связал. Вот они пришли к месту, стали рыть, а он в стороне притаился да стонет. Те и стали переговариваться:

— Ты это?

— Нет.

— Кто-то стонет будто...

Он как заревет — они и давай бог ноги!

Побежали тропой-то, как до за́вязи добегут — грох об землю! Задние набегут — да через передних-то грох! Обеспамятели со страху: насилу домой пришли. А тот хохочет сидит. Уж после они его, как узнали, ругали-ругали...

ЧУДИТСЯ

НОСТА́ЛЬГИЯ

⟨...⟩ Так вот в поселке Федор Трофимыч однажды, значит, мне и рассказывает: «Шел я с охоты. Запоздал. Зашел в зимовье, в Чистой. Вижу, что поздновато, домой не попаду: Ушумун-речку перебродить... Я решил ночевать. Лег на нары, винтовку поставил около дверей в углу и ишо не успел заснуть, как слышу: о, из Уктычей с гармошкой едут, наигрывают. Я думаю: «Куда же они? Зачем сюда, когда можно было другой дорогой, поближе, попасть в Кудею?»

Вот ближе, ближе... Подъехали к зимовью, как будто спешились. И слышно, отворяют дверь. Гляжу: а в просвет-то двери захóдит человечек, сантиметров тридцать высотой, за ним другой. У меня, говорит, мороз по коже пошел. Что за люди такие? ⟨...⟩ Тихонечко, чтобы их не задеть, с нар соскочил, руку протянул к винтовке, схватил ее — и в дверь! И бегом, говорит, на брод через Ушумун. Перебрел на нижнюю елань и домой прибежал. Вот старухе рассказываю. Но она че? Говорит: «Чудится...»

Вот по-нашему, по-деревенски, говорят «чудится», а по-медицински это называется «носта́льгия»...

СОННА СВАДЬБА

Но это было где-то после войны сразу. Мы были в Суйсари у праздника, у Ильина дня. И вот мне захотелось вечером домой пойти. Я нашла напарницу женщину, тетю Маню. Ну, мы с ней пошли. До половины мы с Суйсари дороги дошли. И вдруг на правой стороне, вы представляете, веревки навешаны, белье висит, гремят самовара-

ми, столы расставлены. Меня взяла жуть. Тетя Маня мне, значит, руку сдавила: тихо, мол,— и вперед. Это мы километра два сюда, к Ялгубы, пришли, и я, значит:

— Тетя Маня, ты видела что?

— Видела. Ой, какая ужасть!

Сонна свадьба шла!

О ПРОВАЛИВШЕМСЯ В ЗЕМЛЮ ДОМЕ, СЕЛЕНИИ

ПРОПАВШАЯ БЕСЁДА

Ну, я слыхала, что в Хижгоре было три дома. Они прогрязли.

В это время была бесёда — и никто не знал. Только дым пошел из трубы, говорят, и песни слышались...

Туда сейчас зайдешь, в эту яму, дак страсть такая!..

С Хижгоры видно Мянгору. В Мянгоре и Хижгоре жили хозяева. И одну сковородку перекидывали с горы на гору. На этой сковородке пекли блины те и другие.

Эти острова рядом тут, за Челмужской губой,— залив Онежского озера.

ПРОВАЛИВШИЙСЯ В ЗЕМЛЮ ДОМ

⟨...⟩ В последний вечер на сем свете существования поглощенного землею дома, когда оный наполнился народом, по заведенным порядкам началось пение песен, пошли пляски, шум и гам стали в полном разгаре, то тогда все предметы стали принимать неестественный вид: народ казался с чудовищными головами, вместо рук медвежьи лапы, с лошадиными ногами, забегало множество ящериц и ⟨...⟩ пресмыкающихся гадов, появились обитатели преисподней бездны, воздух сделался густой и смрадный — одуряющий, дыхание становилось час от часу невыносимо тяжелое, горевшая в светце лучина не издавала почти света. Народ сделался вне своего сознания ⟨...⟩ — всюду болезни и никакого исхода не находили — для них двери и окна в доме были нечистою силою заграждены. Началось на вышке, в подполье, в сенях и во всяком углу движение, ломанье и треск и, наконец, почувствовалось совершенное колебание всего основания погибельного дома, и одна женщина, сообразив, что при-

шла очевидная неминуемая погибель, бросилась в окно, но чьими-то руками была схвачена за сарафан, половина которого и осталась в руках хватавших ее, но она все-таки выскочила на улицу и что же увидела? Увидела она, что дом окружен черными крылатыми муринами, щелкающими железными зубами, имеющими когти, которых, подобно воронам и грачам, насадилась полная крыша на доме и налепилось их по стенам и углам оного. Она же какими-то неведомыми судьбами от них спаслась и видела, как дом, подобно судну на воде, нагруженному камнем или железом, от пролома о подводный камень погружающемуся на дно,— провалился в землю и с краев его засыпало землей на такую глубину, что из него из-под земли слышалось только пение петуха.

О БИБЛЕЙСКИХ ПЕРСОНАЖАХ

СОТВОРЕНИЕ МИРА

⟨...⟩ По досюльному окиян-морю плавало два гоголя: один бел гоголь, а другой черен гоголь. И тыми двумя гоголями плавали сам господь-вседержитель и сатана. По божию повелению, по богородицыну благословению, сатана выздынул со дна моря горсть земли. Из той горсти господь-то сотворил ровные места и путистые поля, а сатана наделал непроходимых пропастей, щильев и высоких гор. И ударил господь молотком в камень и создал силы небесные. Ударил сатана в камень молотком и создал свое воинство. И пошла между воинствами великая война: поначалу одолевала было рать сатаны, но под конец взяла верх сила небесная. И сверзил Михайла-архангел с небеси сатанино воинство, и попадало оно на землю в разные места: которые пали в леса, стали лесовиками, которые в воду — водяниками, которые в дом — домовиками, иные упали в бани и сделались баенниками, иные во дворах — дворовиками, а иные в ригах — ригачниками.

СОБАЧЬЯ ДОЛЯ

Давным-давно в времена незапамятные, когда людей еще было мало на свете, все хлебные растения, как-то: рожь, ячмень, пшеница и другие — родились такими колосистыми, что колос был в длину всего стебля, от макушки до земли, и такими полновесными, что несколько таких колосьев только что в подъем для одной руки человеческой. Много и теперь ленивых жниц, а тогда все женщины были лентяйки, живши в довольстве, как сыр в масле, притом их было не много, а всего родилось в изобилии.

Вышли раз в то время женщины жать такую колосистую и полновесную рожь и стали роптать на бога, что он

родит рожь с такими колосьями, которые и тяжелы, и простираются в длину всего стебля, как бы только для того, чтобы они мучились, когда и в руку-то забирать такие усатистые и увесистые колосья неудобно и тяжело, а носить снопы и возить в гумны совсем не под силу.

Бог, услышавши такой ропот, решил стрясти все колосья и оставить одни стебли. Но в то время, когда он приступил к этому делу, в поле находилась собака. Смекнувши, что если очистится весь колос, то хлеба вовсе не будет, она завыла жалобно, прося бога оставить хотя небольшую часть колоса на их собачью долю. И бог внял собачьему вою и, сжалившись, очистил не весь колос, а оставил его на верху стебля настолько, насколько он родится и теперь. И так люди теперь питаются не своею долею хлеба, а собачьею.

ЧУДО НА МЕЛЬНИЦЕ

Када-то пришел Христос в худой нищенской одеже на мельницу и стал просить у мельника святую милостыньку. Мельник осерчал:

— Ступай, ступай отселева с богом! Много вас таскается, всех не накормишь! — так-таки ничего и не дал.

На ту пору случись — мужичок привез на мельницу смолоть небольшой мешок ржи, увидал нищего и сжалился:

— Подь сюды, я тебе дам.

И стал отсыпать ему из мешка хлеб-ат. Отсыпал почитай с целую мерку, а нищий все свою кису подставляет.

— Что, али еще отсыпать?

— Да, коли будет ваша милость!

— Ну, пожалуй!

Отсыпал еще с мерку, а нищий все-таки подставляет свою кису. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него у самого зерна так самая малость.

— Вот дурак! Сколько отдал,— думает мельник,— да я еще за помол возьму. Что ж ему-то останется?

Ну, хорошо. Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молоть. Смотрит: уж много прошло времени, а мука все сыпится да сыпится! Что за диво! Всего зерна-то было с четверть, а муки намололось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молоть: мука себе все сыпится да сыпится... Мужик не знал, куды и собирать-то!

ЧУДЕСНАЯ МОЛОТЬБА

Жил да был мужичок. Жил он больно бедно, ничего у него не было, и хлебушка на год не хватало. Этот мужичок был для странников и для нищих очень милосердным: когда к нему приходили странники и нищие, он никогда не отказывал в Христовом подаянии, завсегда их принимал на ночлег, ухаживал за ними и делил с ними пополам свою скудную пищу.

Вот, ходили два странника: один — Иисус Христос, а другой — Николай-чудотворец. И они часто заходили к этому мужичку, ночевали у него и полюбили всей душой этого мужичка. И вот Николай-чудотворец стал просить у Иисуса Христа, чтобы этому мужику дать богатство. Иисус Христос не отказал Николаю-чудотворцу:

— Ты,— говорит,— теплый молитвенник и ходатай перед богом, и как тебе отказать?

Однако не советовал Николаю:

— Что,— говорит,— из этого человека выйдет?

А все-таки согласился. И мужичок с каждым годом стал все больше богатеть и богатеть: и хлеба у него вырастет больше другого, и скотинки прибавится. И он стал форменным богачом.

И вот опять пошли странствовать Иисус Христос с Николаем-чудотворцем. И зашли посмотреть, что из этого мужичка вышло? Пришли и опять зашли к нему. Мужичок их и не пустил сразу, как сперва, и только после настойчивых просьб странников пустил их с условием, что они пойдут завтра молотить.

Когда странники легли спать, тогда, ночью, хозяин уделал и насадил овин и пошел сушить овин. Когда высушил, тогда приходит и зовет странников молотить. Те не соглашаются, говорят, что надо им с дорожки отдохнуть. Он рассердился и одного странника, с краю, набил. А с краю-то лежал Иисус Христос. И говорит мужик:

— После приду и другого также налуплю́!

Походил там около овина, посмотрел и опять идет будить странников. А тем временем, когда он ходил, Иисус Христос с Николаем-чудотворцем переменился местами и лег к стенке. Тот приходит и опять будит их. Они опять не встают. Мужик рассердился и набил, да опять Иисуса же Христа.

И третий раз то же случилось, и тоже Иисусу Христу досталось.

После третьего разу странники встали и пошли молотить. Каким-то чудом все у них — и зерно отделялось, и мякина, и пелёва, и все: не надо было перевеивать (на веялке). Мужичок, видя таких даровых работников, попросил их остаться и обещал хорошо платить им за работу. Те не согласились. А когда пошли, так сказали:

— Этак же молоти, через огонь, как и мы!

На другой же день мужик захотел попробовать: как это так «молотить через огонь»? Взял, вывез из кладух весь хлеб и хотел в один день весь измолотить. Когда он зажег — так же, как делали Иисус Христос и Николай-чудотворец,— тогда у него весь хлеб сгорел. Головешки перетащило на его дом и всё спалило.

И мужик остался еще беднее, чем был прежде.

БОГОРОДИЦА ЗАСТУПИЛАСЬ

Это было. Да вот один человек жил со своей женой. Жена была набожна и была благоразумна. Там мужичок жил богато и потом по пьянству все деньги пропил. Плохо ему зажилось.

Однажды он пришел в кабак. Весь день просидит, денег нет, а выпить охота. Так пошел, запечалился: денег нет, продать нечего.

— Кто бы,— говорит,— денег дал, дак жену бы продал бы.

Потом идет дорогой и встречает человека.

— Што,— говорит,— думал?

— А думал,— говорит,— надыть сказать по правде, кто денег дал бы, так я свою жену бы продал.

— Дам,— говорит,— только приведи жену на такое-то число. Поутру вставай на зоре, веди жену.

По указанну им в такое-то место. Он сказал:

— Где ты деньги возьмешь?

— Я тебе,— говорит,— выкопаю клад, что денег страшно много,— говорит.

Вот живут. Жена и такого дела не знает, что он так ее продал. Потом срок истек. Потом надоть вести жену на указанно место.

— Пойдем,— говорит,— жена, в одном месте есть у нас за полянками клад большой. А без тебя,— говорит,— не дается. И мы,— говорит,— получим его, много денег

получим, ты сама видишь, так как нам живется плохо. Тогда будем жить хорошо.

Потом жена пошла. Хорошо, идет муж и жена за им. Такой жены кроткой жалко стало. Ну, что ж делать?

При пути была церковь, храм божий. Вот она мужу объяснила:

— Супруг,— говорит,— я схожу в церковь помолиться, а ты обожди минуточку.

Он говорит:

— Иди.

Она зашла в храм и усердно поклонилась пресвятой богородице. Молилась и плакала, да в слезах она и заснула. Потом сжалилась пресвятая богородица над женщиной, обофор на себя накинула и пошла.

Потом муж стоит, дожидается жены и дождался — думает, что жена. И пошли, где указанно место, а духа злобы еще нет. Вдруг подынулась страшная буря: начало лес ломить. И вот прилетает дух.

— Привел,— говорит,— жену.

Он в испуге молчал. Потом быстро подскочил, думает, что жена его, и она осенила его благодей. Он отскочил от нее на много стадий.

— Ах ты,— говорит,— подлец! Ты не жену свою привел, а ты привел мати Иисуса Назарея.

Итак, это дело узнав, дух и так быстро подскочил к мужику с яростью. И потом пресвятая богородица мужика защитила, и так что свой обофор подняла, и так что дух злобы подскочил на несколько стадий, и земля разверзлась, и сделалась ущелина, подземелье. В ету яму он ввернулся и пропал. Потом и скрылась пресвятая богородица в тот момент.

Потом мужик понял, что защитила жену пресвятая богородица. Тогда мужик усердно замолился о своем прегрешении. Да пошел мимо церкви, жена выходит из церкви, так что он в испуге ничего жене не сказал. И пошли они домой и стали жить и усердно трудиться и повели благочестивую жисть. Распутную жисть мужик бросил 〈...〉. Тем и кончилось...

ЧАСОВНЯ ПРИ ДОРОГЕ

Вот у нас в Таржеполе была часовня на дороге. И вот не было часовни — была сосна, такая кудрявая-кудрявая.

Шел мужик в церковь в нашу деревню, в Верховье. У нас на горушке была церковь.

И ему показалась богородица будто. И богородица идет-идет-идет ему навстречу и говорит:

— Как бы мне согреться. На этом бы месте состроить хоть часовню.

И этот мужик нарубил бревен и такую маленькую-маленькую избушечку состроил, часовню. Иконы накупил.

А там был такой камень: со здешнего узенький, а там широкой. И была вот человечья ножка на этом камне. И такие росли маленькие-маленькие травушки, душистые-душистые. И мы всё ходили по этой травушке, и когда дождик подождит, на этом камню мылися, из этой ножки-то, и моемся-то девчонками там.

Дак ведь разорили эту часовню теперь, да и сосна выпилена. А как было красиво! А там у нас праздник — Тихвинская, вот топерь с иконами ходили бы... Да росу взимали в бутылочку, да этой росой-то мылись, да чтобы парни-то вслед нас бегали...

СОЛОМОН ПРЕМУДРЫЙ

Иисус Христос после распятия сошел во ад и всех оттуда вывел, окромя одного Соломона Премудрого.

— Ты,— сказал ему Христос,— сам выйди своими мудростями!

И остался Соломон один в аду. Как ему выйти из аду? Думал-думал да и стал вить завертку. Подходит к нему маленький чертенок да и спрашивает, на что вьет он веревку без конца.

— Много будешь знать,— отвечал Соломон,— будешь старше деда своего, сатаны. Увидишь, на что!

Свил Соломон завертку да и стал размерять ею в аду. Чертенок опять стал у него спрашивать, на что он ад размеряет?

— Вот тут монастырь поставлю,— говорит Соломон Премудрый.— Вот тут церковь соборную.

Чертенок испугался, бегом побежал и рассказал все деду своему, сатане, а сатана взял да и выгнал из аду Соломона Премудрого.

О СВЯТЫХ

СУД СВЯТЫХ

С нетерпением ждали крестьяне весеннего Николу. Зимний запасный корм весь вышел. Скот голодал. Ожидали, по примеру прежних лет, выгнать скот на подножный корм в день весеннего Николы.

Но обманулись: травы не вышло.

Думали-подумали мужички и решили, что виноват во всем Никола и что следует на него подать прошение богу.

Подали.

Получил это прошение бог, позвал для объяснения Николу.

— Почему ты не выгнал травы крестьянам? — спросил он Николу.

— Я тут ни при чем,— ответил Никола,— вина в этом Егория, если бы он дал дождь, я бы выгнал траву, а без дождя это невозможно.

Сейчас же был позван Егорий. Он явился. Бог сказал:

— Мужички жалуются на Николу, что он не выгнал травы, а оказывается, виноват в этом ты, а не он. Почему ты не дал дождя в свое время?

— Причина тут не во мне. Все делается по порядку. Засори Дарья прорубь в свое время, был бы и дождь в свое время.

Позвали на допрос Дарью. Дарья не признала своей вины.

— Моей вины тут нету. Все дело в Алексее. Он не дал с гор потока в свое время. Как же я могла засорить проруби?

Позвали на суд Алексея.

— Почему ты не дал потоки с гор в свое время? — спросил бог Алексея.

— Я в том не виноват,— ответил Алексей,— запоздал

в своем деле Василий. Он не дал в свое время капели, а без капели потоку не сделать.

Василий тоже не признал себя виновным.

— Капель от тепла, а где было его взять, если Авдотья не плющила. Виновата Авдотья.

Нашли Авдотью; привлекли ее к ответу по иску мужиков. А та отвечала:

— У меня не одно дело, что только плющить. На моих руках кросна и тканьё. Если бы было на руках одно дело, я не запоздала бы и плющать в свое время. А тут как раз пришлось ставить кросна в Пудоже.

Виновных, таким образом, не находилось, и было на суде у бога постановлено: оставить прошение без последствий.

НИКОЛАЙ-ЧУДОТВОРЕЦ И ЛЕШИЙ

Да тут отец спал с сыном. Да утром-то выстал да **и** скаже: «Этот пасик у меня,— говорит,— вси бока намял ночесь. Леший бы,— сказывает,— взял, все бока намял мальчик». Сели чай пить. А мать-то и скаже: «Господи, сохрани да помилуй». Ну вот.

Ну, значит, **и** надо было парню в лес ехать, а парню было годов четырнадцать, такой. И этот парень поехал в лес, приехал за дровами, дров воз наклал (я уж не знаю, правда ль, не правда ль)...

Парня нету-нету-нету. Уж время одиннадцать часов вечера — парня все нету. Пришел к парню цыган такой большой, с трубкой, значит, леший-то будто. И коня у ступа взял да так и замотал у паха коня-то, примотал — и коню-то ни с места. А парень стоит вот так: живой не во день. Дрожит. А он говорит:

— Не дрожи, скоро за тобой придет,— говорит,— целая группа.

А парень боится.

А с другой стороны идет маленький такой мужичок, такая борода, и говорит этому лешему-то:

— Ты изыди прочь, отсюда уходи, чтоб тебя не было!

Как поломился, скаже, ну, рассказывал мой папа, поломил-поломил-поломил, лес-то так, скаже, и трещит.

Да! Потом, значит, этот мужичок взял его,— ну, сказали, что это был Николай-чудотворец... Вот, с белой бородкой. И высек у него то выпряжье, его на воз посадил.

А этот паренек-то и скаже:

— Дедушко, проводи меня, я боюсь.

— Нет, не бойся: тебя никто топерь не тронет. Тебя встретят свои родители.

Он только на росстань ту выехал, с зимника-то,— и отец да мати встречают:

— Да пошто ты долго? Да чего ты долго?

А он говорит:

— Приеду домой — все расскажу.

Вот так. Ну вот, отец ведь уж да мать дак взяли домой да скорей обогрели: он весь замерз. Дома рассказал — да и онемел и говорить больше не стал.

Вот так. Это мне рассказывал свой отец.

КАСЬЯН И НИКОЛА

Раз в осеннюю пору увязил мужик воз на дороге. Знамо, какие у нас дороги, а тут еще случилось осенью — так и говорить нечего! Мимо идет Касьян-угодник. Мужик не узнал его и давай просить:

— Помоги, родимой, воз вытащить!

— Поди ты! — сказал ему Касьян-угодник.— Есть мне когда с вами валяндаться! — Да и пошел своею дорогою.

Немного спустя идет тут же Никола-угодник.

— Батюшка,— завопил опять мужик,— батюшка! Помоги мне воз вытащить.— Никола-угодник и помог ему.

Вот пришли Касьян-угодник и Никола-угодник к богу в рай.

— Где ты был, Касьян-угодник? — спросил бог.

— Я был на земле,— отвечал тот,— прилучилось мне идти мимо мужика, у которого воз завяз. Он просил меня: помоги, говорит, воз вытащить. Да я не стал марать райского платья.

— Ну, а ты где так выпачкался? — спросил бог у Николы-угодника.

— Я был на земле, шел по той же дороге и помог мужику вытащить воз,— отвечал Никола-угодник.

— Слушай, Касьян! — сказал тогда бог.— Не помог ты мужику — за то будут тебе через три года служить молебны. А тебе, Никола-угодник, за то, что помог мужику воз вытащить,— будут служить молебны два раза в год.

С тех пор так и сделалось: Касьяну в високосный только год служат молебны, а Николе два раза в год.

ПРО ЕГОРИЯ ХРАБРОГО

Ехал раз мужик лесом. Дело днем было, летом. Только вдруг видит: на овцу волк кинулся. Овца испугалась, кинулась под телегу. Волк испугался, убежал.

Мужик взял овцу и повез с собой, проехал сажен пять от того места, стало ни зги не видно — темная ночь. Он диву дался. Ехал, ехал и сам не знает куда.

Вдруг видит огонек.

— А,— думает,— это, видно, гуртовщики. Хоть у них спрошу, куда ехать.

Подъезжает и видит — костер разложен, а кругом волки сидят и с ними сам Егорий Храбрый. А один волк сидит в сторонке да зубами щелкает.

Говорит мужик, что, мол, так и так, заплутался, не знаю, где дорогу найти. Егорий ему и говорит:

— Зачем,— говорит,— у волка овцу отнял?

— Да она,— говорит мужик,— ко мне бросилась. Мне ее жаль стало.

— А чем же волки-то кормиться будут? Вот эти, видишь, сытые лежат, а этот голодный, зубами щелкает. Я их кормлю; все довольны, только один жалуется. Брось ему овцу, тогда укажу дорогу. Ведь эта овца была волку обречена, так чего ты ее отнял?

Мужик взял и бросил волкам овцу. Как только бросил, стал опять ясный день, и дорогу домой нашел.

СТРЕМЯ ЕГОРИЯ-ВЕЛИКОМУЧЕНИКА

Был мужик, Нестером звали. У Нестера было ребят шестеро. Жили бедно. Что делать?

— Пойду я о большую дорогу с каким-нибудь прохожим. Не могу один напросить на детей.

Сидит о дороге. Видит, едет молодой человек на коне. Конь белый, на голове волосы черные и кудреватые, стремена золотые. Он еде да парит.

— Здравствуй, раб божий.

— Здравствуй, молодой человек. А как тебя зовут?

— Великомученик Егорий.

— Скажи, как мне с дитями проживать? Спроси у господа бога.

— Спрошу, спрошу.

— Омманешь. Оставь мне что-нибудь.

— А у меня только стремена.

Вот и оставил стремяно золотое. Тот потом пришел о дорогу, сел и сидит опять. Егорий-то приехал.

— Что, Егорий-великомученик, господь велел?

— А велел, что́ взаймы возьмешь — не отдавай. Говори, что и не брал никогда. А где можешь — укради.

А потом и спрашивает:

— А где мои стремена?

— Что ты, молодой человек, Егорий-великомученик, я их и не видал...

(Так он и на иконы с одной стременой.)

А он так и стал жить. Стремено покажет. Оно красивое. Говорят:

— Сделай нам таки.

— Ой,— говорит,— денег много надо.

Дадут деньги, а он потом:

— Я и не видал.

Разжился.

МАТУШКА ПЯТНИЦА

Когда-то одна баба не почла матушку Пятницу и начала прядиво мыкать да вертеть. Пропряла она до обеда, и вдруг сон на нее нашел — такой могучий сон! Уснула она, вдруг отворилась дверь, и входит, вишь, матушка Пятница воочью всем, в белом шушуне, да сердитая такая! И шмыг прямо к бабе, что пряла-то. Набрала в горсть кастрики с пола, какая отлетала-то от мочек, и ну посыпать ей глаза, и ну посыпать! Посыпала да и была такова: поминай как звали! Ничего и не молвила, сердешная. Та баба как проснулась, так и взвыла благим матом от глаз, и не ведая, от чего они заболели. Другие бабы сидят в ужасьи и учали вопить:

— Ух ты окаянная! Заслужила казнь лютую от матушки Пятницы!

И сказали ей все, что было.

Та баба слушала-слушала и ну просить:

— Матушка Пятница! Взмилуйся мне, помилуй меня, грешную. Поставлю тебе свечку и другу-недругу закажу обижать тебя, матушка!

И что ж ты думаешь? Ночью, вишь, опять приходила она и выбила из глаз у той бабы костру-то, и она опять встала.

Грех великий обижать матушку Пятницу — прядиво мыкать да прясть!

ШЕЛ АЛЕКСАНДР ОШЕВЕНСКИЙ

Преподобный Ошевенский отец Александр многомилосьливый опоселился в Ошевенском. Года не знаю, не могу сказать, в каком году. Шел он здесь престарелым, старцем был таким темным. Старцем глубокой-преглубокой старости он шел. Понравилось ему эта Ошевенская тайга, лес непроходимый, болота, реки, озера.

Оприселился в первой деревне Ха́луй (теперь эти Халуи называются Черемушки). Так его не возлюбили, как он такой рипсоватой, грязной, ходит скимник какой-то, не понравился он деревенским:

— Уходи от нас, не занимай место этто. Не ставь монастыря никакого, не разводи ничего! Уходи, нам такого не надо.

— Ну, ладно. Могу уйти от вас: я человек не греховодный,— вот взял им и говорит.— Ну, ладно. Когда вы мне не уважили, и я вам не буду уважать. Возьму вот батожком тыкну — и река та уйдет под землю вашу, и будете жить без реки.

— Ну и как, тебе такого дела не сделать!

— Нет,— говорит,— сделаю.

Вот он взял батожком своим, подсохом тыкнул в землю — и пошла река под землю. Мимо деревни и под землю пошла.

Если когда водопольё большое, то река у их шумит. Каменье все оголилося, все каменье, все оголилося. Ну, вот он и пошел, ушел от них. А река минова́ла деревню и опять из-под горы вышла, и своей дорогой идет опять река.

Он пришел в Низ: деревня Низ — Михеево. Его не пустили опять.

— Ну, ладно, живите ни серо ни бело.

Ну, так они и живут, только на одних убытках кое на каких. Опять от них он ушел.

Оприселился он: была тайга, о реку мост. Место такое возлюбовал веселое. Ну, ему и разрешили поставить монастырь в этой тайге. Ну, он это строил монастырь, построил. Оприселился, стал молиться. Возверовали там темные люди, не так были грамотные, только любили одного бога, и все.

Было очень много змей, гадов. На пастбище жгали. Повалятся скотина отдыхать — они в этот момент их жгут. Один старичок пришел и говорит:

— Вот,— говорит,— преподобный Ошевенский, отец Александр! Такое горе случилося: змей корову жгнул. Еще была одно только богатство — корова, и то змей жгнул.

— Ну, тогда уж я еще такие чудеса могу вам сотворить.

— Ну, преподобный, если можешь, так пожалуйста.

— А будь он проклят до тех мест, покуда мой звон слышно! — говорит.

И больше в этом месте Ошевенском, в окружность километров десять, змеей нет. А подальше валом змеей там.

СЛЕД НА КАМНЕ

Один он такой, как странник, был-шел. Думали, он такой старичок какой-то. Вот он сел туда — они испугались: что он будет делать? А он говорит:

— Я здесь буду оприселяться.

— Ты что это строиться будешь, дак поля жалко.

Вот его взяли и прогнали. Говорят: «Уходи».

Вот он пошел и тут, где родничков наделал, пошел он по деревне.

В деревне лежал камешок. Он на этот камень ступил ногой, след оставил и пошел дальше.

— Вот,— говорит,— живите ни серо ни бело. А ухожу, найду место.

Шел он, до Реки дошел. Это где волость — Река. Дошел до Реки, свернул в лес. Там такой горбышок нашел, определил — хотел монастырек поставить. Не понравилось: место сырое.

⟨...⟩ Дальше пошел в сторону. И вот идет — о дорогу все роднички. Потом там сделал тоже много родников и там тоже оставил следы — знак, что он был тут.

Вышел на большую дорогу. Эта дорога не зарастает. Вот куда он шел — не зарастает лесом, как на тракторе проехано.

Пошел дальше, дошел до Ошевенска. Там монастырь был построен.

О СТРАННИКАХ

ЗАРАСТАЙ МОХОМ-ТРАВОЮ

...И даже эти о́зера признаки у нас есть. Вот пройди вот так: как берег. И уж этому времени вот по книге как записано — 240 лет (в то время, в 37 или в 38 году, мы определяли — 240 лет, а теперь период уж еще дальше стал). И вот это озеро заросло...

А там еще интересно было написано, как оно заросло. Раньше ведь ходили, монахи ходили, ну как... с котомкой, собирали куски да всё. Вот один попросил, знашь, у старика у Гонешкова:

— Дай ты мне рыбы на уху.

А он и говорит:

— Вашего брата ходит тут: кажному давать, дак и себе не останется.

Он перекрестил это озеро и сказал:

— Зарастай мохом-травою.

И вот с тех пор стало зарастать и зарастать, и сейчас скот по нем уж ходит, болото...

А сейчас были геологи, дак там определили: восемь метров торфу уж наросло. Будут разрабатывать сейчас.

ДВА СТАРИЧКА

Рассказываю со слов мамы...

В их деревне два старичка пришли к купцу, у него детей не было, а жена была в положении. Старички были оборванные, а богатые не любят таких. Попросились они ночевать, их покормили у порога мало-мало, и просидели они весь день.

Потом приехал купец богатый из города. Они его приняли — напекли, настряпали: богатый богатого хорошо

угощает. Стариков уложили в анбаре, а купца на кровати, простыни белые расстелили, одеяла...

Жена стала рожать ночью. Привезли бабушку или медика. Родила она. Купец, который в гости-то приехал, стоит на крыльце и курит. И слышит, старики в анбаре разговаривают: нарекли имя мальчику и сказали, что проживет он двадцать лет, женится, а во время свадьбы утонуть ему в колодце. Купец зашел в избу, а хозяевам ничего не сказал, решил проверить, правда ли это. Уехал он назавтра днем.

Стали крестить и крестным отцом взяли купца. Прожили двадцать лет. Пригласили купца на свадьбу. Он молчит, не говорит, что дальше будет. Поехали венчаться, домой приехали, за столы сели. Купец вышел, замкнул колодец. Пришло время парню к колодцу идти, свадьба сидит. Вышел он, а колодец закрыт, и он на колодце умер.

И купец потом признал этих стариков за святых, потому что господь имя нарекает, и всегда нарекается, сколько лет человеку прожить.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящей книге содержатся тексты преданий, быличек, легенд, зафиксированные в разных местностях России в XIX—XX веках и опубликованные преимущественно в разрозненных изданиях: в периодической печати, в записках и дневниках путешественников, в сборниках, включающих в себя произведения различных жанров. Некоторую часть составляют полевые, записанные составителем сборника на магнитофонную ленту, ранее не публиковавшиеся тексты.

Выходные данные использованных источников приводятся в «Примечаниях» и в связанном с ними «Списке условных сокращений». Читателю, пожелавшему узнать паспорт публикуемого текста, то есть сведения, от кого, где, когда и кем была произведена запись, следует обратиться непосредственно к названным источникам.

Все тексты печатаются без изменений. Однако при подготовке текстов к печати, в связи с необходимой при этом унификацией, мы в ряде случаев ввели дополнительные абзацы, оформили по правилам современной пунктуации диалоги, заменили точку с запятой, характерную для устаревшей пунктуации, на точку, опустили некоторые части текста, не имеющие прямого отношения к фольклорному произведению, обозначив пропущенное отточиями в угловых скобках.

При подготовке текстов к печати сняты фонетические диалектные особенности (цоканье, чоканье, оканье и прочее), затрудняющие чтение фольклорного произведения.

Вошедшие в сборник предания, былички, легенды озаглавлены преимущественно составителем, поскольку не имеют устойчивых названий ни в живой традиции, ни в записи, ни даже, за редким исключением, в прежних публикациях.

Роль комментариев к фольклорным сюжетам возложена на вступительную статью, где дана характеристика основных разновидностей русской народной исторической и мифологической прозы и где внимание читателя обращено на переплетение реального и вымышленного в устнопоэтическом тексте.

К тем произведениям, которые перепечатываются из книг «Северные предания» (в списке условных сокращений см.: *Криничная*), «Сибирские сказы, предания, легенды» (см.: *Мисюрев*) или «Сказки и пре-

дания казаков-некрасовцев» (см.: *Тумилевич*), читатель может найти более подробные, относящиеся к конкретным текстам комментарии, обратившись к этим изданиям непосредственно.

Объяснение диалектных, устаревших слов и оборотов содержится в «Словаре». Толкования их даны применительно к их значению в текстах, публикуемых в этом сборнике.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ПРЕДАНИЯ

О ЗАСЕЛЕНИИ И ОСВОЕНИИ КРАЯ

Основание Киева. Повесть временных лет. С. 208—209.
Братья-первопоселенцы. Соколова, Гришин. № 14. С. 104—105.
Шихан-гора. Завьяловский. С. 18.
Прошлое деревни. Рождественская. № 12. С. 34.
Принесло помяло... Криничная. № 13. С. 32.
Пенье петухово. Криничная. № 31. С. 41—42.
Основание подышевских деревень. Криничная. № 33. С. 42—43.
Стук топора. Китайник. № 2. С. 162.
Где поставить церковь. ОГВ. 1908. № 45. С. 1.
На самотек весенней водой. Криничная. № 16. С. 34.
Кижский собор. Криничная. № 103. С. 81.
Ей нравилось в поле. АКФ. 128. № 26; Фонотека. 1374/1.
Как Соловки строили. Криничная. № 23. С. 38; № 4. С. 25.
Как писец Панин давал имена заонежским деревням. Криничная. № 7. С. 26—30.
Почему наши села так называются. Соколова, Гришин. № 14. С. 106.
Откуда взялось название «Байкал». Элиасов. № 40. С. 417—418.
Сподвижники Ермака — основатели деревень. Парилов. № 1. С. 111.

ОБ АБОРИГЕНАХ КРАЯ

Чудесная страна. Колпакова. С. 97—98.
Дивьи люди. Сказочная комиссия. С. 28—29.
Дивии народы и Александр Македонский. Афанасьев. Т. 3. № 318. С. 43.
Племя одноногих. Фольклор Урала. № 13. С. 45.
Народ без бровей. Фольклор Урала. № 14. С. 45.
Первопоселенцы холмогорской местности. Ефименко. Ч. 1. С. 17.
Чудин Лист — основатель деревни Лисестров. Ефименко. Ч. 1. С. 19.
Владения чудского князя на реке Вые. Заря. 1971. № 25. 27 февраля.
Чудская дева-правительница. Кривощеков. С. 215.

Девица из чудского племени. Ефименко. Ч. 1. С. 10.
Жители села Койдокурья. Ефименко. Ч. 1. С. 18—19.
Уходящая чудь. Заря. 1971. № 67. 5 июня.
Белоглазово. Криничная. № 51. С. 50.
Самопогребение чуди. ЖС, 1905. Вып. 1—2. С. 104—106.
Сокровища погибшей чуди. Криничная. № 53. С. 51.

О БОГАТЫРЯХ И СИЛАЧАХ

Юноша-кожемяка. Повесть временных лет. С. 283—284.
Рах Рагнозерский. Труды КФ. № 16. С. 139—141.
Иван Донской. Криничная. № 91. С. 74—75.
Силач Андрюша. Криничная. № 83. С. 66—67.
Курганы-богатыри. Парилов. № 2. С. 112.
Братья-богатыри. Криничная. № 80. С. 64.
Меньшиковы. Криничная. № 92. С. 75—76.
Иван Лобанов и его сестра. Криничная. № 101. С. 79—80.
Иван Лобанов на архангельской пристани. АКФ. 128. № 92.
Про Никитушку Ломова. Садовников. № 121. С. 381—382.
Силач Илья Носков. Криничная. № 98. С. 78.
Коням не под силу. Мисюрев. С. 96.
Шибко удалый. Мисюрев. С. 97.
Силач Кузьма Фанныч. Фольклор Урала. № 41. С. 53.
Была девочка. Фольклор Урала. № 39. С. 52.

О БОРЬБЕ С ВНЕШНИМИ ВРАГАМИ

«Сгинули как обры». Повесть временных лет. С. 210.
Подвиг молодого киевлянина. Повесть временных лет. С. 244—246.
Белгородский кисель. Повесть временных лет. С. 286—287.
Батыева дорога. ИОРЯС. 1906. Т. 11. Кн. 1. С. 151—152.
Чалая Могила. Соколова, Гришин. № 11. С. 103—104.
Караульная гора. Акимова, Архангельская. № 1. С. 216.
Немецкая щелья. Криничная. № 145. С. 100—101.
Окаменели. Максимов. Т. 1. С. 172—173.
Гришка Отрепьев и паны. Пришвин. С. 33—34.
Разорение Кокшеньги. Гура. С. 286.
Панское озеро. Ончуков. № 232 (б). С. 502.
Литовцы на Киваче. Криничная. № 109. С. 84—85.
Как француз приходил. Бирюков. С. 14—15.
Про англичанку. Звезда Севера. 1935. Кн. 7. С. 53.
Серебряный колокол. Звезда Севера. 1935. Кн. 7. С. 53—54.

О РАЗБОЙНИКАХ

Владыка-воин. Криничная. № 144. С. 100.
Колга, Жожга и Кончак. Максимов. Т. 1. С. 179—181.
Воровское городище. Сидельников, Крупянская. № 23. С. 69.
Ходил разбой шайками... ЖС. 1908. Вып. 1. С. 80—81.
Богатырь Пашко и разбойники. Максимов. Т. 2. С. 318—321.
Дед Колышек и разбойники. Садовников. № 111 з. С. 355—356
Фома-воевода. Криннчная. № 151. С. 106—107.
Разбойник Васька Журавлев. Кругляшова. № 101. С. 78.
Атаман Кудеяр. Тонков. № 8. С. 63—64.
Кудеяр на барском пиру. Тонков. № 9. С. 64.
Клады, Кудеяр и разбойники. ИОРЯС. 1906. Т. 11. Кн. 1. С. 151.
Про Катериновы суда. Комовская. № 48. С. 57.
Старушка по лесу бежала. Комовская. № 52. С. 59.
Рощин и золото. Комовская. № 53. С. 60.
Плавучий остров. Комовская. № 61. С. 64.
Вороженн Артамон. Комовская. № 57. С. 61—62.
Архирейские тыщи. Мисюрев. С. 11—12.
С водой ушел. Мисюрев. С. 13—14.

О РАСКОЛЕ И РАСКОЛЬНИКАХ

Никон. Др. и нов. Россия. 1879. № 9. С. 411—412.
Аввакум — проповедник правды. Элиасов, Ярневский. № 452. С. 301—302.
Встреча Аввакума с Разиным. Элиасов, Ярневский. № 453. С. 302—303.
Проклятие Никону. Элиасов, Ярневский. № 459. С. 310.
Сожжение протопопа Аввакума. Максимов. Т. 2. С. 60—62.
Осада Соловецкого монастыря при Алексее Михайловиче. Криничная. № 159. С. 114.
Гибель староверов. Криничная. № 161. С. 114—115.
Родословная Рыжаковых. Элиасов. № 21. С. 399—400.
Родословная Чебуниных. Элиасов. № 19. С. 397—398.
Раскольники нри Петре Первом. Майнов. С. 240.
Петр и злыдни. Шкроб, Соколов. С. 29.

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯХ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Юрик-новосел. Криничная. № 164. С. 117—118. (Зап. от сказителя В. П. Щеголенка.)
Марфа Посадница. Криничная. № 165. С. 118—119.
Воцарение Ивана Грозного. РС, 1876. Т. 15. С. 470.
Сороки-ведьмы. Труды... Т. 1. № 4. С. 339—340.

Наказание Волги. Труды... Т. 1. № 3. С. 339.
Бычья шкура. Бараг. № 40. С. 135.
Расправа с боярами. Труды... Т. 1. № 2. С. 338—339.
Приехал царь Грозный в Новгород... Якушкин. С. 121—122.
Казнь колокола. Др. и нов. Россия. 1879. № 9. С. 409.
Царь Грозный и архимандрит Корнилий. Якушкин. С. 159—161.
Воцарение Бориса Годунова. Др. и нов. Россия. 1879. № 9. С. 409.
Царица Марфа Ивановна. Др. и нов. Россия. 1879. № 9. С. 411.
На овес н воду, или Дьяк Третьяк. Криничная. № 167. С. 119—120.
Обельщина. Криничная. № 169. С. 121—122.
Марфа Романова н ключаревскнй род. Криничная. № 170. С. 122—123.
Царь Михаил Федорович н Алексей Михайлович. Др. и нов. Россия. 1879. № 9. С. 411—412.

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯХ РОССИИ

Петр и плотник. Тонков. № 7. С. 63.
Царь Петр и солдат. Тонков. № 6. С. 62—63.
Петр Первый и вытегоры. АКФ. 134. № 4; Фонотека. 1620/4.
Чудо-церковь. Криничная. № 202. С. 141.
На пути к Архангельску. АГВ. 1872. № 38.
Тебе весело — и мне весело. Шевляков и Щеголев. С. 77—78.
А в Архангельске — лучше! Максимов. Т. 2. С. 557.
Дом Петра близ Новодвинской крепости. Немирович-Данченко. С. 158.
Петр Первый на лесопильном заводе при Вавчугской верфи. Михайлов. С. 13.
Петр Первый и Баженин. Максимов. Т. 2. С. 477—478.
Потехи на Кегострове. Михайлов. С. 14.
Соломенный бал в Соломбале. Максимов. Т. 2. С. 388—389.
Петр Первый н Антип Панов. Криничная. № 221. С. 156.
Пушки из колоколов. Криничная. № 223. С. 158—159.
Осударева дорога. Первая мостовина. Криничная. № 220. С. 155.
Осударева дорога. Боярская леность. Криничная. № 173. С. 126.
Осударева дорога. Переправа под Пулозером. Криничная. № 230. С. 162.
Петр Первый и мастер Лайкач. Криничная. № 231. С. 162—163.
Петр Первый и Илья-пророк. Криничная. № 172. С. 126.
Петр Первый — кум. Майнов. С. 39—40.
Тестеннники. Криничная. № 175. С. 127.
Петр Первый в Повенце. Криничная. № 176. С. 127—128.
Непостроенный город на Мягострове. Криничная. № 187. С. 133.
Петр Первый н Преображенская церковь в Кижах. Криничная. № 179. С. 129.
Петр Первый и водяник. Криничная. № 188. С. 133.
Лисья Голова. Криничная. № 206. С. 143—144.

Взятие Орешка. Шевляков и Щеголев. С. 201—202.
Петр Первый в Троице-Сергиевом монастыре. АКФ. 5. № 24.
Войны Петра Великого со шведами. Криничная. № 180. С. 130.
Поездка Петра Первого в Соловки. Криничная. № 171. С. 123—125. (Зап. от сказителя В. П. Щеголенка.)
Основание Петрозаводска. Криничная. № 190. С. 134.
Открытие Марциальных вод. Криничная. № 192. С. 134—135.
Олонецкий священник. Криничная. № 215. С. 150.
Олонецкий воевода. Криничиая. № 216. С. 150—152.
Конь Петра Великого. Криничная. № 209. С. 145—147.
О Демидовых и демидовских заводах. Морохин. № 18. С. 188—189.
Демидовские брусья. Кругляшова. № 48. С. 56—57.
Петр и Меншиков. Минц и Савушкина. № 19. С. 74.
Меншиков в Сибири. Мисюрев. С. 119—120.
Брюс. ЖС. 1890. Вып. 2. С. 140.
Арнхметчнк. ЖС. 1871. Вып. 4. С. 169—170.

О РУССКИХ ПОЛКОВОДЦАХ

Подвиги Александра Невского. Житие... С. 329—337.
Суворов и солдаты. Бирюков. С. 9—10.
Посещение Петрозаводска Суворовым. Криничная. № 197. С. 137—138.
Переход через горы. Бирюков. С. 10—13.
Суворов и бывалый казак. Гончарова. № 22. С. 189—191.
Знаменитый полководец. Бирюков. С. 8.
Суворов и мезенский солдат. Крюкова. С. 140—142.
Солдаты Суворова шибко любили... Элиасов. С. 329—330.
Суворовские внуки. Элиасов. С. 328—329.
Солдат-поселенец. Элиасов. С. 333.

О ВОЖДЯХ НАРОДНЫХ МАСС

О покорении Сибири Ермаком. Элиасов. С. 438—440.
Ермак Тимофеевич и Стенька Разин. Лозанова. № 41. С. 84—85.
Гибель Ивана Болотникова. Криничная. № 211. С. 148.
Ураков бугор. Лозанова. № 40. С. 83—84.
Стенька-чернокнижник. Лозанова. № 36. С. 79—81.
Разговор барина с Разиным. Элиасов, Ярневский, Соловьева. № 44. С. 122.
Не спасибо тебе, матушка Волга-река... Лозанова. № 35. С. 78—79.
Марина-безбожница и Стенька Разин. ЖС. 1890. Вып. 2. С. 139.
Бочка золота. Лозанова. № 51. С. 161—163.
Старичок. Лозанова. № 56. С. 169.
Достать их мудрено. Лозанова. № 55. С. 168—169.
На Синих горах. Лозанова. № 57. С. 170.

Смерть Булавина. Тумилевич. № 26. С. 144—147.
Уйти от царя да царицы — не измена. Тумилевич. № 31. С. 156—158.
Корабль из города Игната. Тумилевич. № 45. С. 194—196.
Почему плакал царь? Тумилевич. № 58. С. 224—225.
О Пугачеве. Коротин. № 211. С. 199.
Пугачев в станице Татищевской. Завьяловский. С. 61—62.
Пугач и Салтычиха. ЖС. 1890. Вып. 2. С. 140.

О ДЕЯТЕЛЯХ РУССКОГО РЕВОЛЮЦИОННО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Бунт князей и графов. Элиасов. С. 346—347.
Князья-каторжники. Элиасов. С. 356—357.
Кюхельбекер и иркутский губернатор. Элиасов. 1968. С. 96.
Как Ка́рлович крестьянку вылечил. Элиасов. С. 344—345.
Как Чернышевский царские загадки отгадывал. Элиасов. С. 364.
Чернышевский и царь. Элиасов. С. 361—362.

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА

БЫЛИЧКИ, БЫВАЛЬЩИНЫ, ПСЕВДОБЫЛИЧКИ. ЛЕГЕНДЫ

О ЛЕШЕМ

Свети, светило. Садовников. № 68 г. С. 227.
Леший и рыбак. АКФ. 134. № 127; Фонотека. 1625/13.
Пение лешего. АКФ. 23. № 234; Фонотека. 1436/2.
Хозяин зверей лесных. Карнаухова. С. 219.
Лесной старик и охотник. О. сб. Вып. 1. Отд. 11. С. 42—43.
Суд лесовой. Шастина. № 32. С. 273—276.
Пошел по лесу сильный крик... Соколовы. № 110. С. 196—197.
Леший-кум. Балашов. № 14. С. 71—72.
Пропала лошадь. АКФ. 128; № 9. Фонотека. 1372/9.
Встреча с лешачихой. АКФ. 134. № 147.
С лешим за рыжиками. АКФ. 128. № 10; Фонотека. 1372/10.
Леший водил. Зиновьев. № 5. С. 15.
Леший водил меня. АКФ. 134. № 148.
Как я к лешему в гости ходил. Мохирев и Браз. № 4. С. 155—157.
Как леший с водяным раздружился. Садовников. № 68 а. С. 226—227.
Леший и целовальник. Садовников. № 68 в. С. 227.
Лешие-картежники. АКФ. 128. № 8; Фонотека. 1372/8.
Леший в шапке с кокардой. Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 9.
Как два старика обманули двух учителей. АКФ. 23. № 290; Фонотека. 1439/10.

О ГОРНОМ

Золотой старец и губошлепы. Север. 1894. № 8. Стб. 421—422.
Спасибо горному. Мисюрев. С. 72.
Горный батюшка. Мисюрев. С. 74—75.
Не угодил горному. Мисюрев. С. 71—72.
Вот вам и горный! Мисюрев. С. 81.

О ВОДЯНОМ И РУСАЛКАХ

Шляпа. Сидельников, Крупянская. № 21. С. 65—66.
Развяжу ли — завяжу ли я! Балашов. № 122. С. 360.
Месть водяного. АКФ. 134. № 150.
Рыбий клеск, или Ограбленный водяной. ОГВ. 1860. № 2. С. 6—7.
Как два водяных породнились. О. сб. Вып. 3. С. 321—322.
Посмотреть на подводное царство. Рыбников. С. 194.
Водяной. АКФ. 23. № 320; Фонотека. 1440/22.
Водя-водя-водяник. АКФ. 23. № 503; Фонотека. 1449/6.
Русалки. Зиновьев. № 66. С. 51.
Договор с водяной русалкой. Колпакова. С. 96.

ОБ ОГНЕВИЦЕ

На пожоге. АКФ. 84. № 37; Фонотека. 2301/2.

О ДОМОВОМ И ДВОРОВОМ

Малюхонький старичок. Зиновьев. № 100. С. 75.
Гостинцы. АКФ. 84. № 73; Фонотека. 2302/16.
Домовой невзлюбил. Зиновьев. № 80. С. 58.
Свадьба в подполье. АКФ. 23. № 487; Фонотека. 1447/23.
Как у дворового спрашивали. АКФ. 128. № 24; Фонотека. 1373/10.

О БАЕННИКЕ

Баенник. АКФ. 134. № 149.
Белая кошка. АКФ. 84. № 69; Фонотека. 2302/11.
Топила ночью байну... АКФ. 84. № 68; Фонотека. 2302/10.

ОБ ОВИННИКЕ

Про гаданье и овинника. АКФ. 23. № 251; Фонотека. 1437/3.
Мявгает-ойкает. АКФ, 23. № 252; Фонотека. 1437/4.

О МЕЛЬНИЧНОМ

Проделки мельничного «хозяина». АКФ. 128. № 11; Фонотека. 1372/11.

О ЧЁРТЕ

Черти молоденькие. Зиновьев. № 158. С. 107.
Бесёда. АКФ. 135. № 1; Фонотека. 1627/1.
Как девки на бесёде сидели. Соколовы. № 64. С. 112—113.
Обещанный лапоть. Зиновьев. № 165. С. 112.
Горький пьяница. Афанасьев. 1914. № 29. С. 202—205.
Охотник и черт. Соколовы. № 68. С. 128.
Как жена мужа вызволила. Рыбников. С. 187—188.
Ночь на Ивана Купалу. Худяков. № 74. С. 185—186.
Про Иванов цвет. Садовников. № 75. С. 246.

О ПРОКЛЯТЫХ

Леший взял. Колпакова. С. 20—21.
Проклятая. Зиновьев. № 177. С. 118—120.
Из люльки потерялась. Соколовы. № 28. С. 50—51.

О ВЕДЬМАХ И КОЛДУНЬЯХ

Ведьмы с Лысой горы. Семейный круг. 1859. № 9. С. 211—212.
Сестры-ведьмы в страшную неделю. Зиновьев. № 244. С. 173.
Как мышь свеклу грызла. АКФ. 136. № 178; Фонотека. 2527/11.
Матюша и колдунья. АКФ. 84. № 111. Фонотека. 2304/3.

О ПОКОЙНИКАХ

Жена из могилы. Ончуков. № 120. С. 290—291.
Покойный дружок. Ончуков. № 289. С. 575—576.
Жених-мертвец. Зиновьев. № 394. С. 274—275.
Как я помер. Зиновьев. № 412. С. 286—287.

О ГАДАНИИ

Гадание. АКФ. 134. № 157.
Девичья ворожба. АКФ. 84. № 43; Фонотека. 2301/8.
Мужчина в пинжаке. Зиновьев. № 426. С. 294.
Букет цветов двенадцати сортов. АКФ. 149. № 22.

О КЛАДЕ

Золотая курушка. АКФ. 128. № 46; Фонотека. 1375/4.
Свиное рыло. Труды Костромского о-ва. С. 14.
Барашек из-под пола. Зиновьев. № 415. С. 288—289.
Ходят черные кошки кру́гом. Садовников. № 112 в. С. 361.
Клад домой пришел. АКФ. 134. № 123.
Баба с рогами. Харузина. С. 125.
На цепях бочки с золотом. Садовников. № 112 з. С. 362.
Носить — не выносить. АКФ. 128. № 22. Фонотека. 1373/8.
Вертится, а в руки не дается. АКФ. 134. № 156.
Золотой самовар и га́рманы. АКФ. 134. № 12; Фонотека. 1620/12.
Давай бог ноги! Садовников. № 112i. С. 363.

ЧУДИТСЯ

Носта́льгия. Зиновьев. № 61. С. 49.
Сонна свадьба. АКФ. 136. № 22; Фонотека. 2522/22.

О ПРОВАЛИВШЕМСЯ В ЗЕМЛЮ ДОМЕ, СЕЛЕНИИ

Пропавшая бесёда. АКФ. 135. № 56—57.
Провалившийся в землю дом. АКФ. 40. № 6.

О БИБЛЕЙСКИХ ПЕРСОНАЖАХ

Сотворение мира. Рыбников. С. 186.
Собачья доля. Шейн. № 207. С. 357—358.
Чудо на мельнице. Афанасьев. 1914. № 2. С. 60—61.
Чудесная молотьба. Зеленин. № 132. С. 413—414.
Богородица заступилась. ЖС. 1916. Вып. 4. Прилож. 6. С. 76.
Часовня при дороге. АКФ. 84. № 41; Фонотека. 2301/6.
Соломон Премудрый. Афанасьев. 1914. № 15. С. 134.

О СВЯТЫХ

Суд святых. Домановский и Новиков. № 20. С. 36—37.
Николай-чудотворец и леший. АКФ. 84. № 36; Фонотека. 2301/1.
Касьян и Никола. Афанасьев. 1914. № 11. С. 117—118.
Про Егория Храброго. Садовников. № 94. С. 283.
Стремя Егория-великомученика. АКФ. 21. № 211.

Матушка Пятница. Афанасьев. 1914. № 13. С. 124—125.
Шел Александр Ошевенский. АКФ. 128. № 15; Фонотека. 1373/1.
След на камне. АКФ. 128. № 25; Фонотека. 1374/2.

О СТРАННИКАХ

Зарастай мохом-травою. АКФ. 128. № 62; Фонотека. 1377/8.
Два старичка. Зиновьев. № 444. С. 303—304.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АГВ — Архангельские губернские ведомости.

Акимова, Архангельская — Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья. Составители Т. М. Акимова, В. К. Архангельская. Саратов, 1969.

АКФ — Архив Карельского филиала АН СССР. Первая цифра обозначает номер коллекции, вторая — номер текста в ней.

Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Подгот. текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа: В 3 т. М., 1957.

Афанасьев, 1914 — Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1914.

Балашов — Сказки Терского берега Белого моря. Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970.

Бараг — Сказки, легенды и предания Башкирии в новых записях на русском языке. Под ред. и с коммент. Л. Г. Барага. Уфа, 1975.

Бирюков — Урал в его живом слове: Дореволюционный фольклор. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1953.

Гура — Сказки, песни, частушки Вологодского края. Сост. В. В. Гура. Вологда, 1965.

Домановский и Новиков — Русское народно-поэтическое творчество против церкви и религии. Сост., вступ. статья и примеч. А. В. Домановского и Н. В. Новикова. М.; Л., 1961.

Др. н нов. Россия — Древняя и новая Россия.

Ефименко — Заволоцкая чудь. Составил П. С. Ефименко. Архангельск, 1869.

Житие... — «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). Сост. и общая ред. тома Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1969.

ЖС — Живая старина.

Завьяловский — Предания и сказки Оренбургских степей. Сост. П. Завьяловский. Чкалов, 1948.

Заря — газета Верхнетоемского района Архангельской области.

Звезда Севера — журнал.

Зеленин — Великорусские сказки Вятской губернии. Сб. Д. К. Зеленина. Пг., 1915.

Зиновьев — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Карнаухова — Сказки и предания Северного края. Сост. И. В. Карнаухова. Л., 1934.

Китайник — Уральский фольклор. Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949.

Колпакова — Колпакова Н. Терский берег. Архангельск, 1937.

Комовская — Предания и сказки Горьковской области. Зап. и ред. текстов, вступ. статья и примеч. Н. Д. Комовской. Горький, 1950.

Коротин — Коротин Е. Фольклор яицких казаков: Песни, народная проза, детский фольклор. Алма-Ата, 1981.

Кривощеков — Кривощеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского у. Пермской губ. Пермь, 1914.

Криничная — Северные предания. Беломорско-Обонежский регион. Изд. подгот. Н. А. Криничная. Л., 1978.

Кругляшова — Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим). Сост., автор вступ. статьи и примеч. В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967 (Уч. зап. Уральского гос. университета им. А. М. Горького № 60. Серия филол. Вып. 5).

Крюкова — Крюкова М. С. О богатырях старопрежних и нынешних. В записях Э. Г. Бородиной-Морозовой и А. А. Морозова. Архангельск, 1946.

Лозанова — Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Вступ. статья, ред. и примеч. А. Н. Лозановой. Л., 1935.

Майнов — Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. Изд. 2-е. Спб., 1877.

Максимов — Максимов С. Год на Севере. Спб., 1859.

Минц и Савушкина — Сказки и песни Вологодской области. Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955.

Мисюрев — Сибирские сказы, предания, легенды. Сборник А. Мисюрева. Новосибирск, 1959.

Михайлов — Михайлов А. Очерки природы и быта Беломорского края России: Охота в лесах Архангельской губернии. Спб., 1868.

Морохин — Сказки, предания, легенды, былички, сказы, устные рассказы. Хрестоматия. Составитель В. Н. Морохин. М., 1977.

Мохирев и Браз — Вятские песни, сказки, легенды. Произведения народного творчества Кировской области, собранные в 1957—1973 гг. Сост., авторы предисл., историограф. обзора и примеч. И. А. Мохирев и С. Л. Браз. Горький, 1974.

Немирович-Данченко — Немирович-Данченко В. И. Беломорье и Соловки: Воспоминания и рассказы. Киев, 1892.

ОГВ — Олонецкие губернские ведомости.

Ончуков — Северные сказки. Сб. Н. Е. Ончукова. Спб., 1908.

О. сб. — Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1875—1876. Вып. 1. 1894. Вып. 3.

Парилов — Парилов Н. Г. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948.

Повесть временных лет — Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. Подгот. текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.; Л., 1950.

Пришвин — Пришвин М. М. В краю непуганых птиц: Очерки Выговского края. Спб., 1907.

Рождественская — У Белого моря. Народные песни и сказы. Сборник Н. Рождественской. Архангельск, 1958.

РС — Русская старина.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Изд. 2-е. М., 1910. Т. 3.

Садовников — Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. Спб., 1884.

Сидельников, Крупянская — Волжский фольклор. Составили В. М. Сидельников, В. Ю. Крупянская. М., 1937.

Сказочная комиссия — Сказочная комиссия в 1927 г. Л., 1928.

Соколова, Гришин — Устное народное творчество Рязанской области. Вступ. статья, подгот. текстов и примеч. В. К. Соколовой и В. П. Гришина. М., 1965 (Уч. зап. Рязанского гос. пед. ин-та. Т. 38).

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

Тонков — Фольклор Воронежской области. Составил В. А. Тонков. Воронеж, 1949.

Труды... — Труды Третьего Археологического съезда в России. Киев, 1878.

Труды Костромского о-ва — Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 26. Кострома, 1921.

Труды КФ — Труды Карельского филиала АН СССР. Вып. 20: Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1959.

Тумилевич — Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов, 1961.

Фольклор Урала — Фольклор Урала: Народная проза. Свердловск, 1976.

Фонотека — Фонотека Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Первая цифра обозначает номер кассеты, вторая — номер записи в кассете.

Харузина — Харузина В. На Севере (Путевые воспоминания). М., 1890.

Худяков — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М.; Л., 1964.

Шастина — Русские сказки Восточной Сибири. Сост. тома, подготовка текста, комментарий и предисловие Е. И. Шастиной. Иркутск, 1985.

Шевляков и Щеголев — Петр Великий в анекдотах. Черты из жизни и деятельности. Под ред. М. Шевлякова и Я. Щеголева. Спб., 1901.

Шейн — Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. 2. Спб., 1893.

Шкроб, Соколов — Шкроб А., Соколов В. Брянская старина. Брянск, 1961.

Элиасов — Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. 2: Народные предания. Улан-Удэ, 1960.

Элиасов 1968 — Русский фольклор Прибайкалья. Общая ред., вступ. статья Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1968.

Элиасов, Яриевский — Фольклор семейских. Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Улан-Удэ, 1963.

Элиасов, Ярневский, Соловьева — Русский фольклор Тункинской долины. Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский, Л. А. Соловьева. Улан-Удэ, 1966.

Якушкин — Якушкин П. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. Спб., 1860.

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ, УСТАРЕВШИХ СЛОВ И ОБОРОТОВ

Адали́ — подобно, как будто, словно.

Арапы тут наши глаза не замазывай — не заправляй арапа, не лги.

Архимандри́т — настоятель монастыря, обладающий священническим саном.

Арши́н — русская мера длины, равная 0,71 м, применявшаяся до введения метрической системы.

Аске́р — по турецки: солдат.

Балахо́н — летнее пальто-платье казачки-некрасовки.

Бу́де — если.

Ва́рака — гора, скала, утес, скалистый остров в море.

Ва́чаги, ва́чки — рукавицы.

Вдругоря́дь — в другой раз.

Ве́ршник — всадник.

Вершо́к — русская мера длины, равная 4,4 см, применявшаяся до введения метрической системы.

Ве́шай — здесь: бей.

Ве́шала — шесты, на которые развешивают сети для просушки.

Ви́цей хро́мать — стегать прутом.

Возки́ — прочные сани, с оглоблями большой толщины, на которых перевозилось от 50 до 80 пудов поклажи.

Возки́ бегали, чаи́ шли — движение подвод, груженных китайским чаем и направляющихся в Европейскую часть России.

В прибо́ре — в порядке.

Втыме́ж — в то время.

Вы́копать (глаза) — выколоть.

Вязье́ — гибкие прутья, употребляемые для связывания копыльев у саней.

Галье́т — судно галиот.

Га́чи заска́л — подвернул штанины до колен.

Го́рница — верхняя, парадная комната в крестьянском доме.

Гости́бье — приглашение и прием гостей.

Губа́ — полоса земли, вдающаяся в реку, озеро; мыс.

Гумно́ — помещение, сарай для сжатого хлеба.

Гута́рить — говорить.

Дво́рник (сиб.) — содержатель постоялого двора.

Де́дя и де́динка — дядя и тетя.

До поло́й ночи — до полуночи.

Допре́жь — прежде.

Досе́льное время — до сих пор, до сего времени, прежде.

Досю́льщина — старина; все, что было в давности.

Дымник — деревянный, обычно широкий, дымоход.

Ела́нь — возвышенная голая открытая равнина.

Ели́ко — сколько, сколь.

Жадо́ба, жадо́бушка — милый, любимый, дорогой.

Жезл — посох особой формы, служащий символом какого-либо звания, положения, чина и т. п.

Замо́к — здесь: слово, имеющее магическую силу или снимающее силу заговора.

Западня́ — здесь: подъемная дверь в подполье.

Запре́жь — прежде.

Яска́ть — поднять, загнуть, закрутить.

Зе́льная — сильная.

Зепь — карман.

Зуёк, зуём — мальчик 10—12 лет, принимавшийся рыбаками в промысловую артель в качестве подсобной рабочей силы.

Зыбн — болота.

Изго́на — гонение.

Изде́лен — деловит.

Изо́тчина — отчество.

Ка́рбас — беспалубная парусно-гребная лодка с полукруглыми носом и кормой для остойчивости на морских волнах.

Кино́вия — монастырь.

Киса́ — кожаный или суконный мешок, затягиваемый шнуром.

Клеск — рыбья чешуя.

Ковды́ — когда.

Коловра́тный арши́н — аршин в длину и в ширину.

Копёр — козлы для бойки свай.

Копы́ло, копы́лья — вертикальные стойки, соединяющие полозья с верхней частью саней.

Ко́рмщик — рулевой; старший в поморской промысловой артели.

Костри́ка (костра́) — жесткая часть стебля льна, раздробляемая и отделяемая от волокна при мятье, трепании.

Косу́шка — полбутылки водки.

Кро́сна — ткацкий станок.

Круга́ма играли — игра «кру́гом» (своеобразная народная игра «в ляпы»).

Кумы́шка — самогон.

Куро́к — штырь, на котором держится и ходит передняя часть повозки.

Ла́диться — собираться, намереваться.

Ла́мба — небольшое лесное озеро.

Ла́поть (ло́поть) — старая поношенная одежда.

Ла́ска — зверек.

Леси́на — дерево.

Литурги́я — христианское церковное богослужение, обедня.

Лу́да — мель, каменистая отмель.

Лучо́к — загиб, согнутый прут.

Ляда́щая — худая, бедная.

Ляди́на — низкое сырое место, поросшее лесом или кустарником.

Ля́мошник — бурлак.

Мере́жа — конусообразная сеть с обручами.

Мечта́ет — здесь: кажется.

Мочка — прядь льна или поскони.

Мы́за — отдельно стоящая усадьба с сельскохозяйственными постройками.

На́больший — атаман.

На́волок — мыс, полуостров.

Навыка́ть — постигать.

Нажи́вщик — член поморской промысловой артели, который насаживал мелкую рыбу (наживку) на крючки тресковых ярусов.

На́земь — на землю.

Напахну́ться — появиться быстро и внезапно.

На́полы — наполовину.

Нáрочи — нарочно, с намерением.

Нéмцы — часто в значении шведы.

Не нýжно — здесь: без нужды.

Не пó люби — не по нраву.

Неприкóсны — не причастны.

Ни стúглому, ни сбéглому — ни конному, ни пешему.

Нунь, нýнько — теперь.

Обофóр — омофор, часть церковного облачения, надеваемая на плечи.

Орт — горизонтальная подземная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода на поверхность.

Óшевни — дровни.

Пáдара — вихрь, буря, непогода.

Пахáть (печку) — подметать.

Пелёва — полова.

Перевóд — здесь: балки под крышей.

Перея́ривать — сеять яровое.

Плúца — лопасть колеса.

Пóжня — сенокосный луг.

Помялó — веник.

По насéрдкам — осердясь.

Пономáрь — низший церковный служитель в православной церкви; псаломщик.

Понýдиться — принуждать себя сделать что-либо.

Пососúть — покормить грудью.

Посýда — деревянное небольшое судно, преимущественно парусное.

Похожáть — поднимать, выбирать из воды промысловую снасть после определенного срока ее нахождения на местах лова.

Почлá — почтила.

Прядь — «стреляют, как прядь делают» — беспрерывно.

Развя́нуть — рассвести.

Раздробúть — здесь: разойтись во мнении.

Расшúва — большое деревянное парусное, а также двигающееся конной или людской тягой судно, с острым носом и кормой, обычно плоскодонное (плавали в прошлом по Волге и Каспийскому морю).

Решúть(ся) — кончить, убить, исполнить.

Рипсовáтый — оборванный.

Ро́сстань — перекресток дорог, распутье.

Рю́си — ловушка для рыбы.

Ряда́нт — холм, возвышенность.

Ряди́ться — торговаться.

Саба́н — деревянный плуг простейшего устройства с двумя лемехами и деревянным отвалом.

Сга́нивать — собирать в одно место.

С год на круг — круглый год.

Сгрубе́ть (о погоде) — помрачнеть, посуроветь.

Се́льга — продолговатая возвышенность, покрытая лесом.

Серёдка — здесь: средняя часть дома.

Спло́ток — бревна, доски, сплоченные наподобие плота или соединенные в связки.

Спора́ндать — управиться, привести в порядок, устроить.

Сря́ду — подряд.

Станови́ще — стан, стоянка; место временного пристанища промышленников; удобная бухта для остановки рыболовных судов.

Сте́гно́ — бедро, ляжка.

Сто́лшнн — перекрещивающиеся, сталкивающиеся волны.

Стре́та — встреча.

Суём — сходка.

Тиу́н — название различного рода должностных лиц на Руси XI—XVII веков (управляющего княжеским или барским хозяйством и пр.).

Тро́ю — трижды.

Тури́к — лубяной сосуд цилиндрической формы.

У́стюжи — устье.

Утоля́ется — утихает.

Ухо́жье, ухо́жа — выгон, пастбище.

Фате́ра — квартира, место стоянки.

Ц̣ело́ (чело) — отверстие между двумя проходами русской печи, ведущее в дымоход.

Человекова́тая — то есть такого возраста, в котором можно выйти замуж; зрелая.

Шаба́шить — кончать работу; делать перерыв в работе.

Ша́ньга — ватрушка.

Шиба́шка — лихорадка.

Шиина́ма играли — беседный танец или игра девиц с молодцами под звуки песен.

Шня́ка — морская парусно-гребная лодка, применявшаяся на рыбных промыслах.

Шушу́н — женская одежда.

Ще́льга, ще́лье, ще́лья — скала, каменный кряж.

Этта (—о) — здесь, на этом месте, теперь.

Ю — ее.

Ял, я́лик — небольшое гребное судно; шлюпка.

Ям — станция для проезжающих, стан.

Яро́мина — яма с водой.

СОДЕРЖАНИЕ

Составитель
КРИНИЧНАЯ Неонила Артемовна

ЛЕГЕНДЫ. ПРЕДАНИЯ. БЫВАЛЬЩИНЫ

Редактор *В. А. Сергапова*
Художник *Б. А. Лавров*
Художественный редактор *О. Г. Черведова*
Технический редактор *В. М. Котова*
Корректоры *Г. А. Голубкова, Н. А. Павлова*

ИБ № 5586
Сдано в набор 31.10.88. Подписано к печати 14.08.89. Формат 84x108/32. Гарнитура академич. Печать высокая с ФПФ. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,96. Уч.-изд. л. 14,64. Тираж 200 000 экз. Заказ 185. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30

